

**ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

**Северо-Кавказский
регион**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
2017**

4

Журнал основан в 1972 г. Ю.А. Ждановым

Главная редакция:

В.И. Колесников (главный редактор),
В.Е. Закруткин, В.С. Золотарёв, А.В. Павленко (заместители главного редактора),
Е.А. Шинкаренко (отв. секретарь)

Редакционная коллегия:

В.С. Золотарёв – председатель редколлегии, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
И.М. Узнардов – заместитель председателя, доктор исторических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Х. Акаев – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, Россия
А.У. Альбеков – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
М.А. Боровская – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
А.П. Горбунов – кандидат исторических наук, доктор экономических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, Россия
А.А. Магомедов – доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия
Е.М. Ниворожкин – доктор экономических наук, PhD (доктор экономики), UCL School of Slavonic and East European Studies, Лондон, Англия
В.Н. Овчинников – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
М.Д. Розин – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Р.Д. Хунагов – доктор социологических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
О.А. Алимуратов – доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, Россия
В.Ю. Апрыщенко – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.М. Белоусов – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Б.Б. Булатов – доктор исторических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, Россия
Ю.Г. Волков – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.С. Денисова – доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.В. Драч – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Н.Н. Евченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Н.В. Изотова – доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.Ф. Карпова – доктор педагогических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Ю.С. Колесников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Н.А. Мининков – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Л.И. Ниворожкина – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.И. Пржиленский – доктор философских наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Россия
В.В. Черноус – кандидат политических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
И.К. Шевченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Э.А. Шеуджен – доктор исторических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
О.М. Штомпель – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия

Учредители:

Министерство образования и науки Российской Федерации, Дагестанский государственный технический университет, Дагестанский государственный университет, Донской государственный технический университет, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кубанский государственный технологический университет, Кубанский государственный университет, Пятигорский государственный университет, Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Северо-Кавказский федеральный университет, Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова, Южно-Российский институт управления РАНХ и ГС при Президенте РФ, Южный федеральный университет

Над номером работали: В.В. Дашевская, Т.М. Климчук, В.И. Литвиненко, М.С. Шипитко.

Подписано в печать 14.12.17. Выход в свет 21.12.17.

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 14,88. Уч.-изд. л. 15,62.

Тираж 250 экз. Заказ № 6101

Адрес редакции и издателя (для переписки):

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, Южный федеральный университет.

E-mail: izvestiya@sfnu.ru. Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfnu.ru

Адрес редколлегии серии «Общественные науки»:

344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 2, к. 110,

тел.: (863) 218-40-00 доб. 11-093; (863) 218-40-00 доб. 11-094

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции

Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ,
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 1, к. 104, тел. (863) 247-80-51

Journal was founded in 1972 by Y.A. Zhdanov

Central Edition:

V.I. Kolesnikov (Chief Editor),
V.E. Zakrutkin, V.S. Zolotarev, A.V. Pavlenko (Deputy Chief Editor),
E.A. Shinkarenko (Executive Secretary)

Editorial Committee:

V.S. Zolotarev - the Chairman of the Editorial Board, Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
I.M. Uznarodov - Deputy Chairman, Doctor of Historical Sciences, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.H. Akayev - Doctor of Philosophy, Professor, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Russia
A.U. Albekov - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
M.A. Borovskaya - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
A.P. Gorbunov - Candidate of History, Doctor of Economics, Professor, Pyatigorsk State University, Russia
A.A. Magometov - Doctor of History, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Russia
E.M. Nivorozhkin - Doctor of Economics, PhD, UCL School of Slavonic and East European Studies, London, England
V.N. Ovchinnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
M.D. Rosin - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
R.D. Hunagov - Doctor of Social Sciences, Professor, Adyghe State University, Russia
O.A. Alimuradov - Doctor of Philology, Professor, Pyatigorsk State University, Russia
V.Yu. Apyschenko - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
V.M. Belousov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
B.B. Bulatov - Doctor of History, Professor, Dagestan State University, Russia
Yu.G. Volkov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
G.S. Denisova - Doctor of Social Sciences, Professor, Southern Federal University, Russia
G.V. Drach - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
N.N. Evchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
N.V. Izotova - Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University, Russia
G.F. Karpova - Doctor of Pedagogy, Professor, Southern Federal University, Russia
Yu.S. Kolesnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
N.A. Mininkov - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
L.I. Nivorozhkina - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.I. Przhilensky - Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State University of Law, Russia
V.V. Chernous - Doctor of Political Sciences, Professor, Southern Federal University, Russia
I.K. Shevchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Sheudzhen - Doctor of History, Professor, Adyghe State University, Russia
O.M. Shtompel - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia

The Founders

Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Dagestan State Technical University, Dagestan State University, Don State Technical University, Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Kuban State University, Kuban State Technological University, Pyatigorsk State University, Rostov State Transport University, Rostov State University of Economics, Khetagurov North Ossetian State University, North Caucasus Federal University, Platov South Russian State Technical University, South Russian Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration of the President of the Russian Federation, Southern Federal University

Magazine released V.V. Dashevskaya, T.M. Klimchuk, V.I. Litvinenko, M.S. Shipitko

Signed print 14.12.17. The publication 21.12.17.

Format 60×84 1/8. Offset paper.

Conv. print. sheets 14.88. Publ. sign. 15.62.

Edition 250 copies. Order number 6101

Address editorial board and the publisher (for correspondence):

344006, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, Southern Federal University.

E-mail: izvestiya@sfnu.ru. Web Address: www.izvestiya.sfnu.ru

Address editorial board of the series "Social Sciences":

344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 2, room 110,

phone: (863) 218-40-00 ext. 11-093; (863) 218-40-00 ext. 11-094

Printed in the printing department, and corporate souvenirs,

Publishing and printing complex KIBI MEDIA CENTER, SFU,

344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, build. 1, of. 104, phone (863) 247-80-51

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

IZVESTIYA VYSSHIKH UCHEBNYKH ZAVEDENII. SEVERO-KAVKAZSKII REGION

DOI 10.23683/0321-3056-2017-4

*Регистрационный номер 011018
Комитета Российской Федерации*

по печати

Научно-образовательный

и прикладной журнал

Издается с 1973 г.

Периодичность серии 4 номера в год

№ 4 (196) 2017 г.

Reg. No. 011018

Of the Russian Federation Committee

for the Press

Educational-research journal

of applied sciences

Published since 1973.

4 issues per a year

No. 4 (196) 2017

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

SOCIAL SCIENCES

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCE

- Гнатюк М.А.** Социокультурные параметры российской модернизации в контексте оппозиции «инерционность – креативность»..... 5
- Лубский А.В., Бедрик А.В., Сериков А.В.** Социальный статус этнического лидера (на примере диаспор Ростовской области)..... 10
- Фетисова О.В.** Массовое сознание и его трансформация в современном российском обществе..... 16
- Цифанова И.В.** Поиски идентичности в ситуации постмодерна: социальная игра и историческая экзистенция..... 21

- Gnatyuk M.A.** Social and Cultural Parameters of Russian Modernization in the Context of the Opposition "Inertia-Creativity"..... 5
- Lubsky A.V., Bedrik A.V., Serikov A.V.** The Social Status of the Ethnic Leader (on the Example of Diasporas of the Rostov Region)..... 10
- Fetisova O.V.** Mass Consciousness and Its Transformation in Modern Russian Society..... 16
- Tsifanova I.V.** Search for Identity in the Situation of Postmodern: Social Game and Historical Existence..... 21

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

HISTORICAL SCIENCE AND ARCHEOLOGY

- Амплеев Р.А.** Отражение в материалах ростовской печати кампании по изъятию церковных ценностей в 1922 году 28
- Бородин С.В.** Некоторые черты современного руссиеведения в Китае 33
- Виденкина К.А.** Консерватизм как общественно-политическая традиция России до середины XVIII века 39
- Егоров А.А.** Амьенский мир 1802 года и его английские критики..... 44
- Ковалева О.А.** История и поэзия: «Генриада» Вольтера как памятник своей эпохи..... 48
- Комарницкий О.Л.** О возникновении и развитии в Российском государстве уголовно-правовых норм: исторический аспект 52

- Ampleev R.A.** Reflection in the Rostov Printed Materials of the Campaign for the Confiscation of Church Values in 1922..... 28
- Borodin S.V.** Some Features of Modern Russian Studies in China..... 33
- Videnkina K.A.** Conservatism As a Socio-Political Tradition of Russia Up to the Middle of the XVIII Century 39
- Egorov A.A.** The Amiens Peace Treaty of 1802 and Its English Critics 44
- Kovaleva O.A.** History and Poetry: Voltaire's "Henriada" As the Monument of His Epoch.... 48
- Komarnitsky O.L.** On the Emergence and Development of Criminal and Legal Standards in the Russian State: the Historical Aspect..... 52

Кротов О.С. Повседневный мир донских старообрядцев во второй половине XVIII века.....	56	Krotov O.S. Everyday Life of Don Old Believers in the Second Half of the XVIII Century.....	56
Медведев М.В. Поисковое движение на Дону как форма сохранения исторической памяти общества.....	61	Medvedev M.V. Search Movement on the Don As Form of Maintaining Historical Memory of Society.....	61
Мининкова Л.В. О достоверности большевистских воспоминаний о революционном движении 1907–1914 годов.....	67	Mininkova L.V. On the Reliability of the Bolshevik Memories of the Revolutionary Movement of 1907-1914.....	67
Мухаметшина К.Р. Адыгская этническая идентичность в 90-е годы XX столетия: социокультурные и политические факторы внутренней трансформации	72	Mukhametshina K.R. Adygean Ethnic Identity in the 90s of the XX Century: Socio-Cultural and Political Factors of Internal Transformation	72
Новолодский А.С. Походы 50-х годов XVI века на Крым в московском летописании.....	77	Novolodskiy A.S. Military Campaigns in 50-ies of XVI Century to the Crimea in the Moscow Chronicle	77
Юдин К.А. Из истории «вечного противостояния»: атеизм и клерикализм в советско-русском социуме.....	82	Yudin K.A. From the History of «Eternal Conflict»: Ateism and Clericalism in the Soviet-Russian Socium.....	82
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ		ECONOMIC SCIENCE	
Добаев А.И. О факторах, повлиявших на формирование и развитие системы «хавала».....	89	Dobaev A.I. About the Factors that Influenced the Formation and Development of the Hawala System.....	89
Евченко Н.Н., Микаелян М.В. Динамика международной экономической и инвестиционной активности субъектов ВЭД в условиях нестабильности.....	95	Yevchenko N.N., Mickaelian M.V. International Economic & Investments Activity Dynamics of Foreign Trade Subjects under Conditions of Instability.....	95
Марюнина И.Н. Анализ эффективности государственных мер в реализации политики импортозамещения в нефтегазовой отрасли России	103	Maryunina I.N. Analysis of State Measures Efficiency in Import Substitution Policy in Oil and Gas Industry of Russia.....	103
Сергиенко В.Ю. Развитие благоустройства территорий в системе мер государственного и муниципального управления Ростовской области.....	109	Sergienko V.Yu. Development of Landscaping in the System of Measures of State and Municipal Management of the Rostov Region.....	109
ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ		TOUCHES TO THE PORTRAIT	
Ученый, организатор науки, писатель (к 80-летию Владимира Семеновича Золотарева).....	115	Scientist, Organizer of Science, Writer (On the 80th Anniversary of Vladimir Semenovich Zolotarev).....	115
ЗАМЕТКИ О КНИГАХ		BOOKS REVIEW	
Ивлиева О.В. – Экскурсовод. Как им стать : сборник статей и законодательных актов, позволяющих освоить специальность «экскурсовод» в городе Ростове-на-Дону / ред. и сост. Ю.С. Пономарев. Ростов н/Д. : Медиapolis, 2017. 76 с.	116	Ivlieva O.V. – Guide. How to Become It. A Collection of Articles and Legislative Acts, Allowing You to Master the Specialty of "Guide" in the Rostov-on-Don. Ed. and comp. Yu.S. Ponomarev. Rostov-on-Don: Mediapolis, 2017, 76 p.	116
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ		SCIENTIFIC LIFE	
Воронина Т.В., Евченко Н.Н. Об итогах III Международной научно-практической конференции «Конкурентоспособность национальных экономик и регионов в контексте глобальных вызовов мировой экономики» (Ростов-на-Дону, ЮФУ, 20–22 апреля 2017 г.).....	118	Voronina T.V., Yevchenko N.N. On the Results of the III International Scientific and Practical Conference "Competitiveness of National Economies and Regions in the Context of Global Challenges of the World Economy" (Rostov-on-Don, SFU, April 20-22, 2017).....	118
Денисов В.В. Научные конференции в Мордовии, посвященные 200-летию со дня кончины святого праведного воина Феодора Ушакова (Саранск, 12 октября 2017 г.; Темников, 17 октября 2017 г.).....	121	Denisov V.V. Scientific Conferences in Moravia Dedicated to the 200th Anniversary of the Death of the Holy Righteous Warrior Feodor Ushakov (Saransk, October 12, 2017; Temnikov, October 17, 2017).....	121

Мининков Н.А. Третья Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии», посвященная памяти академика РАН Николая Николаевича Покровского (Новосибирск, 13–14 октября 2017 г.).....	124	Mininkov N.A. The Third All-Russian Scientific Conference "Actual Problems of Russian History, Source Studies and Archeography", dedicated to the memory of Academician Nikolai Nikolayevich Pokrovsky (Novosibirsk, October 13-14, 2017).....	124
Указатель материалов, опубликованных в журнале «Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки» в 2017 г.	127	Index of Materials, published in the Journal “Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedenii. Severo-Kavkazskii Region. Social Sciences” in 2017	127
Рекомендации по оформлению транслитерации (References)	130	Recommendations for the design of transliteration (References)	130

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ PHILOSOPHICAL SCIENCE

УДК 101.1::316

DOI 10.23683/0321-3056-2017-4-5-9

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПАРАМЕТРЫ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ОППОЗИЦИИ «ИНЕРЦИОННОСТЬ – КРЕАТИВНОСТЬ»

© 2017 г. М.А. Гнатюк^а

^аСамарский государственный университет путей и сообщения, Самара, Россия

SOCIAL AND CULTURAL PARAMETERS OF RUSSIAN MODERNIZATION IN THE CONTEXT OF THE OPPOSITION "INERTIA-CREATIVITY"

М.А. Gnatyuk ^а

^а Samara State Transport University, Samara, Russia

Гнатюк Максим Александрович –
кандидат социологических наук,
преподаватель, кафедра управления персоналом,
Самарский государственный университет
путей и сообщения,
ул. Свободы, 2в, г. Самара, 443066, Россия.
E-mail: gnatuk_m@yandex.ru

Maksim A. Gnatyuk -
Candidate of Sociology,
Lecturer,
Department of Personnel Management,
Samara State Transport University,
Svobody St., 2v, Samara, 443066, Russia.
E-mail: gnatuk_m@yandex.ru

Показано, что социокультурные основания социальной модернизации актуализируются тем обстоятельством, что в ходе «соприкосновения с современностью» неизмеримо усложняется социальная реальность. Соответственно, в последнее время все больше внимания уделяется социокультурным параметрам модернизационных процессов, будь это акцент на культурных детерминантах модернизационных процессов, неинституциональный подход к экономическим явлениям или же упор на культурно-исторической обусловленности политических структур, тем более, если речь идет об оппозиции «инерционность – креативность».

Ключевые слова: социокультурные параметры российской модернизации, оппозиции «инерционность – креативность», традиционное общество, поведенческие культурные образцы, имитационные практики.

The article shows that social and cultural foundations of social modernization are actualized by the fact that during the "contact with the present" the social reality becomes immensely complicated. Consequently, in recent time, the attention is increasingly paid to social and cultural parameters of modernization processes. These parameters are the emphasis on cultural determinants of modernization processes, the neo-institutional approach to economic phenomena or an emphasis on the cultural-historical conditioning of political structures, especially when it comes to opposition "inertia-creativity".

Keywords: social and cultural parameters of Russian modernization, opposition "inertia-creativity", traditional society, behavioral cultural patterns, imitation practices.

Мировая практика реформ и преобразований свидетельствует, что, с одной стороны, есть модернизация как проект, задуманный элитой, с другой – имеются определенные трансформационные рамки, и шанс на успех имеет та модернизация, которая способна уложиться в подобные рамки, та реформа, которая соответствует

менталитету данного общества, его социокультурным характеристикам и свойствам.

Социокультурные основания социальной модернизации актуализируются тем обстоятельством, что в ходе «соприкосновения с современностью» неизмеримо усложняется социальная реальность. Соответственно, в последнее время

все больше внимания уделяется социокультурным параметрам модернизационных процессов, будь это акцент на культурные детерминанты модернизационных процессов, неинституциональный подход к экономическим явлениям или же упор на культурно-историческую обусловленность политических структур, тем более, если речь идет об оппозиции «инерционность – креативность».

И хотя В.И. Пантин не без оснований считает, что возможности инновационной (креативной) модернизации российского общества практически не реализуются из-за незаинтересованности финансово-спекулятивных структур и коррумпированной бюрократии в инновационном развитии [1, с. 117], потенциально такие возможности все же есть.

А.В. Глухова видит в числе цивилизационных особенностей России промежуточность, маргинальность ее социокультурных генотипов. Тип исторического движения России – хромающий, пульсирующий, где имеют место столкновения с одними и теми проблемами и трудностями: выживание, расколы, государственная интеграция/дезинтеграция, мощные рывки вперед и стремительные откаты, взаимное отчуждение власти и народа. Подобный алгоритм российского исторического развития находит особо отчетливое проявление в эпохи модернизации и реформирования [2, с. 50].

Рассмотрение социокультурного измерения модернизации в России через оппозицию инновационных и инерционных социокультурных комплексов, о которых говорит А.В. Глухова, позволяет ввести модернизационный дискурс в концептуальное поле социально-антропологических и культурологических изысканий.

Адекватное постижение модернизации возможно только через призму учета российских социокультурных, культурно-исторических, ментальных оснований и особенностей.

На передний план в дискурсе осмысления модернизации выходит способность культуры поддерживать свойства и потенции воспроизводства на уровне выше «критического порога», отделяющего выживание и деградацию социума.

«Сохранение возможности жить как в зоне бифуркации, так и в непосредственной близости от нее, более того, сохранение веры в чудо, в необходимость, прерывистость причинно-следственных связей до сих пор является значимыми элементами во многом языческого массового со-

знания. Заметим, что в рамках традиционалистской ментальности происходит смешение ее архаического и средневекового типов, что и объясняет присущую ей синкретичность. Живучесть традиционалистской ментальности во многом объясняется ее способностью освобождать человека от необходимости личного выбора, склонностью делегировать его коллективу, харизматическому вождю, религиозному авторитету» [3, с. 130].

Этот автор обращает внимание на то, что культуры, в которых преобладает традиционалистская ориентация, в том числе и культура российская, санкционируют, пусть и в разной степени, социальный фатализм и долготерпение, поскольку наличное положение вещей определяется социокультурной традицией. В рамках российской культурно-цивилизационной системы государство приобретает выраженные черты амбивалентности, являясь одновременно как источником космического порядка, так и мирового зла [3].

В итоге инерционность выступает принципиальной противоположностью креативности. Учет социокультурных параметров и характеристик социальной модернизации в оппозиции «инерционность – креативность» неизбежно выводят на застойные сферы жизнедеятельности, связанные с социальной инерцией и являющимися тормозами для подобной модернизации.

Для целого ряда исследователей основными особенностями исторического развития России являются тоталитарное (или авторитарное) государство и патерналистские настроения в обществе, массовое неисполнение закона, недоверие к любой власти, кроме самой высшей. При этом государство всегда стояло выше личности.

Как отмечал Ю.Н. Афанасьев, вся наша история заполнена внешнеполитическими аннексиями вместо обустройства внутреннего пространства. Но на такую непрерывную аннексию ресурсов постоянно не хватало. Тогда власти приходилось выбивать их из народа силой. Все это неизбежно сопровождалось абсолютным подавлением всякого недовольства и противостояния. Отсюда и проистекает принципиальная дилемма – государство, но не личность. Отсюда – самодержавие, крепостничество, ордынство, имперскость [4].

Исходя из этого, как полагает Э. Паин, «следует признать существование специфических социально-культурных условий страны, но воспри-

нимать их не как рок, а как явление, которое всегда конструировалось и реконструировалось». «Отсутствие традиций парламентаризма, традиций рыночного хозяйства, громадное разрушение как традиций, так и механизма в их трансляции, произошедшее в период советской власти, практически исключает представление о том, что главным фактором исторической инерции являются некие культурные традиции» [5, с. 14, 15].

Характер внутренних перемен в социуме задается как бы изнутри, традицией. Характеризуя инерционность традиционного общества, Д. Травин и О. Маргания пишут о том, что даже если человек традиционного общества видит, что получает некоторую выгоду, изменяя традициям предков и действуя рационально, он не станет все же менять образ жизни. Рациональные выводы для него неубедительны. Большую ценность имеет для представителя традиционного общества сохранение status quo, нежели обретение богатства, успешная карьера, повышение качества жизни и все прочее, что привлекает человека, принадлежащего к обществу модернизированному [6].

Традиционное общество – это социум с определенным типом жизнеустройства, выстроенным на принципах следования традициям. Традиция выступает как механизм поддержания устойчивости культуры на протяжении всей истории. Но в периоды социокультурной модернизации, когда традиции не успевают «перекодировать» содержание изменений, происходит, согласно Ю.Лотману, «культурный взрыв», полная ломка прежней системы представлений и ориентаций. Все это стимулирует регенерацию архаических культурных моделей и типов массового сознания. Так обращающаяся к архаическим слоям переходная культура получает в свое распоряжение инструментарий, который соответствует способу организации социокультурного пространства.

Традиционное общество выталкивает в жизнь людей с низким образовательным уровнем и крайне слабо выраженной индивидуальностью, атрофированным чувством собственного достоинства, что принципиально противостоит пониманию креативности как способности индивидов и социальных акторов порождать новые векторы и способы деятельности, идеи и рефлексивные структуры, интеллектуальные и инновационно-технологические ресурсы, новые типы социальности как продукты креативности.

Понятие креативности связано со способностью актора не повторяться, создавать нечто новое, умением всякий раз конструировать алгоритмы заново [7]. Недаром профессор американского университета Карнеги-Меллона Р. Флорида пишет, что представители креативного класса составляют тот новый социальный слой, начинающий определять не только развитие отдельных компаний, рост и процветание городов, но также мощь держав, выступающих конкурентами в геополитическом пространстве современного мира [8].

Известный исследователь проблем креативности Ю.Г. Волков применительно к проекту российской модернизации предлагает сценарий будущего креативного общества. В его понимании креативность находит воплощение в творчестве, сориентированном на производство нового социального продукта, новых идей и знаний. При этом модернизация в России может быть эффективна, если будет формировать и развивать креативное общество при доминанте социального творчества, конструировать индивидуально-структурное поле деятельности на основе ценностей самовыражения, самореализации и социального альтруизма [9, с. 25].

В свою очередь Э.Р. Григорьян определяет социальную креативность как способность к выдвиганию новых идей и принципов, имеющих прогрессивный социальный эффект. Слово «прогрессивный» имеет то значение, что создаваемые социальные конструкции будут работать и, во-вторых, во благо их социумов. Креативность включает широкое поле способностей: это и теоретическое мышление, способность к планированию, прогностические способности, способность к совместному труду, готовность к кооперации, установлению контактов, направленность на достижение успеха, высокий уровень развития концентрации внимания, селективности памяти.

В социологическом смысле креативность можно определить как способность к конструированию идеальных моделей социума, или отдельных его областей, или видов деятельности вместе с их прогнозируемыми последствиями. С этой точки зрения созидательная креативность – это конструирование и преобразование идеальных моделей социальной реальности для достижения соответствия идеальной модели реальной структуре потребностей [10, с. 7, 8].

На социокультурные параметры модернизации в контексте оппозиции «инерционность –

креативность» одним из первых обратил внимание опять же Ю.Г. Волков, разрабатывая свою концепцию креативного класса и справедливо противопоставляя феномен креативности практикам имитации, во многом связанным как раз с социальной инерцией.

Он исходит из того, что концепция креативного класса возникает в контекстах сложных социальных и экономических процессов, отличающих последние десятилетия общественной эволюции. Транзит к координатам экономики знания зафиксировал рамочное русло интеллектуализации человеческого труда и замену рутинных форм деятельности инновационными сценариями. Но, являясь в сущности аналитическим конструктом, креативность имеет свои слабые стороны, связанные с неотрефлексированностью подлинных интенций в России.

Креативность выступает в качестве индивидуального качества, которое ориентирует личность на решение задач самореализации через отклонение универсальных норм социального бытия. На социальном макроуровне люди привыкли к имитационности в социальной и политической сферах, что подтверждается когнитивным диссонансом в контексте общественного мнения по поводу наиболее значимых общественно-резонансных событий и процессов российской жизни [11].

Опыт предшествующих российских модернизаций свидетельствует, что доминирование практик имитации, внедрение правовых, политических, социальных образцов на российскую почву через «асиммиляцию» ведет к воспроизводству социальных диспропорций между элитой и массами, между состоянием социума и ростом государственно-управленческих структур. При этом осуществляемые нововведения генерируют возникновение симулякров, которые позиционируются в качестве новых социальных институтов, но в силу социальной инерции выполняющих и усиливающих традиционные виды и формы идентификации и адаптации [11].

Так, имитационность, тесно связанная с социальной инерционностью, выступает противоположностью креативности, а включение социокультурного и человеческого измерений в рамки анализа российской модернизации позволяет, с одной стороны, уточнить и придать новый поисковый импульс теоретико-методологическому когнитивному поиску, а с другой – получить более полную и адекватную картину модернизации.

Процессы протекающей социальной трансформации, выступающие внешней ограничительной рамкой и одновременно несущие конструкцию модернизационного проекта носят макросоциальный характер и включают в себя относительно длительные тренды, задающие коридоры возможностей развития общества.

Литература

1. Модернизация и политика в XXI веке / отв. ред. Ю.С. Оганисян. М. : РОССПЭН, 2011. 336 с.
2. Глухова А.В. Проблемы российской модернизации в ценностном измерении // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 7 : Философия. 2011. № 2 (14).
3. Гавров С. Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М. : Едиториал УРСС, 2004.
4. Афанасьев Ю. Мы – не рабы? // Континент. 2008. № 138.
5. Социокультурные особенности российской модернизации : материалы круглого стола, проведенного 26 мая 2009 г. М. : Экон-Информ, 2009. 151 с.
6. Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация : в 2 кн. Кн. 1. М. : АСТ, 2004. 665 с.
7. Шохов А.С. Сознание креатора как креативная структура // Современные подходы к стратегическому консалтингу. URL: <http://www.lulu.com> (дата обращения: 20.09.2017).
8. Флорида Р. Креативный класс: Люди, которые меняют будущее. М. : Классика-XXI, 2005. 430 с.
9. Волков Ю. Г. Креативное общество как цель российской модернизации // Социс. 2011. № 11.
10. Григорьян Э.Р. Социальная креативность и ее общественные предпосылки // Креативность и социальные науки : сб. ст. / отв. ред. Э.Р. Григорьян. М. : Ин-т соц. наук, 2011.
11. Волков Ю.Г. Креативный класс versus имитационных практик // Гуманитарий Юга России. 2012. № 1.

References

1. *Modernizatsiya i politika v XXI veke* [Modernization and Policy in XXI Century]. Ed. Yu.S. Oganisiyan. Moscow: ROSSPEN, 2011, 336 p.
2. Glukhova A.V. Problemy rossiyskoy modernizatsii v tsennostnom izmerenii [The Problems of Russian Modernization in the Value Dimension].

Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Ser. 7: Filosofiya. 2011, No. 2 (14).

3. Gavrov S. N. *Modernizatsiya vo imya imperii. Sotsiokul'turnye aspekty modernizatsionnykh protsessov v Rossii* [Modernization in the Name of the Empire. Sociocultural Aspects of Modernization Processes in Russia]. Moscow: Editorial URSS, 2004.

4. Afanas'ev Yu. Мы – не рабы? [We are not Slaves?]. *Kontinent*, 2008, No. 138.

5. *Sotsiokul'turnye osobennosti rossiyskoy modernizatsii* [Sociocultural Features of the Russian Modernization]. Proceedings of the Round Table Held on May 26, 2009. Moscow: Ekon-Inform, 2009, 151 p.

6. Travin D., Marganiya O. *Evropeyskaya modernizatsiya* [European Modernization]: in 2 books. Book 1. Moscow: AST, 2004, 665 p.

7. Shokhov A.S. [Consciousness of the Creator as a Creative Structure]. *Sovremennye podkhody k*

strategicheskomu konsaltingu [Modern Approaches to Strategic Consulting]. Available at: <http://www.lulu.com> (accessed 20.09.2017).

8. Florida R. *Kreativnyy klass: Lyudi, kotorye menyayut budushchee* [Creative Class: People who Change the Future]. Moscow: Klassika-XXI, 2005, 430 p.

9. Volkov Yu. G. Kreativnoe obshchestvo kak tsel' rossiyskoy modernizatsii [Creative Society as the Aim of Russian Modernization]. *Sotsis*, 2011, No. 11.

10. Grigor'yan E.R. [Social Creativity and its Social Prerequisites]. *Kreativnost' i sotsial'nye nauki* [Creativity and Social Sciences]. Col. art. Ed. by E.R. Grigoryan. Moscow: Institut sotsial'nykh nauk, 2011.

11. Volkov Yu.G. Kreativnyy klass versus imitatsionnykh praktik [Creative Class of Versus Simulation Practices]. *Gumanitarii Yuga Rossii*, 2012, No. 1.

Поступила в редакцию / Received

10 октября 2017 г. / October 10, 2017

УДК 316.35

DOI 10.23683/0321-3056-2017-4-10-15

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЭТНИЧЕСКОГО ЛИДЕРА (НА ПРИМЕРЕ ДИАСПОР РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)*

© 2017 г. А.В. Лубский^а, А.В. Бедрик^а, А.В. Сериков^а
^аЮжный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

THE SOCIAL STATUS OF THE ETHNIC LEADER (ON THE EXAMPLE OF DIASPORAS OF THE ROSTOV REGION)

A. V. Lubsky^a, A. V. Bedrik^a, A. V. Serikov^a
^aSouthern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Лубский Анатолий Владимирович –
доктор философских наук, профессор,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет,
ул. Пушкинская, 160, г. Ростов-на-Дону,
344006, Россия.
E-mail: n_lav@mail.ru

Anatoliy V. Lubsky -
Doctor of Philosophy, Professor,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Pushkinskaya St., 160, Rostov-on-Don,
344006, Russia.
E-mail: n_lav@mail.ru

Бедрик Андрей Владимирович –
кандидат социологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет,
ул. Пушкинская, 160, г. Ростов-на-Дону,
344006, Россия.
E-mail: abedrik@bk.ru

Andrei V. Bedrik -
Candidate of Sociology, Associate Professor,
Leading Researcher,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Pushkinskaya St., 160, Rostov-on-Don,
344006, Russia.
E-mail: abedrik@bk.ru

Сериков Антон Владимирович –
кандидат социологических наук, доцент, директор,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет,
ул. Пушкинская, 160, г. Ростов-на-Дону,
344006, Россия.
E-mail: aserikov@inbox.ru

Anton V. Serikov -
Candidate of Sociology, Associate Professor, Director,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Pushkinskaya St., 160, Rostov-on-Don,
344006, Russia.
E-mail: aserikov@inbox.ru

Анализируется роль лидера национально-культурного объединения (диаспоры) как субъекта реализации приоритетных направлений государственной национальной политики России на современном этапе. На примере диаспор Ростовской области проводится исследование интеграционной, представительной, медиаторской и ресурсной функции этнического лидера, рассматривается дуализм в управлении общинами, привлечение ресурсов профессиональных групп для внутриэтнической консолидации и т.д. Основным фактором эффективности лидера является уровень его легитимности в глазах этнического сообщества и степень его признания региональным и местным социумами в лице органов управления национальной политики.

Ключевые слова: диаспора, этнический лидер, этнический статус, социальные функции, легитимность, национальная политика.

The article analyzes the role of the leader of the national-cultural association (diaspora) as a subject of implementing the priority directions of the state national policy of Russia at the present stage. On the example of the diasporas of the Rostov region, the integration, representative, mediatorial and resource functions of the ethnic leader are studied, du-

* Статья выполнена в рамках проекта РГНФ № 16-33-00030 «Антропотки и этнические диаспоры: социальные практики взаимодействия, особенности коллективных идентичностей и национальная безопасность в странах со сложной этнокультурной структурой (Россия и Германия)».

alism in the management of communities, the attraction of the resources of confessional groups for intra-ethnic consolidation, etc. are considered. The main factor in the effectiveness of the leader is the level of its legitimacy in the eyes of the ethnic community and the degree of its recognition by regional and local societies in the person of the bodies of management of the national policy.

Keywords: *diaspora, ethnic leader, ethnic status, social functions, legitimacy, national policy.*

Современные процессы управления сферой межэтнических взаимодействий характеризуются актуализацией роли гражданского потенциала национально-культурных и религиозных объединений в вопросах консолидации поликультурного ландшафта российского общества. В соответствии с текстом Стратегии государственной национальной политики России на период до 2025 г., утвержденной Указом Президента РФ № 1666 от 19.12.2012 г. [1], национально-культурные объединения выступают в качестве субъектов реализации национальной политики, деятельность которых должна быть направлена на развитие межнационального и межконфессионального диалога, возрождение семейных ценностей, противодействие экстремизму, национальной и религиозной нетерпимости. Одновременно Стратегия постулирует цель сохранения и развития этнокультурного многообразия народов России. Но если в отношении сохранения родной культуры и родного языка коренных народов Российской Федерации мобилизуются ресурсы государства, институтов образования и культуры, а также общественных организаций, то сохранение культуры и языка диаспорных народов преимущественно относится к сфере деятельности их национально-культурных сообществ без использования дополнительных институциональных возможностей. В подобных условиях социальный статус лидера диаспоры и его роль в реализации декларируемых целей государственной национальной политики возрастает, как и значение самих национально-культурных объединений, создаваемых диаспорами в местах своего локального расселения.

К категории диаспорных этнических меньшинств относятся группы этнических меньшинств, проживающие за пределами своей исторической родины и образующие на территории своего компактного проживания социально интегрированные сообщества по признаку этнокультурного самоопределения [2, с. 64]. Институционально эти сообщества могут иметь статус региональной/местной общественной организации или национально-культурной автономии [3, с. 27]. В этом смысле диаспорами Ростовской области выступают народы дальнего зарубежья

(греки, евреи, ассирийцы, поляки, афганцы, турки), а также народы постсоветской государственности (украинцы, белорусы, армяне, азербайджанцы, грузины, узбеки, таджики, киргизы), которые имеют на территории региона не только демографическую представленность, но и институциональные формы групповой интегрированности (общественные организации, национально-культурные автономии, культурные центры и т.д.). Лидеры их объединений имеют официальный юридический статус, закрепленный уставом сообщества, и политический статус, выражающийся в представительстве своей этнической группы в составе Консультативного совета по межэтническим отношениям при губернаторе Ростовской области.

Исследование социального статуса лидера диаспоры (национально-культурного объединения) осуществлялось двумя вариантами социологических методов. Во-первых, через серию глубинных интервью с руководителями и активистами национально-культурных сообществ Ростовской области, а также государственных служащих региона, ответственных за реализацию мероприятий национальной политики. Во-вторых, путем опроса представителей диаспорных сообществ с помощью стандартизированного анкетного интервью на основе выборки, формируемой методом «снежного кома». Всего было проведено 12 глубинных интервью, а анкетным методом опрошено 124 респондента. Эмпирический этап исследования проходил в мае – октябре 2017 г. в г. Ростове-на-Дону и Ростовской области.

Результаты его позволяют выделить несколько особенностей социального статуса лидера диаспоры. Прежде всего – сложившийся дуализм в структуре управления общественными объединениями национально-культурного толка, проявляющийся в том, что подавляющее большинство институтов диаспоры имеют одновременно двух руководителей, формальный статус которых закрепляется уставом организации. Лицом, возглавляющим организацию в должности председателя или президента, выступает представитель политического или экономического истеблишмента регионального социума (руководитель крупного бизнеса, известный общественный деятель, депутат,

ректор вуза и т.д.). Его роль в деятельности общины сводится преимущественно к двум базовым функциям: протекционной и ресурсной. Второе лицо организации, занимающее должность вице-председателя или исполнительного директора, обеспечивает реальное управление объединением, сосредоточиваясь на осуществлении представительной, интеграционной, коммуникативной и мобилизационной функций. Вице-председатель выступает от лица этнической интеллигенции и основным агентом актуализации этнической идентичности народа диаспоры. Лишь в единичных случаях функциональные роли лидера объединяются деятельностью одного лица (например, в случае с ассирийской или узбекской диаспорами).

История национально-культурных объединений в Ростовской области свидетельствует, что наибольшую жизнеспособность проявляли те общины, в которых удавалось достичь баланса в отношениях между двумя указанными категориями лидеров: политико-экономическим, с одной стороны, и культурно-общественным – с другой. Паритетное распределение функций обеспечивает стабильность диаспоры и удерживает ее от раскола, а конкуренция, наоборот, приводит к дроблению общественных объединений, их дублированию. Данные процессы подрывают авторитет официальных институтов диаспоры в глазах членов этнической общности, создают барьеры во взаимодействии группы и власти, а также с представителями государств исторической принадлежности. В настоящее время формальное членство в диаспорных объединениях итак имеет незначительное количество представителей общности, а в условиях утраты легитимности их число еще более сокращается [4, с. 242].

Одновременно лидерские функции в общины могут осуществлять представители духовенства. Это происходит в тех случаях, когда общность имеет этноконфессиональную природу. К таковым в Ростовской области могут быть отнесены: 1) евреи, в этнической идентичности которых ярко выделяется иудаистский религиозный компонент, а функционирование диаспоры осуществляется на базе ростовской синагоги; 2) поляки, ввиду их традиционной принадлежности к католической конфессии и первоначального возрождения институтов Римской церкви и полонейных организаций на базе возрождавшихся в начале 1990-х гг. костелов; 3) армяне, миграционный прирост которых в постсоветский период был максимальным в регионе, а консолидация

общины осуществлялась вокруг возрождавшихся структур Армянской апостольской церкви; 4) греки, ассирийцы и грузины, относящиеся к категории православных народов, но имеющие в странах или регионах своего исторического происхождения автокефальные религиозные организации, подкрепляющие свою национальную идентичность особенностями конфессионального статуса в рамках Русской православной церкви (так в г. Ростове-на-Дону греческая община возродила Благовещенский греческий храм, грузинская – ведет строительство Храма святой Нины – просветительницы Грузии, а ассирийская община в религиозном отношении курируется настоятелем Старо-Покровского храма). Духовные лидеры осуществляют не только религиозно-просветительскую деятельность внутри диаспор, но и прибегают к медиаторским практикам на внутриобщинном уровне в случае возникновения нескольких параллельных общественных организаций одного этноса.

Конфессиональные лидеры являются дополнительными агентами актуализации диаспорной идентичности, хотя их отсутствие само по себе не служит причиной ее утраты. Так, в регионе довольно существенно в демографическом отношении представлена азербайджанская община (17 961 чел.) [5, с. 7], в которой традиционно придерживаются ислама шиитского толка. Отсутствие шиитских мечетей и шиитского духовенства не стало причиной дезинтеграции общины, а лишь изменило ее конфессиональные ориентации в пользу суннитского ислама. Данная тенденция подкрепляется общей геополитикой Азербайджана и его диаспоры в сторону суннитской Турции, а не мирового шиитского центра – Ирана. Кроме того, диаспорные объединения могут сознательно дистанцироваться от религиозных организаций и наоборот. Так, католическая община Дона, стоявшая у истоков возрождения польской диаспоры, сегодня дистанцируется от деятельности последней.

Деятельность диаспорных лидеров сводится к универсальному набору функций. Во-первых, функция этнической интеграции и актуализации этнической идентичности особенно важна в условиях мемориальной этнической идентичности, среди потомков представителей этнических меньшинств, рожденных в смешанных браках и прошедших этапы аккультурации в регионе. Но и в условиях существенной демографической совокупности группы актуальность этнической интеграции не ослабевает, но переориентируется на

представителей этнической интеллигенции, лиц, обладающих ресурсом для продвижения этнических ценностей и повышения этнического имиджа. Кроме того, интеграционная функция непосредственным образом связана с задачами мобилизации диаспорного актива для участия в общественных акциях, научных и культурно-просветительских мероприятиях, организуемых в регионе органами управления и государственными учреждениями.

Во-вторых, функция этнического представительства в органах государственной и муниципальной власти, СМИ, учреждениях образования и культуры, других общественных институтах в настоящее время осуществляется через их вовлеченность в реализацию этнопросветительского проекта «150 культур Дона», в котором именно общины выступают соисполнителями мероприятий этнокультурной и исторической направленности на базе общеобразовательных учреждений Ростовской области. Кроме того, лидеры объединений осуществляют представительство своих этнических групп в отношениях с государствами своей исторической принадлежности, их дипломатическими структурами (встречи сотрудников посольств, организация культурного и экономического сотрудничества, проведение языковых школ для молодежи и т.д.).

В-третьих, ресурсная функция осуществляется как за счет мобилизации ресурсного потенциала самой общины, так и за счет привлечения средств поддержки из бюджета, грантовых фондов, программ поддержки соотечественников из стран исторической принадлежности. Кроме того, ресурсная функция среднеазиатских диаспор проявляется в том, что именно национально-культурные объединения выступают центром распределения трудового потенциала растущей общины за счет оказания помощи новым переселенцам в бытовом обустройстве, поиске работы, оформлении правового статуса и т.д.

В-четвертых, медиаторская функция в наибольшей степени поддерживается государственными институтами. Привлечение лидеров общины или их активистов к решению локальных межэтнических конфликтов в Ростовской области – один из наиболее эффективных и хорошо себя зарекомендовавших инструментов управления национальной сферой в регионе. Однако актуальность данного инструмента в большей степени характеризует общины народов

Кавказа и Средней Азии и не выражена среди европейских и других классических диаспор региона (например, евреев).

Эффективное осуществление данных функций возможно при условии легитимности лидера общины в своей этнической среде и необходимости сохранения лояльности в отношении действующей власти регионального или местного уровня. В этом случае лояльность власти – ресурс и риск развития этнического сообщества, так как если действия власти идут в разрез национальным интересам членов общности, то конформистская позиция руководства общины негативно оценивается членами группы, подрывая их авторитет и, следовательно, легитимность [6, р. 215]. Последнее ведет к расколу объединения, симулятивному характеру его деятельности, маргинализации и деинституционализации диаспоры [7, с. 78]. Так, фактическая утрата легитимного лидера в случае с немецкой общиной Дона привела к исчезновению самой организации, которая имеет и демографическую основу, отсутствие сложностей с изучением национального языка и культуры, престижность статуса принадлежности общности. Именно легитимность лидера, его харизма, обладание необходимым экономическим и социальным ресурсом выступает базовым фактором институционализации группы [8, с. 54].

Но не только личностный фактор может привести к утрате легитимности института сообщества. В случае с армянской, азербайджанской и некоторыми другими объединениями авторитет руководителя обусловлен внутренней дифференциацией общности. Так, армянская община на Дону разделена по принципу регионального происхождения членов единой армянской общности. Выделение субдиаспорных групп «крымских», «бакинских», «донских», «сухумских», «грузинских», «ереванских», «среднеазиатских» армян проецируется на структуру объединений, их номенклатуру, легитимность лидера. Искусственное навязывание властью принципа «один народ – одна община» в поддержке деятельности национально-культурных организаций играет дисфункциональную роль, так как маркирует субдиаспоры на «свои» и «чужие», «правильные» и «неправильные», подрывает лояльность членов диаспоры, снижает потенциал межэтнической консолидации и т.д. [9, с. 77]. Субдиаспоризация может иметь не только региональную природу, но и быть обусловленной конфессио-

нальными особенностями различных компонентов этнической группы [10, р. 9570], что создает новый виток выдвигания этнических лидеров, статус которых в этом случае становится более неформальным, а функционал ограничивается преимущественно интеграционной функцией, в то время как его медиаторский, представительный и ресурсный потенциал оказывается нивелирован.

Таким образом, лидер диаспорного сообщества является ключевым агентом актуализации этнической идентичности группы, интегрирующим ее потенциал и обеспечивающим возможности сохранения этнокультурной специфики в условиях иноэтнического окружения. Эффективность реализации лидером интеграционной, ресурсной, представительной или медиаторской функции зависит от степени его легитимности, уровня институционализации сообщества и лояльности региональной власти. Утрата легитимности этнического лидера приводит к подрыву социального статуса всей национально-культурной общности в рамках регионального социума, провоцирует его маргинализацию, усиливает как ассимиляционные тренды развития исторических диаспор, так и провоцирует изоляционные стратегии адаптации мигрантских меньшинств. Деятельность этнических лидеров дифференцирована по типам сообществ, но обязательно включает коммуникативные элементы через взаимодействие с региональной властью и дипломатическими службами государств исторической принадлежности диаспоры. Выделение из этнической среды лидера, обладающего потенциалом обеспечения баланса этнических, конфессиональных, субэтнических и общенациональных интересов, позволяет с большей степенью результативности решать приоритетные цели национальной политики России – гармонизацию межэтнических отношений поликультурного общества.

Литература

1. Указ Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: [http:// base.garant.ru/70284810/](http://base.garant.ru/70284810/) (дата обращения: 01.10.2017).
2. Бедрик А.В., Стукалова Д.Н., Терещенко А.А. Социально-правовой статус диаспоры в современном российском обществе: региональный ракурс // Гуманитарий Юга России. 2016. № 4. С. 61–71.

3. Хабриева Т.Я. Современные проблемы самоопределения этносов. Сравнительно-правовое исследование. М. : Контракт, 2010. 287 с.

4. Попков В.Д. Феномен этнических диаспор. М. : ИС РАН, 2003. 340 с.

5. Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 3 : стат. сб. Ростов н/Д. : Ростовстат, 2013. 400 с.

6. Rudiger A., Spenser S. Social Integration of Migration and Ethnic Minorities. Policies to Combat Discrimination // Conference Jointly organized by The European Commission and the OECD. January, 21–22. Brussels, 2003. P. 214–219.

7. Диаспоры и землячества: опыт регионального измерения: сб. ст. / кол. авт.; под ред. чл.-кор. РАН, проф. А.В. Дмитриева. М. : РУСАЙНС, 2016. 226 с.

8. Сикевич З.В. Этнические парадоксы и культурные конфликты в российском обществе. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2012. 206 с.

9. Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М. : Новое литературное обозрение; Ин-т философии РАН, 2014. 232 с.

10. Lubskey A.V., Bedrik A.V., Stukalova D.N. Confessional factor of ethnic community reproduction in the South of Russia // International Journal of Environmental and Science Education – IJESSE. 2016. Vol. 11, Iss. 16. P. 9560–9572.

References

1. Ukaz Prezidenta RF ot 19.12.2012 g. № 1666 «O Strategii gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda» [Decree of the President of the Russian Federation of December 19, 2012 No. 1666 "On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period till 2025"]. Available at: <http://base.garant.ru/70284810/> (accessed 01.10.2017).
2. Bedrik A.V., Stukalova D.N., Tereshchenko A.A. Sotsial'no-pravovoi status diaspori v sovremennom rossiiskom obshchestve: regional'nyi rakurs [Socio-Legal Status of the Diaspora in Contemporary Russian Society: a Regional Perspective]. *Gumanitarii Yuga Rossii*. 2016, No. 4, pp. 61–71.
3. Khabrieva T.Ya. *Sovremennye problemy samoopredeleniya etnosov. Sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [Modern Problems of Self-determination of Ethnic Groups. Comparative Legal Research]. Moscow: Kontrakt, 2010, 287 p.

4. Popkov V.D. *Fenomen etnicheskikh diaspor* [The Phenomenon of Ethnic Diasporas]. Moscow: IS RAN, 2003, 340 p.
5. *Natsional'nyi sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo* [National Structure and Language Skills, Citizenship]. Vol. 3. Art. col. Rostov-on-Don: Rostovstat, 2013, 400 p.
6. Rudiger A., Spenser S. Social Integration of Migration and Ethnic Minorities. Policies to Combat Discrimination. *Conference Jointly organized by The European Commission and the OECD*. January, 21-22, Brussels, 2003, pp. 214-219.
7. *Diaspory i zemlyachestva: opyt regional'nogo izmereniya* [Diasporas and Country Associations: the Experience of the Regional Dimension]. Collection of articles. Ed. by member-cor. RAS, prof. A.V. Dmitriev. Moscow: RUSAINS, 2016, 226 p.
8. Sikevich Z.V. *Etnicheskie paradoksy i kul'turnye konflikty v rossiiskom obshchestve* [Ethnic Paradoxes and Cultural Conflicts in Russian Society]. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2012, 206 p.
9. Malakhov V.S. *Kul'turnye razlichiya i politicheskie granitsy v epokhu global'nykh migratsii* [Cultural Differences and Political Boundaries in the Era of Global Migration]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; In-t filosofii RAS, 2014, 232 p.
10. Lubskiy A.V., Bedrik A.V., Stukalova D.N. Confessional factor of ethnic community reproduction in the South of Russia. *International Journal of Environmental and Science Education - IJESSE*. 2016. Vol. 11, Iss. 16, pp. 9560-9572.

Поступила в редакцию / Received

10 октября 2017 г. / October 10, 2017

УДК 316.62

DOI 10.23683/0321-3056-2017-4-16-20

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

© 2017 г. *О.В. Фетисова*^а

^а*Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия*

MASS CONSCIOUSNESS AND ITS TRANSFORMATION IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

O.V. Fetisova^а

^а*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

*Фетисова Ольга Викторовна –
кандидат философских наук, доцент,
кафедра отраслевой и прикладной социологии,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет,
ул. Пушкинская, 160, г. Ростов-на-Дону,
344006, Россия.
E-mail: olg.fetisova2010@yandex.ru*

*Olga V. Fetisova -
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Department of Industrial and Applied Sociology,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Pushkinskaya St., 160, Rostov-on-Don,
344006, Russia.
E-mail: olg.fetisova2010@yandex.ru*

Анализируются массовое сознание и его трансформация в современном российском обществе, а также основные теоретико-методологические подходы к определению понятия «массовое сознание». Проводится сравнительный анализ категорий «массовое сознание» и «общественное сознание», отмечается их сходство и различие. Выявляются специфические черты массового сознания и его структура. Важное место уделяется проблеме массовизации, результатом которой является качественное изменение традиционных социальных связей по горизонтали и вертикали. В качестве субъекта массового сознания выделяется неструктурированная группа людей, объединенных общей идеей или целью. Раскрывается сущность понятия «масса» и утверждается несущественность в ней социальных, демографических, политических, региональных и прочих различий, вследствие чего она носит ярко выраженный гетерогенный характер.

Трансформация массового сознания современного российского общества рассматривается с позиций постнеклассической парадигмы и синергетического подхода. Утверждается, что в рамках данных концепций в современном обществе этот процесс представляет собой множество переходных вещей-процессов – фракталов. Некоторые свойства фракталов применимы к характеристике массового сознания.

Ключевые слова: *массовое сознание, трансформация, социальные инновации, ценностная система общества, постнеклассическая парадигма, фракталы.*

The article is devoted to the analysis of mass consciousness and its transformation in modern Russian society. The author analyzes the main theoretical and methodological approaches to the definition of "mass consciousness". The author conducts a comparative analysis of the categories of "mass consciousness and the "public consciousness", noting their similarities and differences. The article reveals the specific features of the mass consciousness and its structure. An important point in the article is paid to the problem of massivization, resulting in a qualitative change in traditional social relations horizontally and vertically. As a subject of mass consciousness, the author identifies unstructured group of people united by a common idea or goal. Revealing the essence of the concept of "mass", the author argues irrelevance in its social, demographic, political, regional and other differences, in consequence of which it is highly heterogeneous in nature.

The transformation of the mass consciousness of contemporary Russian society is considered by the author from the positions of post-non-classical paradigm and synergetic approach. It is asserted that within the framework of these concepts in modern society this process is a set of transient things-processes - fractals. Some properties of fractals are applicable to the characteristic of mass consciousness.

Keywords: *mass consciousness, transformation, social innovations, value system of society, post-non-classical paradigm, fractals.*

Актуальность поднятой в статье проблемы заключается в том, что в процессе социального развития общества массовое сознание россиян постепенно трансформируется, адаптация к новой социальной реальности для различных социальных групп, возрастных когорт протекает с разной степенью успешности, сопровождается ростом социальной апатии и агрессии, социально-политическим безразличием, этнофобией и ксенофобией, появлением массовых культов и психозов.

Современное общество вошло в новую эпоху, когда кардинальным образом меняются наши представления о мире. Вместе с тем анализ современной истории российского государства, начавшийся в 1991 г., свидетельствует о том, что проводимые в стране реформы, в первую очередь социально-экономические, не в полной мере учитывают особенности массового сознания россиян. Социальные инновации внедряются в социальную жизнь общества без серьёзного научного обоснования. Практически отсутствует не только расчет степени их соответствия уже существующим в массовом сознании ценностям, но и прогноз социальных последствий и связанных с ними социальных рисков трансформаций.

Основная цель статьи – анализ сущности, особенностей и направлений трансформации массового сознания в современном российском обществе.

Вышеназванная тема широко представлена в классических и современных работах как зарубежных, так и отечественных ученых и специалистов. Исследования проблем массового сознания, массовой культуры отражены в работах Г. Лебона [1], Г. Тарда [2], Х. Ортеги-и-Гассета [3], П. Бурдьё [4], С. Московичи [5], а также в работах отечественных ученых в области массового сознания, общественного мнения Б. Грушина [6], Г. Дилигенского [7], Ю. Левады [8]; в свете постнеклассической парадигмы – В.Г. Немировского [9].

В настоящее время, несмотря на активный интерес к проблеме массового сознания и разработке механизмов влияния на него, практически нет фундаментальных исследований, в которых бы специально рассматривалось это понятие и основы его изучения. В современной научной литературе сложилось два основных подхода к исследованию этого феномена. Один связан с выделением массового сознания как особого вида сознания общественного [1–3]; другой – рассматривает его как самостоятельный феномен [6].

Философская и социологическая литература определяет массовое сознание как особый, специфический вид общественного сознания, свойственный значительным неструктурированным множествам людей («массам»), как совпадение в какой-то момент основных и наиболее значимых компонентов сознания большого числа весьма разнообразных «классических» групп общества (больших и малых), однако оно несводимо к ним.

Являясь частью общественного сознания, массовое сознание возникает как результат отражения того, что существует вокруг людей, хотя к факторам, оказывающим влияние на его содержание, причисляют не только экономические и социальные, но и духовные, например уровень несовпадения/совпадения между реальностью и ожиданиями людей.

Вместе с тем массовому сознанию присущи и свои собственные специфические черты [10]. В отличие от общественного сознания, процесс изменения которого растянут во времени и зависит от достаточно стабильных социальной, политической и экономической систем, массовое сознание динамично, может меняться в сравнительно небольшие отрезки времени. Но у него есть и устойчивые компоненты: стереотипы, традиции и особенно менталитет, связанные с архетипами, исторической памятью и потому не подверженные быстрой трансформации. Подтверждением тому служит эффект сопротивления социальным преобразованиям, протекающим в российском обществе.

Если носителем индивидуального сознания является отдельный человек, группового сознания – социальная группа, то субъект массового сознания – неорганизованная группа людей (масса), объединенная какой-либо идеей, целью.

Важнейший элемент массовизации – качественное изменение традиционных социальных связей по горизонтали и вертикали. Для установления и поддержания этих связей становятся несущественными социальные, политические, экономические, этнические, конфессиональные и географические различия. Это особенно проявилось с переходом к информационному обществу. Изменяется и сфера межличностных отношений и контактов. Вследствие этих процессов возникают многообразные виды массовой деятельности, которые объективно требуют не уникальности личности, а ее способности поддерживать коллективные виды деятельности, и следовательно, уравнивания индивидов, формирования у них сходных, одинаковых свойств.

Статистический характер массы заключается в том, что она как особая общность не является цельным образованием. Стохастическая (вероятностная) природа выражается через то, что любое вхождение индивида в какую-либо общность имеет неупорядоченный характер, неопределенный количественный и качественный состав, носит ярко выраженный гетерогенный характер.

Рассматривая проблему массового сознания, необходимо показать его взаимосвязь с ценностной системой общества. В условиях социальной трансформации ценности, лежащие на сознательных уровнях массового сознания, и ценности на его бессознательных уровнях не всегда совпадают по своему содержанию, имеют неодинаковую устойчивость и могут противоречить друг другу.

Основной чертой трансформации массового сознания российского общества на современном этапе его развития считается наличие двух систем ценностей: традиционной и ориентированной на ценностные образцы западного общества. При этом базовые, имманентно присущие нашему менталитету ценности – «семья», «безопасность», «свобода», «духовность», «гуманизм», на всем протяжении модернизации российского общества имеют высокий уровень востребованности и являются для него базисными.

Особенно следует обратить внимание на структуру массового сознания, которое в исследованиях предстает в виде сложной многослойной конструкции. В ней выделяются три уровня [11, с. 12]:

- глубинный – включает бессознательный слой массового сознания (менталитет), который мало изменяем во времени;
- базовый – в него входят достаточно устойчивые, но постепенно трансформирующиеся элементы (стереотипы, традиции);
- верхний – к нему относятся подвижные, подверженные изменению элементы, связанные с современными социальными процессами и явлениями.

Конец XX в. ознаменовался появлением новой постнеклассической картины мира. В ее рамках постепенно формируется постнеклассическая парадигма, которая соединяет в себе как культурно-философскую традицию, так и синергетику, направление, которое входит в структуру системного подхода.

Применение к анализу социальной реальности постнеклассической парадигмы расширяет возможности как теоретического изучения (ана-

лиз реальных мотивов поведения, объяснение социальных процессов через синтез сознательного и бессознательного и т.д.), так и прикладного использования эмпирических исследований (прогнозирование и моделирование социальных изменений с помощью теории социальных циклов; создание практических рекомендаций, направленных на повышение эффективности управления социумом).

Что же нового вносит синергетический подход в изучение массового сознания? Синергетика понимается как научное направление, «изучающее нелинейные, неравновесные процессы в различных областях, от природы до общества и человека, которая принципиально изменила в науке подход к изучению сложных систем, в том числе человеческое общество» [12, с. 39].

Постепенно сложилась область социальной синергетики, которая применила фундаментальные положения синергетического подхода (нелинейность, неравновесность, эволюционность социальных систем) к социуму. Синергетический подход в качестве базовой характеристики такой системы выделяет ее способность к эволюционному развитию на основе самоорганизации под воздействием не только внешних факторов, но и внутренних возможностей системы.

Следуя логике нелинейного мышления, состояние массового сознания в современном российском обществе следует понимать как стадию эволюционирующей системы, поскольку эволюция любой, в том числе и социальной системы и есть дробное, самоподобное, переходное состояние-процесс. Трансформация современного массового сознания представляет собой с точки зрения синергетики процесс, состоящий также из множества переходных вещей-процессов (традиции, ценности, связи), которые называются фракталами [13].

Рассмотрим некоторые свойства фракталов применительно к массовому сознанию.

Во-первых, фрактал – сетевое образование, существующее среди себе подобных объектов и связанное с ними. Это «мягкая» неустойчивая система, которая, все время изменяясь, находится в переходном состоянии-процессе, например, от матриархата к патриархату, от традиционализма к модернизму, и т.д.

Во-вторых, фрактал самоподобен. Структура определенного рода повторяет сама себя. Так и массовое сознание структурно повторяет себя: это проявляется в наличии традиционных для

русского общества групп традиционалистов и модернистов.

В-третьих, крайние состояния фрактала – устойчивые, неизменные вещи.

Мониторинговые исследования массового сознания показывают, что экстернальный локус контроля это один из важнейших элементов массового сознания, который проявляется в том, что ответственность за все, что происходит с человеком или социумом, возлагается на внешние факторы (активный поиск внешнего врага, ксенофобия, патернализм и т.п.) [10].

Для массового сознания россиян в последнее время свойствен умеренный изоляционизм.

Выводы. В результате анализа массового сознания определены его основные характеристики: эмоциональность, заразительность, мозаичность, подвижность и изменчивость. Оно всегда конкретно и в то же время неоднородно, аморфно, противоречиво, лабильно и размыто.

В качестве особого фактора переходного состояния современного российского общества стала так называемая регионализация сознания. Прогнозируется распространение ныне наблюдаемых элементов регионализации массового сознания на социально-культурную и этнокультурную сферу.

С начала процесса трансформации российского общества системообразующие основания ценностей россиян не были затронуты. Разброс ценностных выборов связан в первую очередь с возрастными и поселенческими факторами, изменением соотношения численности тех групп населения, которые имеют полярные ценностные системы.

Современная постнеклассическая парадигма дает новые исследовательские возможности для изучения ценностных ориентаций в массовом сознании, что позволяет выявить их уровневую структуру, проследить динамику процессов в массовом сознании в условиях трансформации российского общества.

Литература

1. Лебон Г. Психология народов и масс. М. : Эксмо, 2003. 320 с.
2. Царство толпы. (Из истории Великой французской революции по кн. Лебона и Тарда). Киев : УкрНИИИТИ, 1991. 23 с.
3. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М. : АСТ, 2002. 509 с.

4. Бурдые П. Социология политики / пер. с фр.; сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М. : Socio-Logos, 1993. 336 с.

5. Московичи С. Век толп: исторический трактат по психологии масс. М. : Прогресс, 1996. 476 с.

6. Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина : в 4 кн. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева. Т. 2, ч. 2. М. : Прогресс-Традиция, 2006. 464 с.

7. Дилигенский Г.Г. Российский горожанин конца девяностых: генезис постсоветского сознания (Социально-психологическое исследование). М. : ИМЭМО, 1998. 134 с.

8. Общественный разлом и рождение новой социологии: двадцать лет мониторинга / под ред. Ю. Левады, Л. Гудкова, Б. Дубина. М. : Новое изд-во, 2008. 468 с.

9. Немировский В. Г. Массовое сознание и бессознательное как объект постнеклассической социологии // Социс. 2008. № 2.

10. Гулевич О. А. Концепции и методы изучения сознания на уровне больших групп. URL: <http://www.psychology.ru/lomonosov/tesises/eu.htm> (дата обращения: 05.10.2017).

11. Ореховская Н. А. Эволюция массового сознания россиян : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2011.

12. Можейко М.А. Синергетика. URL: http://slovari.yandex.ru/dict/phil_dict/article/filo/filo-707 (дата обращения: 05.10.2017).

13. Федер Е. Фракталы. М. : Мир, 1991. 254 с.

References

1. Lebon G. *Psikhologiya narodov i mass* [Psychology of Nations and Masses]. Moscow: Eksmo, 2003, 320 p.
2. *Tsarstvo tolpy. (Iz istorii Velikoi frantsuzskoi revolyutsii po kn. Lebona i Tarda)* [The Kingdom of the Crowd (From the History of the Great French Revolution. Based on Books of Lebon and Tard)]. Kiev: UkrNIINTI, 1991, 23 p.
3. Ortega-i-Gasset X. *Vosstanie mass* [Revolt of the Masses]. Moscow: AST, 2002, 509 p.
4. Burd'e P. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of Politics]. Tr. fr Fr.; comp., ed., intr. by N.A. Shmatko. Moscow: Socio-Logos, 1993, 336 p.

5. Moskovichi S. *Vek tolp: istoricheskii traktat po psikhologii mass* [Era of Crowds: Historical Treatise on Mass Psychology]. Moscow: Progress, 1996, 476 p.
6. Grushin B.A. *Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya. Ocherki massovogo soznaniya rossiyan vremen Khrushcheva, Brezhneva, Gorbacheva i El'tsina* [Four Lives in the Mirror of Public Opinion Polls. Essays on the Mass Consciousness of Russians: Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Yeltsin in 4 books. Life 2. Brezhnev Era]. Vol. 2, ch. 2. Moscow: Progress-Traditsiya, 2006, 464 p.
7. Diligenskii G.G. *Rossiiskii gorozhanin kontsa devyanostykh: genezis postsovetskogo soznaniya (Sotsial'no-psikhologicheskoe issledovanie)* [Russian Citizen of the Late Nineties: Genesis of Post-Soviet Consciousness (Socio-psychological Study)]. Moscow: IMEMO, 1998, 134 p.
8. *Obshchestvennyi razlom i rozhdenie novoi sotsiologii: dvadtsat' let monitoringa* [Public Rift and the Birth of New Sociology: Twenty Years of Monitoring]. Ed. by Yu. Levada, L. Gudkov, B. Dubin. Moscow: Novoe izd-vo, 2008, 468 p.
9. Nemirovskii V. G. *Massovoe soznanie i bes-soznatel'noe kak ob"ekt postneklassicheskoi sotsiologii* [Mass Consciousness and Unconscious as an Object of Post-non-Classical Sociology]. *Sotsis.* 2008, No. 2.
10. Gulevich O. A. *Kontseptsii i metody izucheniya soznaniya na urovne bol'shikh grupp* [Concepts and Methods for the Study of Consciousness at the Level of Large Groups]. Available at: <http://www.psychology.ru/lomonosov/tesises/eu.htm> (accessed 05.10.2017).
11. Orekhovskaya N. A. *Evolyutsiya massovogo soznaniya rossiyan : avtoref. dis. ... d-ra filoz. nauk* [Evolution of the Mass Consciousness of Russians]. Rostov-on-Don, 2011.
12. Mozheiko M. A. *Sinergetika* [Synergetics]. Available at: http://slovari.yandex.ru/dict/phil_dict/article/filo/filo-707 (accessed 05.10.2017).
13. Feder E. *Fraktaly* [Fractals]. Moscow: Mir, 1991, 254 p.

Поступила в редакцию / Received

11 октября 2017 г. / October 11, 2017

ПОИСКИ ИДЕНТИЧНОСТИ В СИТУАЦИИ ПОСТМОДЕРНА: СОЦИАЛЬНАЯ ИГРА И ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКЗИСТЕНЦИЯ

© 2017 г. И.В. Цифанова^а

^а Ставропольский государственный педагогический институт, Ставрополь, Россия

SEARCH FOR IDENTITY IN THE SITUATION OF POSTMODERN: SOCIAL GAME AND HISTORICAL EXISTENCE

I. V. Tsifanova^а

^а Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia

Цифанова Ирина Владимировна –
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра теории и методики преподавания
исторических и филологических дисциплин,
Ставропольский государственный
педагогический институт,
ул. Ленина, 417а, г. Ставрополь,
355029, Россия.
E-mail: tsifanova@yandex.ru

Irina V. Tsifanova -
Candidate of History, Associate Professor,
Department of Theory and Methods of Teaching
Historical and Philological Disciplines,
Stavropol State
Pedagogical Institute,
Lenina St., 417a, Stavropol,
355029, Russia.
E-mail: tsifanova@yandex.ru

Анализируются особенности функционирования идентичности в условиях постмодернистского общества, характеризующегося социальной и культурной фрагментарностью. Обосновывается тезис, что единственным средством преодоления несоответствия между требованием социокультурной целостности, обеспечивающим единство идентичности и фрагментарностью восприятия социального и исторического бытия, оказывается игра. Показывается временность и неустойчивость социальных структур и самосознания личности в условиях, когда в основу индивидуальной и коллективной идентификации положено игровое начало. Выявляются и описываются перспективы преодоления эффекта фрагментарности культуры, общества, сознания и самосознания современного человека.

Ключевые слова: постмодерн, фрагментарность, масс-медиа, игра, идентичность, исторические события, социальные структуры, самосознание, личность.

The features of the functioning of identity in a postmodern society characterized by social and cultural fragmentation are analyzed. The author substantiates the thesis that the only way to overcome the discrepancy between the demand for sociocultural integrity, which ensures the unity of identity and the fragmentary perception of social and historical being, is a game. The article demonstrates the temporality and instability of social structures and self-awareness of the individual in conditions when the basis for individual and collective identification is based on the game principle. The prospects of overcoming the fragmentary effect of culture, society, consciousness and self-consciousness of modern man are revealed and described in the work.

Keywords: postmodernity, fragmentation, mass media, game, identity, historical events, social structures, self-awareness, personality.

Современное общество можно обозначить и как общество позднего модерна и как постмодернистское. И хотя чаще говорят о культуре постмодерна, концепция постмодернистского общества также достаточно распространена. Последнее характеризуется особым отношением ко времени, когда настоящее, прошлое и будущее существуют вместе и для их сосуществования созданы условия и на уровне социальных структур

(демократия, поликонфессиональность, мультикультурализм, толерантность), и на уровне исторического сознания, формирующего сложную и гетерогенную идентичность.

При анализе ситуации, в которой оказался человек в обществе постмодерна, необходимо вернуться к понятию игры, связывающей воедино прошлое, настоящее и будущее. Можно сказать, что история играет свою игру, переделывая под

себя социальные структуры под девизом возвращения к корням и истокам. А можно увидеть и игру в историю, которую затевают репрезентанты социальных структур. Так, россияне сразу же после отказа от наследия советского прошлого устремили свой взор в более далекое историческое прошлое, возродив во имя демократии и рыночной экономики дореволюционные названия органов государственной власти, каждое из которых имело свою собственную историю. Вместо советов народных депутатов различного уровня возникли разнообразные думы, управы, главы, префекты и другие именные обозначения, символизирующие желание новой элиты идентифицировать себя с Россией, объявляемой большевиками, а затем и историками то царской, то романовской, то имперской. Игра в архаику сочетается с игрой в модерн, когда наряду с мотивами возврата к прошлому в лексиконе государственных деятелей и журналистов появляются слова, символизирующие возвращение современной России в семью цивилизованных народов. Омбудсмены и аудиторы, мажоритарии и миноритарии, правозащитники и волонтеры превращают по замыслу инициаторов этого именованного образ российской социальной жизни в часть образа единого мирового глобализационного процесса.

Элементы игры становятся все более отчетливыми, хотя это также игра с идентичностью, с установлением единства индивидуальной и коллективной идентичности. Желанное единство россиян раскалывается на серии идентификаций – можно ощущать себя частью европейского символического сообщества, а можно «узнавать» себя через противопоставление европейцам и чувствовать себя частью большой российской истории, хотя речи об особой исторической миссии звучат все тише и малоубедительнее. И в этих условиях все более сильным становится желание найти в истории новые точки опоры, такие как исламское или тюркское прошлое, актуальное для части россиян, этнически и конфессионально связанных с соответствующей частью российского общества. И здесь возникают игры, очень похожие на описанную выше игру в подлинных наследников средневековой Руси.

Среди многочисленных концепций постсовременности концепция информационного общества является самой распространенной, хотя и выглядит сегодня немного устаревшей. Многим исследователям и экспертам кажется, что на смену информационному обществу приходит трансформационное общество. Эту точку зрения

еще в конце 80-х гг. высказали А.В. Прохоров, К.Э. Разлогов, В.Д. Рузин, которые утверждали, что под влиянием самых разных технологий и прежде всего технологий, связанных с компьютером и коммуникационными сетями, рождаются новый тип мышления и новая культура – экранная. «При этом основным признаком экранной культуры, качественно отличающим ее от книжной и приближающим ее к изначальному типу человеческих культур – культуре личного контакта, является динамический, ежесекундно меняющийся, диалоговый характер взаимоотношений экранного текста с партнером» [1, с. 17]. Вот и превращается диалог с самим собой, диалог с собственной идентичностью в постоянный процесс трансформации идентичности. Каждая новая информация способна внести коррективы и переставить акценты, потому что историческое знание, как и любое иное научное знание, не стоит на месте, а активно развивается, критикуется, подтверждается и опровергается. Именно так трактует процесс развития научного знания современная философия науки, в которой теоретическое мышление выполняет все более инструментальную роль. И антиподом теории становится игра.

Следует согласиться с точкой зрения, что «важное событие в становлении современной образовательной парадигмы – активизация и интерактивизация обучаемых посредством игры. Скорее всего, к идее “играизации” образовательных практик педагоги пришли опытным путем. Но у игры совершенно особые отношения с теорией и складывались эти отношения в древности. Теория – это своеобразная гарантия от случайности, она всегда представляет собой символ универсальности, неотвратимости, законосообразности и разумности. Для того, чтобы сформулировать теорию, необходимо отделить форму от материи и использовать язык формы для описания общего в вещах. Фундаментальность, таким образом, становится синонимом и универсальности, и абстрактности» [2, с. 42].

Как известно, в философии науки в середине XX в. произошла революция, результатом которой явился переход от неопозитивизма к постпозитивизму. Крупнейшие представители нового понимания природы науки и ее идеалов К. Поппер, Т. Кун, П. Фейерабенд и другие способствовали осознанию и философскому осмыслению факта о том, что в науке ничто не может быть установлено окончательно и признано абсолютной истиной. Согласно принципу фаллибилизма,

заимствованному постпозитивистами у американских прагматистов, всякое утверждение, полученное в ходе научного исследования, рано или поздно будет признано устаревшим и не соответствующим действительности. В области исторического знания эти процессы происходят постоянно и являются результатом исследовательской активности в области археологии, исследования рукописей и иных исторических документов, лингвистики, генетики, а также благодаря применению к сфере исторического знания приемов и методов социологии, культурологии, политологии и других гуманитарных наук. Результатом этого становятся все новые и новые дополнения и изменения в комплекс знаний, сопровождающих представления человека о его идентичности.

Можно согласиться с теми, кто разделяет антропологические контексты идентичности на экзистенциальные и коммуникативные. Как отмечает Е.Б. Рашковский, современность принесла индивиду не только новое знание об истории и географии, но и породила новые возможности социально-ролевого обогащения, включающего в себя общение или квазиобщение в пространстве и во времени. Однако, продолжает он, «сложность и многомерность этого современного человеческого самоопределения и самопонимания ложится на многие души и характеры непосильным бременем. Отсюда – и социопсихологические предпосылки тяготения к реархаизации сознания, ко “вторичному смесительному упрощению”, к религиозному фундаментализму или же – к возрождению упрощенных революционных идеологий, что в плане собственно-психологическом и социо-психологическом – почти одно и то же: подчас несхожие общественные программы проигрываются, по существу, на одних и тех же полуархаических регистрах человеческой души» [3, с. 35].

Другими словами, идентичность превратилась одновременно и в проблему, и в источник беспокойства, и в движущую силу, заставляющую «неидентифицированных» индивидов искать новые горизонты, открывать новые земли с одной единственной целью – чтобы разглядеть свою подлинную идентичность, вновь обрести утраченный смысл своего существования. Огромную роль в этой стихийной архаизации сознания, не обязательно подразумевающей архаизацию социальных структур и институтов, но вполне направленно и на первый взгляд очень ар-

хаично трансформирующей систему целей и ценностей, играют масс-медиа. Как прежде средневекового человека, ожидающего второго пришествия и воскрешения мертвых, воспитывала христианская церковь, а устремленного в будущее и верящего в технический прогресс человека модерна взращивали писатели и учебные заведения, так и сегодня аналогичное по глубине, но прямо противоположное по содержанию формирующее воздействие оказывают кино и телевидение, всемирная информационная сеть и электронные средства массовой коммуникации.

Средства массовой коммуникации с момента своего возникновения сразу же стали частью общественной жизни, потому что коммуникация лежит в основе и человеческой природы, и природы всего общества в целом [4, с. 186–187]. Но в процессе развития массовой коммуникации по мере совершенствования ее средств сфера ее функционирования постепенно выделилась в особую подсистему общества наряду с такими системами, как политическая, экономическая или культурная. Ее рождение было обусловлено информационной революцией, которая означала собой взрывной рост количества средств и систем передачи, хранения и распространения информации, завершившийся ее качественным преобразованием. Так, из разрозненных фрагментов и процессов на протяжении всего XX в. формировалась целостная, многоуровневая и динамическая система массовой коммуникации, элементы которой находились в процессе постоянного взаимодействия, конкуренции и взаимной интеграции. Несмотря на все предостережения, что каждое вновь появляющееся средство массовой информации будет приводить к исчезновению своих предшественников, этого не произошло. Газеты не уничтожили книги, радио не было вытеснено телевидением, а телевидение не смогло заменить собою книги, газеты и радио. Точно так же интернет, вобравший в себя все вышеперечисленные ранее возникшие средства массовой информации, присоединил к ним средства индивидуальной коммуникации, такие как почта, телеграф и телефон, и породил тем самым социальные сети, дающие возможность обмениваться не только информацией и мнениями, но и пересылать контент радио- и телепередач, статей и писем. Появление интернета постепенно привело отдельные элементы подсистемы масс-медиа и всю ее в целом в состояние глубокой и многоуровневой интеграции.

Масс-медиа в принципе изменяют систему общественных коммуникаций, так как работают «безадресно», тогда как прежде коммуникации всегда были адресованы кому-то конкретному. Даже животные, например приматы, сообщая своим сородичам об обнаруженной ими опасности, могут невольно оповестить о ней и пасущихся поблизости антилоп. Но масс-медиа в принципе сообщают любому читателю, игнорируя тот факт, что общество разнородно и что к числу потенциальных адресатов относятся и люди, проживающие в далеких странах, но знающие язык, на котором записано или озвучено сообщение. Выполняя роль глашатаев, доносивших в прежние эпохи волю власти до подданных, массовые СМИ сразу же стали передавать информацию другого рода, такую как новости и даже слухи, потому что коммерческие соображения, т. е. борьба за зрителя и читателя, оказались неразрывно связаны с их существованием.

Таким образом, масс-медиа частично заместили прежние каналы распространения информации «из уст в уста», что с неизбежностью привело к трансформации социальных микроструктур и структур среднего уровня. Журналисты и обозреватели сегодня «успокаивают» или «пугают» общество, «предупреждая» его или же переключая его внимание с одной темы на другую. В тоталитарных обществах у власти периодически возникает желание контролировать эту сторону деятельности СМИ и тогда средства массовой информации превращаются в средства массовой дезинформации. Осознавая опасность дискредитации «соседством» со сплетнями и слухами, власть дистанцируется от собственно журналистики, что особо явно проявилось в Советском Союзе, где даже новости были разделены на официальные и неофициальные.

В официальных новостях практически отсутствовала интерпретативная компонента, они информировали своих читателей и слушателей о «правильном» взгляде на события внутри страны и за рубежом. В результате читателю и телезрителю могло казаться, что в СССР происходят только официальные мероприятия (съезды, визиты или поездки руководителей) и трудовые подвиги, а в странах капиталистического лагеря в это же самое время ширятся и множатся беды и несправедливости. Но сам способ подачи таких «новостей» своей официальностью отталкивал потребителя, так как нужно было убраться любую другую информацию, которая могла бы состав-

лять конкуренцию данной. Лишь в городских газетах, желательных вечерних, формально не принадлежащих правящей и единственной политической партии, могли появляться те самые пресловутые сплетни и новости. Такие СМИ принадлежали городским советам или комсомолу и действенной альтернативой стать так и не смогли [5].

Не следует думать, что желание власти препятствовать распространению любых новостей присуще только советским СМИ и прочим антизападным режимам, которые в политологии принято называть тоталитарными. В последние годы в полной мере можно было наблюдать подконтрольность власти масс-медиа стран США и Евросоюза, их удивительное единство в освещении одних событий и замалчивании других [6]. Но при этом до вытеснения сплетен и слухов с последующим превращением газет и телепрограмм в современных «глашатаев» указов и воли власти дело явно не дойдет. Правильный результат воздействия информации достигается за счет имитации свободы слова и печати, что делает систему масс-медиа более устойчивой, хотя и более уязвимой.

Как уже отмечалось, все элементы СМИ оказываются хозяйствующими субъектами, которые действуют по законам рынка и представляют собой виды промышленных предприятий, производящих и продающих информацию. Даже в СССР такие газеты, как «Правда» и «Известия», продавались в киосках за деньги, на них организовывалась платная подписка, хотя зачастую и недобровольная. А разнообразные государственные дотации средствам массовой информации, существующие не только в современной России, но и во всех остальных странах, преследуют не только цель влиять на мысли и действия их читателей, но и исходят из осознания необходимости существования масс-медиа как неотъемлемой подсистемы современного общества. Так, когда в конце 90-х гг. было объявлено об отсутствии источников финансирования общероссийских телевизионных каналов, эксперты заявили о реальной угрозе единству страны в случае их закрытия.

Масс-медиа полностью изменяют отношения человека к его идентичности, они активно вторгаются в это отношение. Они регулярно предлагают человеку погружаться в иной иллюзорный мир, причем каждый раз разный. И каждый раз человеку предлагается обретать в этих иллюзорных мирах все новые и новые идентичности.

«Остается открытым, – пишет Н. Луман, – и вопрос о том, идентифицируем ли мы себя с характеристиками масс-медийных сюжетов или регистрируем различия. То, что предлагается в виде развлечения, никого не обязывает, однако даёт достаточно отправных точек (которые невозможно было бы обнаружить ни в новостях, ни в рекламе) для работы над собственной “идентичностью”» [7].

Как известно, одно из побочных действий масс-медиа – эффект замещения путем создания виртуальных реальностей, в которых индивид мог бы почувствовать то, что он не в состоянии обрести в реальности подлинной и единственной. В иллюзорном мире можно найти то, что было предметом желания в мире настоящем, но оказалось недоступным или несуществующим. На протяжении тысячелетий компенсаторно-релаксационную функцию выполняла религия, утешая человека и смягчая его страдания рассказами о загробной жизни.

Трансформационное общество – это общество, в котором задача культуры и общества – готовить индивида к постоянным изменениям внешней среды (социальных структур и институтов), а значит, и идентичности (подбора и интерпретации исторических событий и моральных ценностей).

Как отмечает П.К. Гречко, «постмодерн рушит старое понимание идентичности как тождественности, превращаясь в средство артикуляции (и радикализации – в форме притязания на значимость) самости. Соответственно идентификационная инициатива исходит здесь не от общества или другой какой-то общности, а от самой личности. В результате идентичность конституируется как процессуальное различие, коммуникация различий – индивидуального и социального» [8, с. 185].

В современном обществе проблема идентичности становится одной из главных не только потому, что развитие его структуры и институтов придало его социальности особое качество. Еще более важным выступает фактор усиливающейся неравномерности и гетерогенности социальной материи: на одной территории бок о бок могут сосуществовать общества каменного века, аграрные и постиндустриальные. Так, типичный признак позднего модерна – массовый туризм, в который вовлечены практически все представители «золотого миллиарда». И часть этих туристов с удовольствием посещает экзотические уголки земли, где нанятые туристическими фирмами

«туземцы» танцуют для них, организуют охоту, инсценируют войну. Фактически они являются нанятыми работниками этих фирм и если их взаимодействие длится годами и десятилетиями, то между ними складываются совершенно особые экономические и социальные отношения – обмен услугами и вознаграждениями приводит к формированию социально-экономических и культурных гибридов. Такие контакты существовали во все времена – обмен и торговля между представителями разных этноконфессиональных и цивилизационных групп складывался из компромиссов и взаимных интересов. Но прежде такие контакты и взаимодействия, как правило, относились к периферии обществ как в физическом, так и в социальном смысле. Теперь же благодаря всеобщему сближению и существенному «перемешиванию» прежде изолированных структур процессы самоидентификации потеряли былую одномерность [9].

Идентичность в условиях глобализации оказывается фактором риска, таящем в себе немало опасностей как для окружающих, так и для самого ее носителя. Этим обусловлены все попытки найти средство нейтрализации конфликтного потенциала идентичности. Одним из путей оказывается воспитание толерантности как в качестве устойчивого отношения к окружающим, так и в качестве особого элемента культуры. Являясь порождением современности, результатом изменений в социальной жизни, толерантность сама преобразует социум, меняя его институциональный строй и даже организационную структуру. Не оставляет движение к толерантности без изменений и историческое знание, и саму идентичность. Для того чтобы быть толерантным к соседу, который прибыл из другого мира, необходимо чувствовать себя ему близким, смотреть на собственную историю иными глазами, видеть больше сходств, чем различий, увеличивать масштабирование, не теряя при этом саму возможность сохранения хоть какой-то идентичности. Тем более что в этих условиях начинают одновременно действовать все законы сразу – идентичность приобретает и при помощи мифа, и при помощи научной истории, и при помощи постмодернистской игры в множество рассказов.

Сегодня масс-медиа выполняют эту же функцию, но побочные эффекты этой замены весьма существенны. Реальность, имеющая не знаковую природу, а лишь кодируемая посредством знаков, существует по своим собственным объективным

законам, будь то законы природы или социальные законы. Задача человека состоит не только в том, чтобы познавать эти законы, и даже не только в том, чтобы ориентировать на получаемые с помощью знания прогнозы собственные действия. Важно не только понять реальность, но и принять ее такой, какая она есть, научиться жить в ней и получать от жизни удовольствие и удовлетворение. Но в виртуальной реальности цель и средства меняются местами, она изначально построена таким образом, чтобы наполнить смыслом пребывание в ней [10].

Проблема в том, что это чувство наполненности смыслом исчезает всякий раз, когда виртуальная реальность «выключается», т. е. перестает работать то средство, которое ее обеспечивает. И ощущение игры становится универсальным. В области идентичности данное высказывание может означать только одно – не получилось быть счастливым с этой идентичностью – попробуем с другой, а затем еще с другой. Не беда, что здесь уже человек имеет дело не с идентичностью – речь может идти лишь о квазиидентичности.

Игра человека с собственной квазиидентичностью постепенно вырабатывает в нем чувство неустойчивости идентичности настоящей. Методы игры с виртуальной идентичностью становятся отделены от условий своего происхождения и вполне могут быть перенесены в область знания об историческом прошлом и его эмоционального переживания. Так из чувства обиды на недостаточно «знатное» происхождение рождается желание эту ситуацию с происхождением как-то улучшить. Попробовав играть в идентичность и убедившись, что все есть игра, современный человек оказывается один на один с соблазном представить себя кем-то иным, «увидеть» в своем историческом прошлом недостающие звенья для того, чтобы обновить и улучшить представления о самом себе, своих правах и амбициях.

Таким образом, отличительными особенностями идентичности в постмодернистском обществе являются социальная и культурная фрагментарность, что приводит к нарушению традиционных основ механизма самоидентификации. Восприятие социального и исторического бытия превращается в игру, для которой еще не написаны правила. Все это в полной мере сказывается и на восприятии внешнего мира, и на самосознании индивидов – между социальными структурами и историческим сознанием нарушается соответствие и возможность взаимодействия на семантико-символическом уровне.

Преодолению этого положения может содействовать выработка общих «правил игры» и реализация программы формирования единой, пусть и сложной, и гетерогенной системы ценностей.

Литература

1. Прохоров А.В., Разлогов К.Э., Рузин В.Д. Культура грядущего тысячелетия // Вопросы философии. 1989. № 6. С. 17–31.
2. Пржиленский В.И., Пржиленская И.Б. Теоретическое знание в структуре и содержании образовательных практик // Философские науки. 2016. № 2.
3. Раиковский Е.Б. Многозначный феномен идентичности: архаика, модерн, постмодерн... // Вопросы философии. 2011. № 6.
4. Федотова Н. Н. СМИ и посткоммунистические преобразования // Полис. Политические исследования. 2012. № 1.
5. Глейзер М. Радио и телевидение в СССР. Даты и факты (1917–1986). М. : Искусство, 1989. 142 с.
6. Вайнштейн Г. И. Европейская идентичность: желаемое и реальное // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 123–134.
7. Луман Н. Реальность масс-медиа / послесл. А.Ю. Антоновского. Масс-медиа – трансцендентальная иллюзия реальности? URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3001/3018> (дата обращения: 15.10.2017).
8. Гречко П.К. Идентичность – постмодернистская перспектива // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV.
9. Барабанов Е. В. Русская философия и кризис идентичности // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 102–116.
10. Пржиленский В.И. «Реальность»: социально-эпистемологическое исследование // Вопросы философии. 2013. № 9. С. 91–106.

References

1. Prokhorov A.V., Razlogov K.E., Ruzin V.D. Kul'tura gryadushchego tysyacheletiya [Culture of the Coming Millennium]. *Voprosy filosofii*. 1989, No. 6, pp. 17-31.
2. Przhilenskii V.I., Przhilenskaya I.B. Teoreticheskoe znanie v strukture i soderzhanii obrazovatel'nykh praktik [Theoretical Knowledge in the Structure and Content of Educational Practices]. *Filosofskie nauki*. 2016, No. 2.

3. Rashkovskii E.B. Mnogoznachnyi fenomen identichnosti: arkhaika, modern, postmodern... [A Multi-valued Phenomenon of Identity: Archaic, Modern, Postmodern...]. *Voprosy filosofii*. 2011, No. 6.
4. Fedotova N. N. SMI i postkommunisticheskie preobrazovaniya [Media and Post-Communist Transformations]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2012, No. 1.
5. Gleizer M. *Radio i televidenie v SSSR. Daty i fakty (1917–1986)* [Radio and Television in the USSR. Dates and Facts (1917-1986)]. Moscow: Iskusstvo, 1989, 142 p.
6. Vainshtein G. I. Evropeiskaya identichnost': zhelaemoe i real'noe [European Identity: the Desired and the Real]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2009, No 4, pp. 123-134.
7. Luman N. *Real'nost' mass-media* [Reality of Mass Media]. Conc. A.Yu. Antonovskii. *Mass-media – transtsendental'naya illyuziya real'nosti?* [Mass Media - a Transcendental Illusion of Reality?] Available at: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3001/3018> (accessed 15.10.2017).
8. Grechko P.K. Identichnost' – postmodernistskaya perspektiva [Identity - Postmodern Perspective]. *Voprosy sotsial'noi teorii*. 2010, vol. IV.
9. Barabanov E. V. Russkaya filosofiya i krizis identichnosti [Russian Philosophy and Identity Crisis]. *Voprosy filosofii*. 1991, No. 8, pp. 102-116.
10. Przhilenskii V.I. «Real'nost'»: sotsial'no-epistemologicheskoe issledovanie [“Reality”: Social and Epistemological Research]. *Voprosy filosofii*. 2013, No. 9, pp. 91-106.

Поступила в редакцию / Received

18 октября 2017 г. / October 18, 2017

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

HISTORICAL SCIENCE AND ARCHEOLOGY

УДК 94 (47)

DOI 10.23683/0321-3056-2017-4-28-32

ОТРАЖЕНИЕ В МАТЕРИАЛАХ РОСТОВСКОЙ ПЕЧАТИ КАМПАНИИ ПО ИЗЪЯТИЮ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В 1922 ГОДУ

© 2017 г. Р.А. Амплеев^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

REFLECTION IN THE ROSTOV PRINTED MATERIALS OF THE CAMPAIGN FOR THE CONFISCATION OF CHURCH VALUES IN 1922

R.A. Ampleev^а

^аSouthern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Амплеев Роман Алексеевич –
аспирант,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: rim16.8ampliy@bk.ru

Roman A. Ampleev -
Postgraduate,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: rim16.8ampliy@bk.ru

Освещается кампания по изъятию церковных ценностей весной 1922 г., получившая широкое отражение на страницах ростовских газет «Советский Юг» и «Трудовой Дон». В газетных статьях и заметках подчеркивалось, что в условиях голода, охватившего Поволжье и другие регионы страны, изъятие церковных ценностей должно дать средства для помощи голодающим. Результатом публикаций предполагалось обеспечение общественной поддержки изъятиям и возбуждение негативного отношения к Церкви и священникам. Также их целью было внесение раскола в среду духовенства. Так как В.И. Ленин неоднократно подчеркивал роль СМИ как пропагандиста, агитатора и организатора революционного народа, статьи были написаны на языке, хорошо понятном широким слоям населения. У читателей создавалось впечатление, что в процессе изъятия ценностей происходила борьба со старым отжившим миром, которая начата была революцией.

Ключевые слова: советская печать, голод 1921–1922 гг., кампания по изъятию церковных ценностей 1922 г.

The campaign for the seizure of church values in the spring of 1922 received wide coverage on the pages of Rostov newspapers "Soviet South" and "Trudovoy Don". In newspaper articles and notes it was stressed that in the conditions of the famine that captured the Volga region and other regions of the country, the seizure of church values should provide a means to help the hungry. The articles were aimed at providing public support for exemptions and inciting a negative attitude towards the Church and priests. Their goal was also to split the clergy environment. Since V.I. Lenin repeatedly stressed the role of mass media as the propagandist, agitator and organizer of the revolutionary people, the articles were written in a language that is well understood by wide sections of the population. The readers had the impression that in the process of seizing values, a struggle was going on with the old obsolete world, which was started by the revolution.

Keywords: the Soviet press, the famine of 1921-1922, campaign for the confiscation of church values in 1922.

Средствам массовой информации как одному из важнейших каналов своего влияния на общественное мнение большевики придавали значение с самых ранних периодов истории партии. В статье «С чего начать», написанной в мае 1901 г.,

В.И. Ленин заявлял, что газета должна и может стать «не только коллективным пропагандистом и агитатором, но и коллективным организатором» [1, с. 11]. О значении печати и журналистской работы свидетельствует то, что сам Ленин в

анкетах о своей профессии указывал «журналист». Четкое понимание столь многосторонней роли печати большевиками привело к принятию советской властью сразу же после ее установления декрета о печати, по которому «буржуазная пресса» как «оружие в руках врага» была закрыта, как говорилось в декрете, до наступления «нормальных условий общественной жизни» [2, с. 24–25]. Большевики уделяли самое значительное внимание не только центральной, но и местной печати, старались укрепить ее опытными пропагандистскими кадрами. Так, с мая 1922 г. на газетной работе в Ростове находился видный партийный журналист и публицист Н.Л.Янчевский, который был вскоре поставлен на пост главного редактора региональной газеты «Советский Юг» [3, с. 20].

Одной из крупных политических кампаний советского руководства весной 1922 г. стало изъятие церковных ценностей в помощь голодающим. К идеологическому и пропагандистскому ее обеспечению активно привлекалась советская печать, в том числе региональная. Газеты, издававшиеся в Ростове как крупном экономическом, административном и культурном центре юга РСФСР, освещали события этой кампании в масштабе всего региона. Как это и было с самого начала советской власти, большевики рассматривали Церковь в качестве своего политического и идеологического противника.

Отражением накалявшейся вокруг Церкви обстановки к началу 1922 г. стала дискуссия на страницах газеты «Советский Юг» между ростовским священником А. Трифильевым и автором, главным редактором газеты Н. Анапским, которого поддержали рабочие железнодорожных мастерских И. Егоров и С. Митрохин. В статье от 26 января «Духовенство, православные и помощь голодным» священник призывал помочь голодающим, но заявлял, что активность Церкви по сбору средств на эти цели может вызвать подозрение «ЧК». В тот же день был опубликован ответ Н. Анапского, в котором тот отрицал, что духовенство оказывало помощь. «Холодное равнодушие и полное безучастие», – таково было, как писал автор, отношение духовенства к голодающим. В статье рабочих, помещенной 28 января, духовенство обвинялось в том, что оно не дает отчета о собранных деньгах [4, с. 108–116]. В дискуссии священник выглядел обороняющейся стороной, тогда как его оппоненты – наступательной. Церкви было предъявлено серьезное обвинение. Тем самым газета

создавала предпосылки для формирования негативного общественного мнения ростовчан и жителей Юго-Востока о священниках и Церкви, что было необходимо для дальнейшего наступления на нее.

В последующих февральских статьях газеты отмечалось, что духовенство стало оказывать помощь голодающим. Но при этом подчеркивалось, что оно, как писал в номере от 18 февраля Дм. Лебедев, пришло на помощь голодающим слишком поздно [5, 18 февр.]. Через 4 дня появилась статья «Церковь и умирающие», где прямо содержался призыв к ростовскому духовенству «выделить часть золотой и серебряной утвари на дело помощи голодающим». Автор убеждал священников «отказаться от блестящих золотых и серебряных побрякушек» и последовать примеру саратовского архиепископа Досифея. Духовенству также предлагалось доказать «хоть раз», что оно умеет «следовать заветам евангелия». Иначе, утверждал автор, вопрос о ценностях церкви «поставят сами верующие» [5, 22 февр.]. В его словах содержалась угроза направить против духовенства прихожан. 24 февраля корреспондент «Советского Юга» писал, что в беседе с ним епископ ростовский и таганрогский Арсений от ответа на вопрос о пожертвовании на помощь голодающим церковных ценностей «уклонился» [5, 24 февр.]. Вместе с тем потребность в церковной помощи была к концу зимы 1922 г. велика. Поэтому газета публикует 28 февраля призыв протоиерея А. Введенского к духовенству оказывать помощь голодающим. Он упомянул, что от папы римского голодающим в России доставлено 40 вагонов муки. И при этом рассуждал, что от 150 миллионов католиков 40 вагонов – очень мало. «Конечно, всякое даяние благо, но, Боже мой, сколько лицемерия в такой помощи» [5, 28 февр.], – заключал он. По существу Введенский, который был обновленцем, предупреждал священников о необходимости сотрудничества с Советским государством и оказания реальной материальной помощи, чтобы не проявлять подобное лицемерие.

Начало кампании пришлось на весну. На период ее проведения один из наиболее видных руководителей большевистской партии Л.Д. Троцкий давал 24 марта 1922 г. инструкцию советской прессе по ее освещению. Он подчеркивал, что «политическая задача» состоит в том, чтобы «изолировать верхи церкви. Скомпрометировать их на конкретнейшем вопросе помощи голодающим», чтобы «затем показать им суровую руку рабочего государства» [6, с. 251].

Но еще ранее по причине изъятий происходили в разных городах столкновения верующих с властями. Одно из крупных столкновений произошло 11 марта в Ростове [7, с. 57–58]. Это дало повод газете «Советский Юг» выступить 14 марта с редакционной статьей «К изъятию церковных ценностей на Ю.-В.». В ней говорилось об организации комиссий по изъятию в Ростове, Краснодаре, Новороссийске и Ставрополе. Подчеркивалось, что средства от изъятия используются «для покупки на них продовольствия без всякого ущерба для религиозной обрядности масс». Указывалось на необходимость «проявления осторожности и такта» в ходе изъятий. О событиях 11 марта упоминалось не прямо, но косвенно. Указывалось, что «всякие проходимцы и разные темные личности, ускользнувшие так или иначе от взора органов гос. полит. охраны, постараются проявить свою гнусную работу на этой почве. Они поспешат использовать данный момент для своей подпольной и открытой агитации против советской власти» [5, 14 марта], – с тревогой писала газета. Очень характерен язык статьи. Он не только отражает испуг власти по поводу событий в Ростове. В нем содержится скрытый смысл, посылавшийся обществу и особенно верующим, что перед репрессиями власть не остановится. На это указывает упоминание «органов гос. полит. охраны», которые проявили оплошность и допустили, что были «темные личности», «ускользнувшие» от них. Но это означало, что органы вполне могут исправить свою ошибку. Обращает на себя внимание то, что газета не стесняется использовать слово «охрана», что вызывало аллюзии со словом «охранка» при самодержавии, которая еще совсем недавно преследовала революционеров, в том числе большевиков. На следующий день, 15 марта, в газете появилась статья, разъяснявшая необходимость мер помощи голодающим. В ней указывалось на распространение голода на Ставрополье, на некоторые районы Дона и Кубани, и содержался призыв усилить борьбу с голодом и помощь голодающим [5, 15 марта]. Это должно было дополнительно объяснить проводимые меры по изъятию. В газете «Трудовой Дон» от 20 марта была помещена статья «Тов. Калинин об изъятии церковных ценностей», где обосновывалась необходимость этой меры словами главы Советского государства [8, 20 марта].

Газета «Советский Юг» публикует материалы с призывами к помощи голодающим, с которыми выступали не только рабочие и красноармейцы,

но и священники. В статье от 21 марта Дм. Лебедева сообщалось о решении отчислять средства голодающим церковно-приходского совета станицы Пашковской на Кубани, священников Новочеркаска, ставропольского епископа Дмитрия [5, 21 марта]. Но газета приводила и иные примеры. В номере от 26 марта рассказывалось, как несколько самарских священников пытались вывезти ценности за границу, но были разоблачены «агентами местной ОРТЧК» [5, 26 марта].

С начала апреля по мере развертывания кампании печать стала более активно отражать политику, направленную на раскол духовенства, как об этом говорилось в упоминавшейся инструкции Троцкого. В «Советском Юге» от 1 апреля сообщалось о беседе М.И. Калинина с епископом Антонином для привлечения его к работе в Помголе. Калинин заявил о стремлении советской власти привлечь «лояльных священников» для работы по организации помощи голодающим. Он при этом заявил, что раскол духовенства по вопросу о такой помощи «уже совершившийся факт». Но в отношении той части духовенства, которая не идет на сотрудничество и которую Калинин назвал «наиболее привилегированной и фактически объявившей войну Советской власти», «будут применены все те меры, какие применяются к врагам народа» [5, 1 апр.]. По существу в статье содержалось указание на проведение жесткой политики в отношении духовенства. Еще более определенно эта мысль развивалась в статье «“Святейшая” контрреволюция» от 4 апреля, в которой говорилось о событиях в Шуе, где духовенство и группа верующих решительно выступила против изъятия церковных ценностей. В статье особо подчеркивалось право Советского государства на эти ценности, поскольку все это «было создано и накоплено трудом и усилиями многих и многих десятков поколений всего государства» [5, 4 апр.], что поощряло дальнейшие изъятия. О праве собственности «народа» на церковное имущество говорилось в статье В. Филова «Народное достояние – вернуть народу», опубликованной в газете «Трудовой Дон». На уровне, доступном малообразованному читателю, достаточно примитивном, автор в нескольких словах пытался решить сложный вопрос о формировании церковной собственности и наводил читателя на мысль, что духовенство обогащалось «на эксплуатации труда» [8, 20 апр.]. Следовательно, народ имеет право на это имущество. Так идеологически обосновывались меры по изъятию имущества Церкви, понятным для населения языком. Попутно решалась идеологическая задача

развенчания Церкви, что начиналось еще в 1918 г., когда проводилась кампания по вскрытию мощей. В заметке в «Трудовом Доне» ««Раздевание» икон» М. Викторова отмечалось, что именно «простодушная верующая беднота» принимала за святые иконы. Так, когда, писал автор, с копии иконы калужской богородицы в одной из церквей «сняли ризу, мнимая богородица превратилась ... в портрет дородной помещицы времени крепостного права» [8, 21 апр.]. «Румяные девы вместо строгих ликов святых», – «скандал для правителей церкви» [8, 21 апр.], писал М. Викторова. Едва ли автор знал, что подобная критика Церкви давалась еще во второй половине XVII в. протопопом Аввакумом. Этот выдающийся писатель-старообрядец критиковал новый стиль в церковной живописи, указывал, что он не соответствует русской традиции [9, с. 253].

Мысль о прямой связи между наиболее богатой и высокопоставленной частью духовенства, препятствовавшего изъятию, и белогвардейщиной содержалась в статье В. Филова в газете «Трудовой Дон». В ней подчеркивалось, что не все духовенство против изъятий, особенно «деревенское, ближе всего стоящее к крестьянству». Но неразвитая, темная часть народа, по словам автора, «кликуши, фанатики и слабоумные», идет за теми священниками, которые сопротивляются изъятию [8, 10 апр.]. В статье таким образом решалось две задачи. Одна заключалась в том, чтобы стимулировать расслоение духовенства. Вторая – в том, чтобы выставить в негативном свете часть народа, которая не принимает грубых методов работы по изъятию и сопротивляется им. О требовании собрания Койсугской волости провести изъятие говорилось в заметке «Трудового Дона» «Бедняки за изъятие церковных ценностей» [8, 3 апр.]. На раскол духовенства была направлена также заметка «Слово честного священника», где говорилось о призыве священника Лебедева в Твери к изъятию церковных ценностей [8, 26 апр.]. На разоблачение духовенства и его раскол был направлен материал «Трудового Дона» «Божий агитпроп», включавший в себя стихотворение автора под псевдонимом «Гусляр» и две карикатуры. На одной – гладкий поп отказывает в подавании голодному, на другой – худой сельский священник подает что-то голодному. В стихотворении указывалось, что столь жадной была не «вся клоака: Среди попов и люди есть». Но честный поп, по мнению Гусляра, не характерен для духовенства: «можно их, однако, Всех по пальцам перечесть» [8, 9 мая]. В

небольшой заметке от 10 апреля «Слуги сатаны» «Трудовой Дон» указывал на случаи сопротивления изъятиям со стороны части духовенства [8, 10 апр.]. Кроме того, духовенство обвинялось в хищении церковных ценностей, как это было в станице Морозовской и описывалось в газете «Трудовой Дон» [8, 25 апр.].

На конец апреля и май пришлось завершение кампании. Церковную тему этого месяца в ростовской партийной печати составляли прежде всего материалы, касающиеся судебных процессов над духовенством и лицами, связанными с ним. В нескольких номерах «Советского Юга» шло освещение процесса по делу причта и церковного совета Покровской церкви, по которому проходил ростовский епископ Арсений (Смоленец). Все материалы газеты соответствовали ходу процесса и подавались в разоблачительном духе. Под заголовком «Поповская казуистика» давалось высказывание Арсения, который заявил, что как гражданин он не против изъятия, но как епископ возражает против способов его проведения [5, 1 мая]. Газета не сообщала при этом, чем было вызвано такое заявление епископа, и что грубые методы при изъятии в Ростове, как и в других местах, в самом деле имели место. Но газета создавала у читателей впечатление, что в ходе процесса происходила борьба со старым отжившим миром, которая была начата революцией. «Поединок: XVI век против XX, клубок против авиаторской шапки» [5, 2 мая], – так газета оценивала исторический характер этого процесса и действий советской власти в отношении Церкви вообще. О продолжении темы процессов против духовенства газета сообщала в номере от 9 мая под характерным заголовком «Преступление против голодных», где кратко сообщалось о деле патриарха Тихона. «Ужасы голода заслонялись благолепием храмов», – писала газета и давала общую оценку духовенству: «Они – не христиане, а людоеды» [5, 9 мая].

О некоторых результатах изъятий по разным городам РСФСР «Трудовой Дон» сообщал еще в апреле [8, 10 апр.]. В мае почти в каждом номере давались сведения об итогах изъятий в разных регионах страны, в том числе на Юго-Востоке РСФСР.

Таким образом, две главные региональные газеты, издававшиеся в Ростове, «Советский Юг» и «Трудовой Дон», были в гуще текущих событий и уделяли значительное внимание кампании по изъятию церковных ценностей. Они были целиком и полностью проводниками политики советского руководства в этом вопросе и играли роль

не только пропагандиста и агитатора. Они выступали организаторами для разных слоев населения на участие в кампании по изъятию или на ее поддержку. В целом можно признать, что уровень публикаций в газетах был доступен широкому читателю, а материал подбирался так, чтобы основная часть населения поддержала кампанию.

Литература

1. Ленин В.И. С чего начать // Полн. собр. соч. Т. 5.
2. Декреты Советской власти. М. : Госполитиздат, 1957. Т. 1. 640 с.
3. Мининков Н.А. Николай Леонардович Янчевский: историк, писатель, революционер. Ростов н/Д. : Изд-во ЮФУ, 2007. 270 с.
4. Шадрин А.В., Табунищикова Л.В. Изъятие церковных ценностей в Донской области. 1922 год : сб. документов. Ростов н/Д. : Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 418 с.
5. Советский Юг. 1922.
6. Архивы Кремля : в 2 кн. Кн. 1 : Политбюро и церковь. 1921–1925 гг. Москва; Новосибирск : РОССПЭН, Сибирский хронограф, 1997. 600 с.
7. Бирюкова Ю.А. Советская власть и православные общины Дона в 1920–1930-х гг. Характер отношений на местах. Ростов н/Д. : Логос, 2012. 218 с.
8. Трудовой Дон. 1922.
9. Житие протопопа Аввакума и другие его сочинения. М. : Советская Россия, 1991.

References

1. Lenin V.I. *S chego nachat'* [What to Begin with]. Comp. col. of works. Vol. 5.
2. *Dekrety Sovetskoi vlasti* [Proceedings of Soviet Power]. Moscow: Gospolitizdat, 1957, vol. 1, 640 p.
3. Mininkov N.A. *Nikolai Leonardovich Yanchevskii: istorik, pisatel', revolyutsioner* [Nikolai Leonardovich Yanchevsky: Historian, Writer, Revolutionary]. Rostov-on-Don: Izd-vo YuFU, 2007, 270 p.
4. Shadrina A.V., Tabunshchikova L.V. *Iz'yatie tserkovnykh tsennostei v Donskoi oblasti. 1922 god* [The Seizure of Church Values in the Don Region. 1922]. Col. doc. Rostov-on-Don: Izd-vo YuNTs RAN, 2013, 418 p.
5. *Sovetskii Yug*. 1922.
6. *Arkhivy Kremlya* [Archives of Kremlin]: in 2 vol. Vol. 1: *Politbyuro i tserkov'. 1921–1925 gg.* [Politburo and the Church]. Moscow; Novosibirsk: ROSSPEN, Sibirskii khronograf, 1997, 600 p.
7. Biryukova Yu.A. *Sovetskaya vlast' i pravoslavnye obshchiny Dona v 1920–1930-kh gg. Kharakter otnoshenii na mestakh* [Soviet Power and the Orthodox Communities of the Don in the 1920s–1930s. The Nature of Relations on the Ground.]. Rostov-on-Don: Logos, 2012, 218 p.
8. *Trudovoi Don*. 1922.
9. *Zhitie protopopa Avvakuma i drugie ego sochineniya* [The Life of the Archpriest Avvakum and his other Writings]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1991.

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЕВЕДЕНИЯ В КИТАЕ

© 2017 г. С.В. Бородин^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

SOME FEATURES OF MODERN RUSSIAN STUDIES IN CHINA

S.V. Borodin^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Бородин Сергей Витальевич –
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра отечественной истории средних веков
и нового времени,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: ddd@sfnu.ru

Sergey V. Borodin -
Candidate of History, Associate Professor,
Department of Russian History of the Middle Ages
and Modern Times,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: ddd@sfnu.ru

Анализируются новые тенденции в китайском россиеведении на основе отечественной и китайской историографии. Отмечается, что в 2000-х гг. произошли количественные и качественные изменения в россиеведческих работах, четко прослеживается единая позиция научных кругов и руководства страны в отношении событий новейшей истории России. Китайские учёные критически оценивают современное состояние отрасли и предлагают способы интеграции в международное россиеведение, применяя при этом методы и результаты исследований и западных, и российских коллег. Необходимо разработать собственную научную парадигму, а также использовать весь материал на разных языках, переключаясь между китайским, русским и английским. Это активизирует международный диалог и улучшит понимание России.

Ключевые слова: Россия, Китай, российские исследования в Китае, национальные центры, особенности изучения современной России.

The article analyzes new trends in Chinese studies of Russia. The study is based on the analysis of domestic and Chinese historiography. As a result of the work done, the author came to the conclusion that in the 2000s there were quantitative and qualitative changes in Russian studies, a clear unified position of the scientific circles and the leadership of the country regarding the events of the recent history of Russia. Chinese scientists critically assess the current state of the industry and suggest ways of integrating into international Russian studies, applying the methods and results of the investigations of both Western and Russian colleagues. It is necessary to develop our own scientific paradigm, and also to use all the material in different languages, switching between Chinese, Russian and English. This will activate the international dialogue and improve understanding of Russia.

Keywords: Russia, China, the Russian research in China, national centers, features of the research of modern Russia.

Современное китайское россиеведение существенно отличается от японского и корейского в силу целого ряда особенностей, связанных с историческим прошлым и спецификой современного развития КНР [1, 2]. Длительная «закрытость» страны, языковой барьер, отсутствие достаточного количества профессиональных китайцев в нашей стране, специфика распространения научных знаний вне КНР, ограничения по распространению в интернет-пространстве результатов научной деятельности – всё это и многое другое представляет сложности для анализа

китайского россиеведения. Уникальность его связана также с тем, что оно встроено в партийно-государственную систему страны и является неотъемлемой частью идеологии, пропаганды, внешней политики и двусторонних отношений между нашими странами.

Тем не менее история китайского россиеведения отражена в целом ряде публикаций отечественных исследователей, в которых с разных сторон оцениваются история развития в Китае знаний о СССР и России, современное состояние россиеведения, изучаются институциональные

основы [3–6]. Патриарх отечественного китаеведения Ю. М. Галенович обогатил российскую историографию целым рядом крупных работ, в которых досконально представил эволюцию китайского россиеведения и современное её состояние на основе изучения оригинальных работ китайских учёных [7, 8]. Рассматривая длительную историю отношений Китая и России, начало которой относится к XVII столетию, Ю. М. Галенович приходит к выводу, что россиеведение в Китае в академическом смысле этого понятия и институциональном содержании появляется в 1920–1950-е гг., и направлено на поиск и использование в Китае «того из нашего опыта, что представлялось подходящим для решения китайских проблем» [9, с. 497]. Изучив опыт КПСС и истории СССР в 50-е гг., преодолев период охлаждения отношений и разрыва межпартийных связей в 60–80-е гг., современное китайское россиеведение стало занимать постоянное и важное для КПК и КНР место в идеологической и пропагандистской работе партии.

После распада Советского Союза в китайском научном сообществе произошли серьёзные перемены, связанные с переосмыслением места и роли научных дисциплин, направленных на изучение восточноевропейских стран в целом и России в частности. Ю. М. Галенович выделяет два главных направления в современном россиеведении в КНР. К первому он относит изучение истории и современное состояние наших двусторонних отношений применительно к нуждам идеологии и пропаганды КПК внутри КНР, двусторонних и многосторонних отношениях КНР и КПК с различными государствами и политическими силами и регионами, а также применительно к внешнеполитическому курсу КНР на мировой арене в целом. Ко второму направлению – изучение истории и нынешнего состояния дел внутри нашей страны применительно к нуждам идеологии и пропаганды КПК, главным образом внутри КНР [9, с. 498]. Представляется важной оценка исследователя опыта России для Китая с учётом уроков распада СССР и прекращением деятельности КПСС. «Эта работа направлена на то, чтобы внушать населению КНР, что КПК всегда шла и продолжает идти «по правильному пути». Россия же, дескать, в 1991 г. «споткнулась» и «упала». Но теперь, по прошествии 10–20 лет, люди в России «одумались» и «переосмысливают» случившееся [9, с. 499].

Тем не менее отдавая должное предшествующим оценкам китайского россиеведения, следует дополнить их новыми материалами, в которых можно увидеть точку зрения самих китайских исследователей о состоянии россиеведения в Китае в настоящее время. Но прежде представим основные центры в КНР, в которых предметно занимаются изучением как исторического опыта России, так и её современного состояния.

Ведущей академической научно-исследовательской организацией КНР в области философии и общественных наук является Академия общественных наук Китая (АОНК). На основе научных разработок Академии готовятся рекомендации для партийных и государственных органов по выработке тех или иных мероприятий внутренней и внешней политики. Институт изучения России, Восточной Европы и Центральной Азии был образован в 1965 г. как Институт Советского Союза и Восточной Европы в структуре отделения общественных наук АНК. Позднее был подведомствен Отделу международных связей при ЦК КПК. С января 1981 г. входит в структуру АОНК. Своё нынешнее название получил в 1992 г. Область исследования: внутренняя и внешняя политика, экономика, социальное устройство и культура России, стран Восточной Европы и Центральной Азии. Ведущее научное учреждение КНР по данной проблематике. Наибольшее внимание уделяется изучению России. Общая численность персонала 150 человек, из них 80 научных сотрудников. Располагает одной из богатейших в Китае библиотекой по российской, восточноевропейской и центральноазиатской тематике. Руководит деятельностью Китайской ассоциации восточноевропейских, российских и центральноазиатских исследований (CAEERCAS). Издаёт журнал «Russian, East European and Central Asian Studies» (выходит раз в два месяца) [10].

Институт мировой истории создан на базе Института мировой истории Отделения философии и социологии Академии наук Китая в 1964 г. В структуру Института входят следующие подразделения: историографии, древней и средневековой истории, истории России и Восточной Европы, истории Западной Европы и Северной Америки, истории Африки и Латинской Америки. Издаёт журналы «World History» (раз в два месяца) и «Historiography» (ежеквартально).

Институт политологии АОНК образован в 1985 г. Один из ведущих политологических институтов КНР. Научно-исследовательская деятельность Института охватывает широкий круг проблем, в настоящее время сосредоточена на следующих основных направлениях: изменения в экономической и социальной структуре КНР и их воздействие на политическую жизнь; анализ публичной политики правительства КНР; сравнительные исследования партийных систем в КНР и за рубежом, а также парламентских систем Запада и Всекитайского собрания народных представителей; уроки распада СССР и политическая ориентация России. Издаёт дважды в месяц журнал «Journal of Political Science» – единственное академическое периодическое издание по данной тематике, выходящее в Китае.

Институт изучения России (Академия общественных наук провинции Хэйлунцзян – Хаон) известен как Сибирский институт. Основан в 1963 г. и назывался Институт Дальнего Востока. Основное внимание уделяется изучению экономики России, особенно её Сибирского и Дальневосточного регионов и их истории, политическим, экономическим, социальным и культурным проблемам, а также национальным и правовым вопросам. Выпускает журнал «Сибирские исследования» (Siberian Studies). Основные направления и задачи: изучение России, Сибири и Дальнего Востока, в частности экономических, политических, социальных, исторических, национальных, научных и культурных аспектов, систематическое изучение опыта бывшего Советского Союза и России с точки зрения уроков для Китая.

Центр изучения России и Центральной Азии Института международных отношений Фуданьского университета основан в 2005 г. Деятельность Центра сосредоточена на изучении политики и дипломатии России и Центральной Азии, китайско-российских отношений, отношений Китая с Центральной Азией, ШОС, переходных экономик этих стран и российского законодательства.

Предшественником Китайской академии современных международных отношений (КАСМО) был Институт современных международных отношений, образованный в 1965 г. в соответствии с директивой Госсовета КНР, но закрытый в период «культурной революции». КАСМО находится в ведении Министерства государственной безопасности, финансируется из государствен-

ного бюджета. Является научно-исследовательской организацией, занимающейся комплексным изучением проблем развития международных отношений в современном мире. Основным заказчиком Института выступает Руководящая группа по внешнеполитическим делам при ЦК КПК. Являясь одним из ключевых научно-исследовательских учреждений Китая, Институт занимается изучением современной политики, экономики, безопасности и дипломатии России и русскоговорящих стран СНГ. Основные публикации – «Обзор стран СНГ», «Международные отношения после окончания “холодной войны”», «Стратегии России: повестка дня президента», «Think Tanks в России» и т.д.

Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета создан в 1999 г. на базе учреждённого ещё в 1981 г. Института СССР и Восточной Европы. Один из ведущих центров подобного профиля в Китае имеет статус государственного и подчиняется Министерству образования КНР. Многопрофильный научно-исследовательский центр по изучению России, Восточной Европы и Центральной Азии. Главными направлениями исследований являются: причины распада СССР в историческом, философском, политическом, экономическом и гуманитарном контексте; переход от традиционной плановой системы экономики к современной рыночной и системе демократических ценностей на примере России, Восточной Европы и Центральной Азии; общие тенденции развития отношений между государствами в современном мире, включая Россию; прогноз развития сотрудничества между странами Европы и Азии.

Два раза в месяц выпускается специализированный научный журнал «Изучение России» (ранее назывался «Восточная Европа и Средняя Азия сегодня»), который является единственным научным изданием на русском языке.

Институт евроазиатских исследований Шанхайской академии международных исследований (ШАМИ) изучает политику, экономику, международные отношения, безопасность, историю и культуру России, Европы, Ближнего Востока, Центральной Азии, отношения этих стран и регионов с Китаем. Издаёт ежегодник «International Relations Studies» [11]. Кроме того, в последние годы центры изучения России, Восточной Европы и Центральной Азии открылись в целом ряде провинциальных университетов Китая [12, S. 152].

Масштабные изменения в международных отношениях, конец однополярного мира, поиск Россией своего собственного пути развития, многочисленные региональные конфликты, определение России как стратегического партнера Китая потребовали более качественных исследований на новом уровне. Государство увеличило расходы на образование и создало для финансирования исследований Национальный фонд социальных наук. Расширяется интернационализация. Китайские ученые в течение последних 15 лет гораздо чаще, чем раньше, стали посещать признанные международные центры по россиеведению, участвовать в конференциях и конгрессах, получили возможность приглашать иностранных коллег для обмена знаниями в свои институты.

При всей многочисленности институтов и возросшей публикационной активности китайских учёных, исследующих разнообразные аспекты истории и современного развития России и новых государств, прежде всего Центральной Азии, китайское россиеведение находится в настоящее время в поиске самостоятельных направлений и методов изучения своего северо-западного соседа, проигрывая пока Японии и Южной Корее в конкурентном сравнении.

Китайские учёные видят эти недостатки и стремятся их проанализировать и сделать соответствующие выводы. Так, доцент Школы перспективных международных и региональных исследований Восточно-Китайского педагогического университета в Шанхае Ченг Янг отмечает, что, с одной стороны, китайские исследования достигли международного уровня в некоторых областях, но взрывной рост результатов сопровождался потерей методологических и теоретических парадигм. И тогда китайские ученые в изучении России отстали от своих коллег на Западе. Резкие изменения в Восточной Европе и распад Советского Союза также привели к сильным потрясениям в китайской науке в отношении России. В 1980-х гг. область исследований была усилена, потому что Китай оценил «опыт Советского Союза и Восточной Европы в реформировании социализма», считалось, что он извлекает уроки для реформ в Китае. Теперь объект, который служил моделью, внезапно исчез. И китайские региональные исследования, которые только что начались, внезапно лишили себя прежней ориентации [12, S. 151]. В связи с изменившейся ситуацией до-

минирующей обсуждаемой темой в Китае до середины 1990-х гг. был распад Советского Союза. Со второй половины последнего десятилетия XX в. и до начала нового столетия дискуссия была посвящена трансформации в России. С 2004 г. основное внимание стало уделяться темам возобновления роста России.

За это время российские исследования в Китае значительно изменились: существующие исследовательские объекты были перестроены и переименованы. Созданы новые институты, увеличилось число научных сотрудников. Резко возросла публикационная активность. Но это только количественная характеристика. Качественно ситуация выглядит по-другому. На международном уровне китайские ученые маргинальны. Тому, как отмечает Ченг Янг, имеется несколько причин: во-первых, китайская политика открытости и реформ в области внешней политики приводит к переориентации. Статус великой державы и возросшая экономическая мощь КНР меняет объекты исследований. Это привело к резкому сокращению спроса на российский опыт.

Во-вторых, созданы всевозможные исследовательские учреждения. Но есть недостаток в кадрах. Либо студенты закончили переводческое отделение, тогда не хватает, как правило, знаний в истории, политике и экономике России, Советского Союза и Евразии. Или они изучали политологию, или другую дисциплину. Тогда им не хватает знания языка и специфических знаний в области культуры и истории России. В-третьих, вырос разрыв между китайской и международной наукой. Китай стал отставать от западных исследований России и Советского Союза. В то время как западные коллеги использовали появившиеся в России возможности и активно сотрудничали с российскими учёными, издавали многочисленные статьи в англоязычных специализированных журналах, широко пользовались системой академического обмена, китайские работы публиковались в основном на китайском языке, существовали сложности с обменом исследователями, найти статьи из Китая в международных изданиях было очень проблематично. Наконец, существует и такое мнение, что исследования о России и Советском Союзе не пользуются признанием в самых важных дисциплинах, таких как политология, экономика, социология и всемирная история, поскольку они, не способны создавать универсальные знания [12, S. 157].

Ещё одной характерной чертой современного состояния китайского россиеведения является то, что исследования оцениваются (и это связано с особенностями политического развития Китая) с точки зрения их полезности для выработки внешнеполитического курса КНР со всеми вытекающими отсюда последствиями для существования так называемой «чистой» науки. Эту оценку разделяет и Шаолей Фенг. Он выразил беспокойство о том, что научные исследования в Китае все чаще направлены на предоставление результатов для разработки политики, расширяя разрыв между академическими направлениями и потребностями аналитических центров. Ученые, особенно в области социальных и гуманитарных наук, которые сопротивляются этой тенденции, все меньше и меньше могут поддерживать свою работу и вряд ли смогут получать исследовательские гранты [13, S. 174].

Несмотря на существующие трудности в поиске оптимального соотношения между запросами государства и интересами академической науки, Ченг Янг предлагает выход из сложившейся ситуации с присущей китайцам мудростью. По его мнению, в настоящее время необходимо быстрее интегрироваться в международное сообщество россиеведов, изучать методы и результаты исследований как западных, так и российских учёных. Но новые исследования России в Китае должны идти по собственному пути. Прежде всего, подчёркивает он, мы должны разработать свою собственную научную парадигму, которая имеет китайский характер и имеет элементы, которые не могут прийти из западных стран. Исследователи должны быть достаточно гибкими, чтобы использовать весь материал на разных языках и переключаться между китайским, русским и английским. Это улучшит понимание России и будет полезно для активного участия в международном диалоге [12, s. 167].

Определяя ключевые проблемы региональных исследований, китайские коллеги видят свои недостатки, объективно оценивают свои возможности, стремятся к международной интеграции с учётом национальных особенностей и интересов.

Литература

1. *Бородин С. В.* Современное россиеведение в Японии // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2016. № 4. С. 27–31.

2. *Трубникова Н.В., Минасян С.П., Меццеракова М.А.* Практика и перспективы развития россиеведения в Республике Корея // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 10. URL: <http://human.snauka.ru/2014/10/7978> (дата обращения: 28.08.2017).

3. *Габуев А.* Гибель старшего брата. Уроки кризисов Китая учит очень тщательно // Россия в глобальной политике. 2012. № 5. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Gibel-starshego-brata-15721> (дата обращения: 02.09.2017).

4. *Андропова Л. А.* Исследования России в Китае на современном этапе // В мире научных открытий. 2014. № 11.3 (59). С. 1193–1212.

5. *Савкович Е. В.* Центральное-азиатские исследования в КНР: историография в первой половине 1990-х гг. // Вестн. Томского гос. ун-та. 2012. № 354. С. 109–112.

6. *Трубникова Н.В., Минасян С.П., Меццеракова М.А.* Россиеведение в КНР: направления исследований и образовательной деятельности, институциональная принадлежность // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 11-1. С. 102–104.

7. *Галенович Ю.М.* Взгляд на Россию из Китая. Прошлое и настоящее России и наших отношений с Китаем в трактовке китайских ученых. М.: Время, 2010. 330 с.

8. *Галенович Ю.М.* Россия в «китайском зеркале». Трактовка в КНР в начале XXI века истории России и русско-китайских отношений. М.: Время, 2011. 416 с.

9. *Зарубежное россиеведение: учеб. пособие / под ред. Д. А. Безбородова.* М.: Проспект, 2014. 574 с.

10. Официальный сайт Института исследований России, Центральной Азии и Восточной Европы Китайской Академии общественных наук (АОН КНР). URL: <http://euroasia.cass.cn/> (дата обращения: 13.08.2017).

11. Научные и аналитические центры Китая: справочник. URL: <http://www.rcit.su/inform-cn-mz-05.html> (дата обращения: 12.09.2017).

12. *Cheng Yang.* Strukturkrise und Neuanfang Russlandforschung in China // Osteuropa. 2015. № 5-6. S. 149-168.

13. *Shaolei Feng.* Bambus im Wind. 35 Jahre Osteuropaforschung in China // Osteuropa. 2015. № 5-6. S. 168-174.

References

1. Borodin S.V. *Sovremennoe rossievedenie v Yaponii* [Modern Russian Studies in Japan]. *Izv.*

vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki. 2016, No. 4, pp. 27-31.

2. Trubnikova N.V., Minasyan S.P., Meshcheryakova M.A. Praktika i perspektivy razvitiya rossievedeniya v Respublike Koreya [Practice and Prospects for the Development of Russian Studies in the Republic of Korea]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*. 2014, No. 10. Available at: <http://human.snauka.ru/2014/10/7978> (accessed 28.08.2017).

3. Gabuev A. Gibel' starshego brata. Uroki krizisov Kitai uchit ochen' tshchatel'no [The Death of the Elder Brother. Crisis Lessons China Learns very Carefully]. *Rossiya v global'noi politike*. 2012, No. 5. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/number/Gibel-starshego-brata-15721> (accessed 02.09.2017).

4. Andronova L. A. Issledovaniya Rossii v Kitae na sovremennom etape [Research of Russia in China at the Present Stage]. *V mire nauchnykh otkrytii*. 2014, No. 11.3 (59), pp. 1193-1212.

5. Savkovich E. V. Tsentral'no-aziatskie issledovaniya v KNR: istoriografiya v pervoi polovine 1990-kh gg. [Central Asian Research in the PRC: Historiography in the first half of the 1990s]. *Vestn. Tomskogo gos. un-ta*. 2012, No. 354, pp. 109-112.

6. Trubnikova N.V., Minasyan S.P., Meshcheryakova M.A. Rossievedenie v KNR: napravleniya issledovaniy i obrazovatel'noi deyatel'nosti, institutsional'naya prinadlezhnost' [Russian Studies in China: Directions of Research and Educational Activity, Institutional Affiliation]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2014, No. 11-1, pp. 102-104.

7. Galenovich Yu.M. Vzgl'yad na Rossiyu iz Kitaya. Proshloe i nastoyashchee Rossii i nashikh otnoshenii s Kitaem v traktovke kitaiskikh uchenykh [A Glance at Russia from China. The Past and Present of Russia and our Relations with China in the Interpretation of Chinese Scientists]. Moscow: Vremya, 2010, 330 p.

8. Galenovich Yu.M. *Rossiya v «kitaiskom zerkale»*. Traktovka v KNR v nachale XXI veka istorii Rossii i rusko-kitaiskikh otnoshenii [Russia in the "Chinese Mirror". Interpretation in the PRC at the Beginning of the XXI Century of the History of Russia and Russian-Chinese Relations.]. Moscow: Vremya, 2011, 416 p.

9. *Zarubezhnoe rossievedenie* [Foreign Studies of Russia]. Tutorial. Ed. by D. A. Bezborodov. Moscow: Prospekt, 2014, 574 p.

10. *Ofitsial'nyi sait Instituta issledovaniy Rossii, Tsentral'noi Azii i Vostochnoi Evropy Kitaiskoi Akademii obshchestvennykh nauk (AON KNR)* [The Official Website of the Institute of Russian, Central Asian and Eastern European Studies of the Chinese Academy of Social Sciences (AON of the PRC)]. Available at: <http://euroasia.cass.cn/> (accessed 13.08.2017).

11. *Nauchnye i analiticheskie tsentry Kitaya* : spravochnik [Scientific and Analytical Centers of China]. A Guide Book Available at: <http://www.rcit.su/inform-cn-mz-05.html> (accessed 12.09.2017).

12. Cheng Yang. Strukturkrise und Neuanfang Russlandforschung in China. *Osteuropa*. 2015, No. 5-6, pp. 149-168.

13. Shaolei Feng. Bambus im Wind. 35 Jahre Osteuropaforschung in China. *Osteuropa*. 2015, No. 5-6, pp. 168-174.

УДК 94 (470) «16/18»

DOI 10.23683/0321-3056-2017-4-39-43

КОНСЕРВАТИЗМ КАК ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ РОССИИ ДО СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА

© 2017 г. К.А. Виденкина ^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

CONSERVATISM AS A SOCIO-POLITICAL TRADITION OF RUSSIA UP TO THE MIDDLE OF THE XVIII CENTURY

К.А. Videnkina ^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Виденкина Ксения Андреевна –
аспирант,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: xenia.videnkina@yandex.ru

Ksenia A. Videnkina -
Postgraduate,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: xenia.videnkina@yandex.ru

Новая Россия получила в наследие от Московской Руси устойчивые представления об обществе и государстве, уходившие своими корнями в русское средневековье. Такие представления вступали в противоречие с новыми явлениями и процессами, которые получали свое развитие в эту эпоху и оказывали воздействие на Московское государство. Они держались прочно, поскольку соответствовали устойчивым установкам массового сознания и менталитету русского общества. Консерватизм власти заключался в том, что основу своей легитимности она видела в генеалогической связи с пресекавшейся династией, но не во всенародном избрании. Народный консерватизм находил выражение в массовых движениях петровского времени. Но народный протест, консервативный в своей основе, нес в себе значительный позитивный элемент. Своеобразный консерватизм сформировался в сознании высшей знати. Не желая возвращения в допетровское время, эта знать была недовольна некоторыми сторонами реформ, грубыми методами их проведения и приближением к государственным делам людей незнатного происхождения.

Ключевые слова: консерватизм, Михаил Романов, избрание на престол, легитимность власти, церковная реформа, народные движения.

New Russia inherited from “Moscow Russ” some stable ideas about society and the state which was rooted in the Russian Middle Ages. Such ideas came into conflict with certain new phenomena and processes that were developing in this era and had an impact on the Moscow state. These ideas stood the test of time as they corresponded with the stable attitudes of the mass consciousness and the mentality of Russian society. The Conservatism of power was based on the legitimacy of the state and the genealogical relationship with the disbanded dynasty, but not on the national election. People’s conservatism found expression in the mass movements during Peter’s time. But the public protest, conservative in its core, carried a significant positive element. A special type of conservatism was formed in the consciousness of the highest nobility. Not wishing to return to the pre-Petrine time, that nobility was dissatisfied with certain aspects of the reforms such as the brutal methods of carrying them out and the proximity of non noble people to public affairs.

Keywords: conservatism, Mikhail Romanov, election to the throne, legitimacy of power, church reform, people’s movement.

Новая Россия, начало которой было положено завершением Смутного времени и избранием на престол Михаила Романова, получила в наследие от Московской Руси устойчивые представления об обществе и государстве, уходившие своими корнями в русское средневековье. Чем дальше, тем сильнее такие представления

вступали в противоречие с новыми явлениями и процессами, которые получали свое развитие в эту эпоху и оказывали воздействие на Московское государство. Тем не менее держались они прочно, поскольку соответствовали устойчивым установкам массового сознания и менталитету русского общества, т. е. основывались на

его сознании и на подсознании, или коллективном бессознательном, что составляло менталитет человека и сообщества. И эти представления, глубоко консервативные в своей основе, были характерны как для верхов, так и для низов русского общества. Консерватизм проявлялся в приверженности традиционным ценностям, старому порядку, социальным доктринам и в стремлении сохранения традиций общества.

В полной мере проявилось это в формировании идеологии новой династии, для которой базой являлось обоснование права на государственную власть. С одной стороны, Смута, как подчеркивал еще В.О. Ключевский, нанесла удар по представлениям о государстве как о вотчине великого государя. Общество видело, что с гибелью династии государство сохранилось, а в самом народе нашлись силы для освобождения его столицы и последующего его обустройства. Политическая активность народа была очень заметна в период Смуты. Это и организация ополчений в Рязани и в Нижнем Новгороде, и создание в Ярославле Совета всей земли как временного правительственного органа до освобождения Москвы. И сам Михаил Романов был избран на престол земским собором, или «всей землей», что явилось результатом завершения Смуты и отражало реальную роль широких слоев населения в событиях, которые привели к освобождению Москвы и страны в целом.

Несмотря на все это, правительство Михаила Романова стало искать традиционные пути обоснования своей легитимности. Оно находило их не в факте избрания на престол земским собором, но опиралось на генеалогическую версию, стремясь с ее помощью связать право Михаила на престол с родством его по отношению к последнему царю старой династии Федору Ивановичу. Отдаленное родство оказывалось важнее народного избрания, и в этом была суть монархических воззрений на характер царской власти. Он вполне соответствовал теории вотчинного государства, на основании которой между государством и царской вотчиной никакой разницы не было. Царь, получивший власть по праву наследования от предков, получал государство как вотчинную собственность [1, с. 29]. Это хорошо понимал патриарх Филарет Никитич. «С легкой руки патриарха Филарета Никитича в Московском государстве стали называть бывшего царя Федора Ивановича “дядей” царя Михаила Федоровича, а царя Ивана Грозного – его “дедом”» [2, с. 134], – отмечал В.Н. Козляков.

Дипломатическая необходимость этой версии была также связана с тем, что Михаилу в глазах европейской дипломатии необходимо было отмежеваться от связей с казаками и репутации казацкого избранника на избирательном соборе 1613 г., поскольку казаки слишком хорошо были известны как разбойники. Но она же применялась и для внутреннего пользования. В царских грамотах, рассылавшихся на места воеводам или Войску Донскому от имени царя Михаила, иногда упоминалось о том, что великий государь сел на свои «государства». Как подчеркивал В.О. Ключевский, при таких представлениях «царь Михаил утвердился на престоле не столько потому, что был земским народным избранником, сколько потому, что доводился племянником последнему царю прежней династии» [3, с. 54].

С позиций такого консерватизма выступал публицист начала XVII в. Иван Тимофеев. В своем «Временнике» он проводил мысль, что избрание на престол не служит основанием для занятия царского трона. Он приводил при этом примеры избранных царей Бориса Годунова и Василия Шуйского, которые неудачно заканчивали свое царствование. Но только в том случае, если право на престол, подчеркивал Тимофеев, совпадает с волей божьей, избранный царь может получить действительное право на престол. «Только в акте избрания Михаила Романова как достойного потомка “древнего корени”, т.е. старинной династии, доказывает Тимофеев, воля народа явилось выражением воли божьей» [4, с. 214–215], – подчеркивал Л.В. Черепнин.

Вместе с тем такой консерватизм в отношении получения новым монархом права на власть нес в себе опасность для стабильности государства, только что пережившего Смуту. На это обращал внимание В.О. Ключевский. «Сомнение в народном избрании, как в достаточном правомочном источнике верховной власти, было немаловажным условием, питавшим Смуту, и это сомнение вытекало из укоренившегося в умах убеждения, что таким источником должно быть только вотчинное преемство в известной династии» [3, с. 54], – объяснял такое положение В.О. Ключевский. Едва ли случайно следствием этого стало появление в первой половине XVII в. самозванцев, которые не имели права на престол по избранию «всей землей», но выступали с претензиями на престол на основании своего якобы имевшегося у них генеалогического права. Этого власть более всего опасалась, и это стало одной

из причин появления «Слова и дела государева», направленного на выявление прежде всего подобных самозванцев.

В историографии высказывалась точка зрения, что Смута и ее результаты привели к распространению в России нового взгляда на государство, которое стало уже рассматриваться не как вотчина царя, но как дело земское, общенародное [3, с. 67]. Определенные основания для такого понимания новой роли государства имелись. Так, исчез такой признак вотчинного государства, как духовные грамоты великих князей и царей, по которым перед их кончиной они делили территорию государства между сыновьями как своими наследниками, подобно тому, как делилась вотчина при передаче ее по праву наследства. Последняя духовная грамота была составлена в 1572 г. Иваном Грозным, и с тех пор подобные документы не составлялись. Этот признак, безусловно, важный, поскольку был связан с исключительно значимым юридическим документом. Но тем не менее это не значит, что представление о государстве как о вотчине государя ушло в прошлое. И если на это представление, глубоко консервативное в своей основе, опиралась монархия Михаила Романова при обосновании прав нового царя на престол, то оно же вполне принималось в обществе. В массовом сознании оно сохранилось и оказалось более устойчивым, чем политическая реальность и чем юридическое оформление новой государственной системы, для которой уже никаких духовных грамот не требовалось.

Обоснование права на престол на основании генеалогической аргументации представляло собой консерватизм верхушечный, который, тем не менее, находил полное понимание в массовом сознании разных слоев русского общества. Но во второй половине XVII в. русский консерватизм стал приобретать новые признаки. Он становится более заметным и более массовым и осязаемым. Основывается он уже не на политической, но на религиозной почве. Этот консерватизм вовсе не вызван к жизни интересами власти, напротив, прямо противостоит им. Этот консерватизм народный, последователи его находились прежде всего на посаде, особенно в торговой среде. Был он широко распространен и среди казаков на Дону и на Яике. Но при этом к нему тяготела определенная часть высшей знати [5, с. 311].

Выражением его стало старообрядчество как итог раскола православной церкви в России, вызванного церковной реформой, которую проводил патриарх Никон. Носителями его стали расколоучители, некоторые из них удалялись в

скиты на труднодоступные окраины, в том числе на Дон [6, с. 67–86], наиболее авторитетным из них был протопоп Аввакум. После его гибели исключительно заметной личностью, по крайней мере в Москве, среди них стал Никита Пустосвят. Появились и свои мученики, самыми видными из них были «огнепальный» протопоп Аввакум и боярыня Феодосья Прокопьевна Морозова [7, с. 5–18].

Старообрядческий консерватизм имел особую направленность. Заключалась она в защите не только старины от нововведений, но и традиционных начал русской жизни от нововведений со стороны. Аввакум сокрушался по поводу распространения в его время интереса к западноевропейской жизни и культуре в некоторой части русского общества. Такая форма консерватизма оказалась опасна для власти как проявление инакомыслия.

Негативное отношение к царю Алексею способствовало тому, что с начала XVIII в. старообрядцы приняли новую, резко критическую теорию по отношению к царю: «Петр – царь-антихрист». Родилась она, однако, около 1700 г. не в старообрядческой среде. Основоположителем ее стал переписчик церковных книг Григорий Талицкий, который не был старообрядцем. Он обосновал ее в нескольких своих сочинениях. Теория получила распространение в разных слоях общества, что свидетельствовало о глубоком недовольстве кровавой расправой 1698 г. со стрельцами и начинавшимися реформами Петра I. Столь широкая ее поддержка определялась не только содержанием реформ. Она вызывалась грубыми, «варварскими» методами их проведения, вмешательством в бытовую повседневность, а также неприязнью к иностранцам, которых видели на разных военных и гражданских должностях, в роли начальников, притом, что в массовом русском сознании было хорошо известно, что церковь осуждала общение с европейцами как с носителями латинской или лютеранской ереси. Конечно же, самого Талицкого знали немногие. Он был схвачен и вскоре погиб [8, с. 49]. Но идея Петра-антихриста распространилась независимо от него. Опасность ее для власти была не только в том, что она делала недействительной присягу царю как антихристу, врагу Христа. Близкой к ней была еще идея князя Андрея Курбского, который указывал на то, что действия царя Ивана Грозного стали противны православию [9, с. 215–249].

Но наиболее яркими и массовыми проявлениями самого негативного отношения к Петру и к

его преобразованиям были народные движения – Астраханское восстание 1705–1706 гг. и Булавинское восстание 1707–1709 гг. В них консервативная направленность прослеживается очень отчетливо. Еще одним крупным народным выступлением такого рода был Тарский протест мая-июня 1722 г.

Все эти массовые выступления были жестоко подавлены. Но социальная сущность этих движений консерватизмом его участников не исчерпывается. Они также несли в себе глубоко позитивный заряд протеста против насилия со стороны государства, против того, что власть, осуществляя преобразования, нисколько не собиралась считаться с населением и с его нуждами и культурными традициями, что преобразования оказались напрямую связаны с резким усилением эксплуатации со стороны крепостнического государства. В этих движениях народ отстаивал свои представления о мире, государстве, церкви и царской власти, выступал в защиту сложившейся в его сознании системы ценностей.

Вместе с тем время царствования Петра I породило иную форму консерватизма, носителями которого являлись представители русской знати. Они нисколько не выступали против самих реформ. Их устраивала политика, направленная на укрепление могущества державы, на развитие ее культуры, и в этом отношении они выступали сподвижниками реформаторской политики царя. Они не были против заимствований достижений культуры западноевропейских стран, благодаря которым должна была решаться задача преодоления отсталости страны. Но они вместе с тем были приверженцами традиционных культурных ценностей. Они решительно не принимали грубости, которую несли новые петровские выдвиженцы при проведении реформ, появление среди окружения царя новых людей незнатного происхождения. Особенно критически относились они к выходкам «всешутейшего всепьянейшего сумасброднейшего» собора, в которых активно участвовал сам Петр I [10, с. 366–367].

Таким образом, для сознания разных общественных структур новой России консерватизм был исключительно характерен. Проявления его при этом различались между собой. Консерватизм власти заключался в том, что основу своей легитимности она видела в генеалогической связи с пресекавшейся династией, но не во всенародном избрании. Допускалась при этом идея всенародного избрания как выражение воли Бога, но при условии совпадения этого избрания

с наличием генеалогической связи со старой династией. Ярким выражением народного консерватизма, начиная со второй половины XVII в., стало старообрядчество, среди его последователей были не только посадские люди и казаки, но и некоторая часть высшей знати.

Народный консерватизм находил наглядное выражение в массовых движениях петровского времени. В нем проявлялся не только протест европеизации жизни России, но и грубой ломки повседневной жизни, бытовых традиций и усиления государственной эксплуатации, причем донские казаки отстаивали свою традиционную вольность. С консервативных позиций выступали при Петре I участники массовых народных движений, для которых новые времена и процессы европеизации культуры и разных сторон жизни России несли усиление эксплуатации, а для казаков – дальнейшее усиление центральной власти над ними. При этом народный протест, консервативный в своей основе, нес в себе значительный позитивный элемент.

Своеобразный консерватизм сформировался в сознании высшей знати. Не выступая против реформ Петра I вообще и не желая возвращения в допетровское время, эта знать была недовольна некоторыми сторонами реформ, грубыми методами их проведения и приближением к государственным делам людей незнатного происхождения. Сам по себе консерватизм в сознании русского общества превратился, начиная со времени царствования династии Романовых, в культурно-историческую традицию.

Литература

1. Мининкова Л.В. Теория вотчинного государства в отечественной историографии. Ростов н/Д. : Изд-во ЮФУ, 2015. 138 с.
2. Козляков В.Н. Михаил Федорович. М. : Молодая гвардия, 2004. 346 с.
3. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 3 // Соч. : в 8 т. М. : Госполитиздат, 1957. Т. 3.
4. Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. / послесл. В.Д. Назарова. М. : Языки славянской культуры, 2015.
5. Очерки русской культуры XVII века : в 2 ч. М. : Изд-во МГУ, 1979. Ч. 1. 352 с.
6. Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII века. Исследование. Ростов н/Д. : Антей, 2015. 355 с. (Репринт).

7. Панченко А.М. Боярыня Морозова – символ и личность // Повесть о боярыне Морозовой. М. : Художественная литература, 1991.

8. Голикова Н.Б. Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. М., 1957.

9. Лурье Я.С. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским в общественной мысли Древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Курбским. Л. : Наука, 1979.

10. Костомаров Н.И. Петр Великий // Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей : в 2 кн. М. : Сварог, 1995. Т. 2.

References

1. Mininkova L.V. *Teoriya votchinnogo gosudarstva v otechestvennoi istoriografii* [Theory of the Patrimonial State in the Russian Historiography]. Rostov-on-Don: Izd-vo YuFU, 2015, 138 p.

2. Kozlyakov V.N. *Mikhail Fedorovich* [Mikhail Fedorovich]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2004, 346 p.

3. Klyuchevskii V.O. *Kurs russkoi istorii* [The Course of Russian History]. Part 3. *Col.*: in 8 vol. Moscow: Gospolitizdat, 1957, vol. 3.

4. Cherepnin L.V. *Zemskie sobory Russkogo gosudarstva v XVI–XVII vv.* [Zemsky Sobors of the

Russian State in the 16th-17th centuries]. Conc. by V.D. Nazarov. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015.

5. *Ocherki russkoi kul'tury XVII veka* [Essays of Russian Culture of the XVII century]. 2 parts. Moscow: Izd-vo MGU, 1979, ch. 1, 352 p.

6. Druzhinin V.G. *Raskol na Donu v kontse XVII veka. Issledovanie* [Split on the Don at the End of the XVII Century. Research]. Rostov-on-Don: Antei, 2015, 355 p.

7. Panchenko A.M. [The boyar's wife Morozova - a symbol and a personality]. *Povest' o boyaryne Morozovoi* [A Tale of the boyar's wife Morozova]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1991.

8. Golikova N.B. *Politicheskie protsessy pri Petre I. Po materialam Preobrazhenskogo prikaza* [Political Processes under Peter I. Based on the Materials of the Preobrazhensky Order]. Moscow, 1957.

9. Lur'e Ya.S. [Correspondence between Ivan the Terrible and Andrei Kurbsky in the Public Thought of Ancient Russ]. *Perepiska Ivana Gрозного s Kurbskim* [Correspondence between Ivan the Terrible and Kurbsky]. Leningrad: Nauka, 1979.

10. Kostomarov N.I. [Peter the Great]. *Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavneishikh deyatelei* [Russian History in Biographies of its Main Figures]: in 2 vol. Moscow: Svarog, 1995, vol. 2.

Поступила в редакцию / Received

11 октября 2017 г. / October 11, 2017

УДК 94 (420)

DOI 10.23683/0321-3056-2017-4-44-47

АМЬЕНСКИЙ МИР 1802 ГОДА И ЕГО АНГЛИЙСКИЕ КРИТИКИ

© 2017 г. А.А. Егоров^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

THE AMIENS PEACE TREATY OF 1802 AND ITS ENGLISH CRITICS

A.A. Egorov ^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Егоров Александр Александрович –
доктор исторических наук, профессор, доцент,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: egorov_1799@mail.ru

Aleksandr A. Egorov -
Doctor of History, Professor, Associate Professor,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: egorov_1799@mail.ru

Рассматривается проблема Амьенского мира 1802 г. и мнение его английских критиков. На основании высказываний видных государственных деятелей Великобритании начала XIX в. предпринята попытка выяснить, в силу каких обстоятельств они критиковали заключенный с Францией мирный договор, в чем состояла их аргументация и насколько существенный сегмент общественного мнения эта критика представляла.

Отмечается, что критики мирного соглашения с Францией (как в варианте прелиминарного мира, так и в окончательном тексте Амьенского мирного трактата 1802 г.) подчеркивали, что его главные недостатки прежде всего состояли в чрезмерных уступках по отношению к Франции, в непрочности мира, обретенного столь дорогой ценой, а также в отсутствии сколько-нибудь существенных выгод для самой Великобритании.

Ключевые слова: мир, договор, граждане, прелиминарный мир, господство, колонии, критики, условия, мнения, позиция.

The article is devoted to the consideration of the problem of the Amiens Peace Treaty of 1802 and its English critics. Based on the analysis of the statements of a number of prominent British statesmen of the early XIX century, the author made an attempt to find out by what circumstances they expressed a critical attitude towards the peaceful treaty concluded with France, what were their arguments and how significant the segment of public opinion this criticism represented was. The conclusion of the article notes that the critics of the peace agreement with France (both in the variant of the preliminary peace and in the final text of the Amiens Peace Treaty), emphasized that main shortcomings were excessive concession to France, the fragility of the peace obtained so dearly, and in the absence of significant benefits for the U.K. itself.

Keywords: peace, treaty, citizens, preliminary peace, supremacy, colonies, critics, opinions, position.

Важным фактом жизни Великобритании, да и Европы в целом в начале XIX в., безусловно, было подписание Амьенского мирного трактата между Соединенным Королевством и Французской республикой (27 марта 1802 г.). Однако в силу того, что Амьенскому миру предшествовало заключение так называемого прелиминарного мира между двумя странами (в октябре 1801 г.), первые отклики на неотвратимо надвигающееся событие появились в Англии в начале осени 1801 г., а кое-какие и того раньше, в 1800 г.

Можно, видимо, не погрешив против истины, обозначить три основные позиции в отношении мира с Францией, присутствовавшие тогда в английском общественном мнении, сведя их к его критикам (или «ястребам»), его сторонникам («голубям») и тем, чье отношение к миру было не столь категоричным.

К числу критиков с полным правом следует отнести ближайших сподвижников британского премьер-министра Уильяма Питта Младшего, например, У. Уиндхэма (занимавшего прежде пост военного министра Великобритании),

лорда Гренвиля (министра иностранных дел в кабинете Питта Младшего начиная с 1791 г.), Джорджа Каннинга, лорда Мальмесбери, а также их многочисленных родственников и друзей. Рассуждая о мире и войне в письме к своей корреспондентке миссис Кру, У. Уиндхэм пришел к по-своему парадоксальному выводу. «Дела выглядят не лучшим образом, – писал он ей 16 ноября 1800 г., – но не похоже, что существует перспектива немедленного заключения мира (с Францией. – А.Е.) ... Во время войны может стрястись тысяча случайностей, но если однажды мир будет заключен, власть Буонапарте, без всякого сомнения, упрочится и тогда я не знаю, как же мы спасемся» [1, р. 433].

О том, с каким негодованием критики мирного договора восприняли «неподобающее» поведение рядовых английских граждан осенью 1801 г., недвусмысленно свидетельствуют письма лорда Фицхарриса его отцу лорду Мальмесбери. Извещая отца о подписании прелиминарного мира французским эмиссаром Отто и лордом Гауксбери, Фицхаррис отмечает (2 октября 1801 г.), что «по этому поводу (в Лондоне) люди обнимали друг друга, повсеместно собирались группами, обсуждали это дело... и язык простонародья, звучавший посреди всего этого ликования, был в высшей степени преступным». Развивая эту тему десять дней спустя (12 октября 1801 г.), Фицхаррис пишет: «Мой дорогой отец! Прелиминарные условия впервые дошли до нас из французских газет... адъютант Буонапарте (Ж. А.Б. Лористон. – А.Е.) осмелился высадиться в Англии и, позор для нас, был влекомо по улицам Лондона простонародьем... Я счастлив, что меня не было в городе (в этот момент)...» [2, р. 9–10; 3]. Вполне разделяя эту оценку, сам Мальмесбери охарактеризовал «казус» с посланцем Первого Консула как «самое позорное обстоятельство и прискорбный инцидент» [2, р. 62].

Выступая в Палате общин в связи с заключением прелиминарного мира с Францией (29 октября 1801 г.), Уиндхэм заявил: «Я должен, ... остаться единственным скорбящим посреди всеобщего воодушевления ... мои достопочтенные друзья, подписывая этот мир, ставят свои подписи под смертным приговором своей стране ... Единственная цель, которую преследует Франция, состоит в том, чтобы ей позволили разделить с нами господство над морями, участвовать в наших торговых выгодах и позволить ей усилить свой флот. В то время как она

(Франция) обрела эти права посредством мира, вы сдачей ваших завоеваний упускаете из рук единственное средство предотвратить это увеличение (французской) мощи, – расширение вашей колониальной империи. Я не знаю точно, – заключил он, – какие мотивы, при сложившейся в Европе обстановке, побудили министров Его Величества пойти на эти прелиминарные условия. Некоторые из этих мотивов были мною услышаны. Но они меня не убедили; напротив, они кажутся мне абсолютно недостаточными» [4, р. 429–430]. В тот же день Исаак Корри писал Ч. Эбботу, вскоре занявшему кресло спикера нижней Палаты: «... Уиндхэм выразил неодобрение миру, видя в нем источник будущих бед, которые, возможно, приведут эту страну к краху...» [5, р. 374].

Позднее, выступая в Палате общин уже по случаю заключения Амьенского мира (27 марта 1802 г.), Уиндхэм сказал: «Это мир, которому всякий рад и относительно которого никто не испытывает чувство гордости» [2, р. 314]. Любопытно, что один из самых ярких сторонников примирения с Францией Р.Б. Шеридан определял его как «необходимый, но позорный мир» [6, р. 405].

В письме лорда Гренвиля лорду Мюльгрейву (13 октября 1801 г.) есть такие строки о прелиминарном мире с Францией: «... мера того, что сейчас было уступлено Франции, настолько превосходит ожидания, и вызванная этим весьма шаткая ситуация, в которой мы оказались, кажется мне чреватой столь великой опасностью для страны, что, думаю, я не смог бы найти оправданий, если бы не высказал эти суждения...» [7, р. 53]. В свою очередь, граф Гранвиль Левесон Говер в письме к матери (от 5 ноября 1801 г.) отмечал, что «война была бы предпочтительнее, ибо мир не что иное, как военноморское перемирие, в котором все преимущества будут в пользу Франции; и ради этого перемирия, – возмущается Говер, – мы заплатили ценой наших лучших военных и торговых позиций» [8, р. 307]. Получив текст прелиминарного англо-французского мирного договора с Гауксбери, лорд Гренвиль был им крайне возмущен. В письме к Генри Дандесу он писал: «Ни в какое, даже самое трудное время, у меня не возникла идея пойти на уступки, которые могут быть сравнимы с этими». К тому же, замечал Гренвиль, несмотря ни на что, они дадут, в итоге, лишь «короткую передышку» [9, р. 306]. После заключения Амьенского мира лорд Гренвиль

охарактеризовал его как «ненужные и унижительные уступки» со стороны Англии в отношении Франции. Дневниковая запись лорда Мальмесбери (от 11 апреля 1802 г.) гласила: «Лорд Гренвиль решительно настроен против мира, ... осуждая его как непрочный, опасный и несвоевременный; он рассматривает способ, которым этот договор был обретен, как в высшей степени порочный, исполненный дипломатических просчетов и многих важных упущений...» [2, р. 70].

Выступая в Палате лордов (4 мая 1802 г.), лорд Гренвиль заявил, что Амьенский мир – «постыден для Англии» [3, с. 274]. В дневнике известного английского художника и графика Джозефа Фарингтона от 4 февраля 1803 г. значилось: «Мистер Уиндхэм (государственный деятель) позировал Хопнеру, много рассуждал о делах политики... Уиндхэм продолжает думать, что война будет не хуже, чем нынешний мир» [10, р. 78].

Достаточно последователен и красноречив в своей критике Амьенского мира был Джордж Каннинг, рассуждавший об огромных недостатках и упущениях, непрочности, шаткости и даже глупости мира с Францией [11, р. 352]. Незавидное положение, в котором оказалась Англия, подписав Амьенский трактат (в своей речи в Палате общин от 11 марта 1803 г.), он охарактеризовал следующими словами: это «состояние – ни мира, ни войны, ни спокойного отдохновения, ни благородного и чреватого успехом усилия; мир, если он должен быть назван миром, без спокойствия, без сокращения расходов, без безопасности и подверженный всевозможным тревогам в куда большей степени, чем опасностям...» [12, р. 67–68]. Каннинг утверждал, что в то время как бездумное большинство приветствует мир, разговоры, которые он вел со многими лицами: купцами, землевладельцами, джентльменами, «обнаруживают всеобщее осуждение его условий» [13, р. 307].

Примечательно, что выступая в парламенте буквально накануне разрыва Амьенского мира, Каннинг сказал: «Амьенский мир был заключен на условиях ... отказа от всех признанных и существующих принципов национальной независимости, нарушении всех прав и возмутительных оскорблений наших соседей...» [12, р. 81].

Интересно было и мнение, высказанное задолго до этого королем Георгом III в разговоре с лордом Мальмесбери (27 октября 1801 г.). «Знаете ли вы, как я называю мир (с Францией)? – спросил король своего собеседника. – Экспериментальным миром, так как он и не является

ничем большим. Я уверен, – продолжил Георг III, – что вы думаете подобным же образом, хотя, возможно, не называете его так; однако, мир – неизбежен, так как меня все оставили, союзники и все вообще. Я сделал это ... ради всего наилучшего, так как не мог поступить иначе» [2, р. 62–63]. Сам же лорд Мальмесбери, правда, уже в марте 1802 г. на вопрос герцога Йоркского о мире с Францией ответил так: «Мир, сэр, – через неделю и война – через месяц». С этим мнением старого многоопытного дипломата в свою очередь полностью солидаризировался король: «Я могу предсказать то же самое, – заявил он ему на следующий день, – Вы – великий пророк; полагаю, что ваше предсказание оправдается. Убежден, что вы правы. Первая часть вашего предсказания уже осуществилась (Definitive Treaty of 27th March) и, думаю, вторая также не замедлит осуществиться» [14, р. 69].

До какой-то степени общая для всех британских критиков мира с Францией позиция была весьма однозначно представлена в январском номере «Анти-якобинца» Каннинга за 1801 г. В статье о мирных переговорах с Французской республикой указывалось на то, что «база для переговоров может быть такова – либо Франция соглашается с принципом status quo и тогда произойдет взаимное возвращение всех завоеванных территорий; либо она согласится на такое удержание завоеванного нами, которое предоставит нам если и не возможность распространения нашего могущества, ... и не средство восстановить баланс сил в Европе, ибо это не может быть эффективно осуществлено посредством какого-либо подобного договора, то возможность хоть в какой-то мере совладать с ней в будущем противостоянии и не допустить установления ею своего всемирного господства». Учитывая возросшее могущество Франции, «определенное ... усиление нашей (английской) мощи жизненно необходимо, чтобы позволить нам сохранить соответствующее положение относительно Франции». Этот тезис обосновывается следующим образом: «французы были эвакуированы из Египта, это – факт, но если бы мы не удержали Мальту, то они, невзирая ни на какой договор ... при первой же благоприятной возможности овладели бы им (Египтом) вновь». Франция, рассуждал он, – даже заключила мир с континентальными державами, будучи победительницей. Англия теперь находится в той же ситуации. Они (французы) и их союзники не взяли у нас ничего, мы же отняли у них все: мы господствуем на море; жалкие остатки их флотов не смеют покидать свои

порты, их торговля уничтожена и, хотя они могут угрожать, у них нет средств причинить нам вред. У нас поэтому, несомненно, есть такое же право, как и у них, предписывать условия...» [15, p. 447–448].

Таким образом, практически для всех английских критиков мирного соглашения с Францией, достигнутого в Амьене в 1802 г., главные его изъяны состояли, во-первых, в тех непомерно больших уступках Франции, на которые, по их мнению, согласилась пойти британская сторона, во-вторых, очевидная зыбкость обретенного столь неоправданно высокой ценой мира, в-третьих, отсутствие в договоре каких-либо существенных выгод для Великобритании (скажем, в виде удержания ею завоеванных в ходе войны с Францией территорий). Последнее обстоятельство отметил и Карамзинский «Вестник Европы», назвавший условия мира, подписанного в Амьене «чудными условиями» [3, с. 253].

Литература

1. *Windham W.* The Diary of the right hon. William Windham. 1784 to 1810. L., 1866.
2. *Malmesbury J.H.* Diaries and Correspondence of James Harris, first earl of Malmesbury. Vol. 4. L., 1846.
3. Вестник Европы. 1802. № 11.
4. *Windham W.* Speeches in Parliament of the right hon. William Windham. Vol. 1. L., 1812.
5. *Abbot Ch.* The Diary and Correspondence of Charles Abbot, lord Colchester Speaker of the House of Commons 1802–1819. Vol. 1. L., 1861.
6. *Sheridan R.B.* The Speeches of the right hon. Richard Brinsley Sheridan. Vol. 3. N.Y., 1969.
7. *Memoirs of the political and literary life of Robert Pulmer Ward Esq.* Vol. 1. L., 1850.
8. *Lord Granville Leveson Gower.* Private Correspondence. 1781 to 1821. Vol. 1. L., 1916.
9. *The Cambridge History of British Foreign Policy.* Vol. 1. Cambridge Univ. Press, 1922.
10. *Farington J.* The Farington Diary. Vol. 2. N.Y., 1923.
11. *Pitt W.* The War Speeches of William Pitt the Younger. L., 1915.

12. *Canning G.* The Speeches of the right hon. George Canning. Vol. 2. L., 1828.
13. *The Cambridge History of British Foreign Policy.* Vol. 1. Cambridge Univ. Press, 1922.
14. *Malmesbury J.H.* A Series of letters of the first earl of Malmesbury, his family and friends from 1745 to 1820. Vol. 2. L., s.a.
15. *The Anti-Jacobin Review and Magazine* 1801. Vol. 1.

References

1. *Windham W.* *The Diary of the right hon. William Windham. 1784 to 1810.* London, 1866.
2. *Malmesbury J.H.* *Diaries and Correspondence of James Harris, first earl of Malmesbury.* Vol. 4. London, 1846.
3. *Vestnik Evropy.* 1802, No. 11.
4. *Windham W.* *Speeches in Parliament of the right hon. William Windham.* Vol. 1. London, 1812.
5. *Abbot Ch.* *The Diary and Correspondence of Charles Abbot, lord Colchester Speaker of the House of Commons 1802-1819.* Vol. 1. London, 1861.
6. *Sheridan R.B.* *The Speeches of the right hon. Richard Brinsley Sheridan.* Vol. 3. New York, 1969.
7. *Memoirs of the political and literary life of Robert Pulmer Ward Esq.* Vol. 1. London, 1850.
8. *Lord Granville Leveson Gower.* *Private Correspondence. 1781 to 1821.* Vol. 1. London, 1916.
9. *The Cambridge History of British Foreign Policy.* Vol. 1. Cambridge Univ. Press, 1922.
10. *Farington J.* *The Farington Diary.* Vol. 2. New York, 1923.
11. *Pitt W.* *The War Speeches of William Pitt the Younger.* London, 1915.
12. *Canning G.* *The Speeches of the right hon. George Canning.* Vol. 2. London, 1828.
13. *The Cambridge History of British Foreign Policy.* Vol. 1. Cambridge Univ. Press, 1922.
14. *Malmesbury J.H.* *A Series of letters of the first earl of Malmesbury, his family and friends from 1745 to 1820.* Vol. 2. London, s.a.
15. *The Anti-Jacobin Review and Magazine.* 1801, vol. 1.

ИСТОРИЯ И ПОЭЗИЯ: «ГЕНРИАДА» ВОЛЬТЕРА КАК ПАМЯТНИК СВОЕЙ ЭПОХИ

© 2017 г. О.А. Ковалева ^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

HISTORY AND POETRY: VOLTAIRE'S "HENRIADA" AS THE MONUMENT OF HIS EPOCH

O.A. Kovaleva ^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Ковалева Ольга Александровна –
кандидат исторических наук, доцент, кафедра
зарубежной истории и международных отношений,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: savchenko-oa@mail.ru

Olga A. Kovaleva -
Candidate of History, Associate Professor,
Department of Foreign History and International Relations,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: savchenko-oa@mail.ru

Анализируется «Генриада» Вольтера как литературное и историческое произведение. С особым вниманием рассматривается композиционная структура поэмы, а также соответствие ее сюжета исторической действительности. Как и в любом литературно-историческом произведении, в «Генриаде» нашли отражение политико-философские представления ее автора, его отношение к описываемым им событиям, анализу которых посвящена данная статья.

В отечественной и зарубежной историографии XX в. это произведение представлялось в основном как литературно-художественное, а не историческое. Герой поэмы – французский король Генрих IV. Для Вольтера он – воплощение просветительского и антидеспотического идеала. При этом образ Генриха IV – чисто художественный, созданный для того, чтобы показать, что просвещенный монарх существовал уже в XVI в., и вполне может стать политической реальностью для XVIII в. Во Франции Вольтера считают одним из основоположников исторической науки, а «Генриада», в свою очередь, является одним из самых известных его произведений, которым восхищались современники. Но во второй половине XIX в. оно было незаслуженно забыто.

Ключевые слова: поэма, просвещенный абсолютизм, монархия, дворянство, конституция, правление.

It is analyzed "Henriada" Voltaire as a literary and historical work. With special attention is considered the compositional structure of the poem, as well as the correspondence of its plot of historical reality. As in any literary and historical work, the "Henriada" reflects the political and philosophical views of its author, his attitude to the events described by him, the analysis of which is devoted to this article.

In the domestic and foreign historiography of the XX century this work was represented mainly as a literary and artistic, rather than historical. The hero of the poem is the French King Henry IV. For Voltaire, he is the embodiment of the Enlightenment and antidespotic ideal. In this case, the image of Henry IV is purely artistic, created to show that the enlightened monarch existed already in the 16th century, and could well become a political reality for the 18th century. In France, Voltaire is considered one of the founders of historical science, and "Henriada", in turn, is one of the most famous of his works, he admired contemporaries. But in the second half of the XIX century it was undeservedly forgotten.

Keywords: poem, enlightened absolutism, monarchy, nobility, constitution, governing body.

Одним из родоначальников, основоположников буржуазной исторической науки во Франции был прежде всего Вольтер (1694–1778 гг.). «...Труды Вольтера, – писал в своей статье, посвященной анализу исторических взглядов «фернейского отшельника», академик

В.П. Волгин, – навсегда останутся памятниками весьма значительного момента не только в формировании буржуазной идеологии, но и в становлении исторической науки» [1, с. 70]. Необходимо сказать, что за исключением ученического Essay upon the Civil Wars of France

Lnd., 1727 [2, p. 7] специальных исторических произведений, посвященных Генриху IV и его времени, у Вольтера нет. Но даже несмотря на это, нельзя не изумляться остроте и тонкости ума этого замечательного человека, который сумел уже тогда, в XVIII в., на заре буржуазной историографии так точно и так верно оценить современную ему историческую науку. «Человек со здравым смыслом, читая историю, занят, главным образом, ее опровержением», – писал Вольтер [1, с. 69].

Многие работы известных авторов имеют подчас странную судьбу. Такова она у вольтеровской «Генриады». Ею наперебой восхищались современники, восхищались даже в сравнении с другими его произведениями: «Если изложить в стихах “Историю Карла XII” (сочинение Вольтера. – *О.К.*), она все же останется историей. Если изложить “Генриаду” прозой, она все же останется поэмой», – писал Д. Дидро в очерке «О драматической литературе» (1758 г.) [3, с. 199].

Мари-Жан-Антуан-Николя, маркиз де Кондорсе заявил: «Никогда столь глубокая и правдивая философия не украшалась такими прелестными и трогательными стихами...» [4, с. 22]. Будучи горячим поклонником Вольтера, Кондорсе в изданной им в 1789 г. «Жизни Вольтера» соглашается с тем, что некоторые из эпических произведений, считающихся великими, превосходят «Генриаду» разнообразием действий, но ни одна из них «...не заключает в себе такой глубокой философии, такой чистой морали, ни одна не отличается такой свободой от предрассудков. Из всех эпических поэм одна “Генриада” имеет нравственную цель..., потому что она дышит ненавистью к войне и фанатизму, терпимостью и любовью к человечеству» [4, с. 46].

Знаменитый естествоиспытатель Бюффон в академической речи 15 мая 1775 г. сравнил «Генриаду» с творениями Гомера [5, с. 60]. Экземпляр «Генриады» находился в военно-походной библиотеке Наполеона Бонапарта.

Однако превозносимая до небес современниками Вольтера, почитаемая поколением, выросшим в годы Революции и Империи, она была затем надолго забыта.

Вспомнили о «Генриаде» много лет спустя, да и то только для того, чтобы подтвердить, что забыта она была по праву, так как в литературном отношении поэма слаба, а в отношении историческом – тенденциозна.

Ограничиться подобным утверждением проще всего. Попробуем, хотя бы в общих чертах, рассмотреть это эпическое полотно Вольтера не только как «... результат чисто художественного характера» [6, с. 44], но и как результат его философских изысканий, как вещь, принадлежащую истории в той же мере, как и литературоведению [5, 7, 8].

В противоположность другим поэтическим произведениям Вольтера «Генриада» не отличается стройностью композиции, сюжетная линия неправомерно растянута и грешит многими отступлениями. Почти вся седьмая песнь вписана Вольтером в текст только ради прославления Бурбонского двора, надо полагать, не бескорыстно. Автор воздаст должное Людовику XIV, скорбит по его рано умершему сыну, восхищается прелестью королевского дитяти – будущего Людовика XV и поручает «мудрому Флери» печься о малолетнем короле Франции.

Эта поэма как-то не вписывается в творчество Вольтера, собственно в тех случаях, когда он пытается вполне серьезно говорить о божественности Провидения, о Боге, об истинности христианской веры.

Впрочем, лицемерия у него хватает ненадолго, и уже в четвертой и особенно в пятой песнях Вольтер взрывается целым градом язвительных насмешек над религией и папской властью:

В середине алтарей преемники Христа
Вместили без стыда разврат в сии места
(имеется в виду Рим. – *О.К.*) [9, с. 41].

Или:

Под ризою святой служителей Христа
Зло суесвятия взошло во все места [9, с. 52].

Правда, немного погодя он как будто отступает, когда в шестой и седьмой песнях вновь начинает говорить о божественных вещах – видениях, призраках, святом Людовике, аде и рае [9, с. 68–69, 40, 53, 78, 81].

Однако мистицизм не был свойствен Вольтеру. Будучи великолепным знатоком Библии и блестящим критиком христианства, он, разумеется, не мог серьезно относиться к дьяволу и ангелам, Царю небесному и Царю зла. Божества крупные и мелкие выступают в «Генриаде» скорее как фигуры вполне аллегорические. Недаром наряду с Богом в поэме названы имена Нептуна, Авроры и других мифических существ [5, с. 67].

Поэма состоит из десяти частей, написанных, можно сказать, в следующих плоскостях: портреты исторических деятелей – героев по-

эмы – Генриха IV, Омаля, Майенна, Гиза и других [9, с. 25–26, 16, 7, 33]; монологи этих героев [9, с. 30, 6, 7, 63–67]. Это основные измерения поэмы. Кроме них отдельными живописными пятнами выделяются на ее фоне изумительные по яркости и выразительности языка описания таких событий, как, например, Варфоломеевская ночь или убийство Генриха III Клеманом [9, с. 19–23, 56–58]. «Генриада» интересна и ценна тем, что Вольтер не просто переложил стихами историю Генриха IV, а высказал свои сокровенные мысли о наилучшей форме государственного устройства.

Именно потому, что Вольтер (тогда еще тридцатилетний молодой человек, только что вернувшийся из Англии) [5, с. 59–61] увлекался английскими парламентарными порядками, он посылает своего героя путешествовать в Англию [9, Песни первая и вторая].

Герой поэмы – это, конечно, Генрих IV (отсюда и ее название «Генриада»). «Вольтер не избежал увлечения личностями королей. Но ... в образах королей Вольтер-историк исследует качества человека в среде, окружающей его, Он (т.е. Генрих IV. – *О.К.*) воплощал просветительский идеал анти-деспотического, анти-фанатического правителя» [10, с. 42, 141]. Путешествие (плод литературной фантазии Вольтера) позволяет ему описать английскую конституционную монархию, превознести ее как совершеннейший образец государственного правления:

Узря он (т.е. Генрих IV. – *О.К.*) Англию, дивился без коварства

Узаконению сего преславна царства [9, с. 11], – пишет Вольтер в первой песне поэмы.

В Англии времен Елизаветы царит социальная гармония:

«...Елисавет была премудра та Царица,
Которой правила Европой всей десница.
Она заставила граждан в покое жить,
Которы отреклись присягою служить» [9, с. 11–12];

«... три неперменны власти.
Министры от Царя, народ и сбор вельмож,
Имев различный вид, о благе мыслят тож» [9, с. 11].

Защищая идею «просвещенного абсолютизма», Вольтер восклицает:

«Блаженны, когда чернь, желав свой долг нести,

Не отрекается верховну власть блюсти;
Блаженнее еще, когда Царь мил народу,

Рачительно блюдет общественну свободу!» [9, с. 12].

Генрих IV, «... быв от природы смел, без хитрости коварства» [9, с. 7] – спаситель Франции, действительно великий, народный король.

«Все гибло, как Бурбон явился в стане сам.

Благочестивый Князь для общего спасенья» [9, с. 5].

Прославление Генриха – не результат исторической неосведомленности «фернейского патриарха» [11, с. 277]. Образ Генриха IV – это чисто художественный образ, лишенный конкретно-исторических черт. Вольтер создал его, стремясь показать, что просвещенный монарх был уже в XVI в., а стало быть, не является таким уж недостижимым идеалом для XVIII в.

Наряду с апологией Генриха мы встречаем в поэме апологию дворянства:

«Из сих младых вельмож, которы на бою
Жизнь в жертву принесли Отечеству свою,
Все были ревностью ко службе одержимы:
Все тверды при своих местах и недвижимы...» [9, с. 29].

«... Достойны рыцари, прехрабрые мужья,
Которы возросли в огне среди ружья,
Отбросив прочь приказ зловерца Иерарха
(т.е. Папы. – *О.К.*),

Признали Генриха во царстве за монарха.
Нелестные друзья, Гиевры и Омон,
Вождь мудр Монморанси, и Санци, и Крильон,
Не зная распрь и ссор в законе достохвальных,
Клянутся вслед за ним достичь пределов дальних.

К присяге, к Богу в них прямая верность есть:
Они то делают, что предписует честь...» [9, с. 59–60].

Эта апология была вызвана, думается, единственно конъюнктурными соображениями: поскольку читателями «Генриады» в значительной степени наряду с буржуа оказывались дворяне, Вольтер счел не лишним польстить им, напомнив о «благородстве» сиятельных предков.

Важное место в поэме занимает тема борьбы против религиозной нетерпимости и фанатизма римско-католической церкви. При этом Вольтера интересует не столько прошлое, сколько современность. Выступая против мракобесов XVI в., он косвенным образом критиковал французское духовенство и религию в целом.

В «Генриаде» уже явственно слышится страстный и обличающий голос защитника Каласа.

Но тогда, в 1720-е гг., идеи Вольтера еще очень туманны, а сам он полон иллюзий. Спустя годы в России начнется царствование «Северной Семирамиды» (просвещенной императрицы Екатерины II, состоявшей с Вольтером в переписке). Монархи будут заискивать перед казначеем европейского общественного мнения, Вольтер будет им тонко льстить. Разочарование и эпиграммы появятся позже.

Литература

1. Волгин В.П. Вольтер-историк // Исторический журнал. 1945. № 4.
2. Brumfitt J. H. *Voltaire Historian*. Oxford Univ. Press, 1958. 367 p.
3. Дидро Д. Избранные произведения. М.; Л.: Худ. лит-ра, 1951. 412 с.
4. Кондорсе М.-Ж.-А.-Н., де. Сочинения. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1882. 397 с.
5. Державин К.Н. Вольтер. М.: Изд-во АН СССР, 1946. 484 с.
6. Шахов А. Вольтер и его время. Лекции по истории французской литературы XVIII в. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1907. 352 с.
7. История французской литературы: в 4 т. / под ред. И.И. Анисимова. М.: АН СССР, 1946. Т. 1. 456 с.
8. Артамонов С.Д. Вольтер. Критико-биографический очерк. М.: Госполитиздат, 1954. 171 с.
9. Генриада, героическая поэма господина Вольтера / пер. с фр. А.И. Голицына. М.: У. тип. В. Окорокова, 1790. 120 с.
10. Сиволап И.И. Социальные идеи Вольтера. М.: Наука, 1978. 288 с.
11. История французской литературы: в 3 т. М., 1978. Т. 1. 478 с.

12. Акимова А.А. Вольтер. М.: Молодая гвардия, 1970. 448 с.

References

1. Volgin V.P. *Vol'ter-istorik* [Voltaire Historian]. *Istoricheskii zhurnal*. 1945, No. 4.
2. Brumfitt J.H. *Voltaire Historian*. Oxford Univ. Press, 1958, 367 p.
3. Didro D. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow; Leningrad: Khud. lit-ra, 1951, 412 p.
4. Kondorse M.-Zh.-A.-N., de. *Sochineniya* [Compositions]. Saint Petersburg: Tip. T-va "Obshchestv. pol'za", 1882, 397 p.
5. Derzhavin K.N. *Vol'ter* [Voltaire]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1946, 484 p.
6. Shakhov A. *Vol'ter i ego vremya. Lektsii po istorii frantsuzskoi literatury XVIII v.* [Voltaire and his Time. Lectures on the History of French Literature of the XVIII Century]. Saint Petersburg: Tip. Trenke i Fyusno, 1907, 352 p.
7. *Istoriya frantsuzskoi literatury* [History of French Literature]: in 4 vol. Ed. I.I. Anisimov. Moscow: AN SSSR, 1946, vol. 1, 456 p.
8. Artamonov S.D. *Vol'ter. Kritiko-biograficheskii ocherk* [Voltaire. Critical and Biographical Essay]. Moscow: Gospolitizdat, 1954, 171 p.
9. *Genriada, geroicheskaya poema gospodina Vol'tera* [Henriada, the Heroic Poem of Mr. Voltaire]. Transl. from French A.I. Golitsyn. Moscow: U. tip. V. Okorokova, 1790, 120 p.
10. Sivolap I.I. *Sotsial'nye idei Vol'tera* [Social Ideas of Voltaire]. Moscow: Nauka, 1978, 288 p.
11. *Istoriya frantsuzskoi literatury* [History of French Literature]: in 3 vol. Moscow, 1978, vol. 1, 478 p.
12. Akimova A.A. *Vol'ter* [Voltaire]. Moscow: Molodaya gvardiya, 1970, 448 p.

О ВОЗНИКНОВЕНИИ И РАЗВИТИИ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2017 г. *О.Л. Комарницкий*^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

ON THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF CRIMINAL AND LEGAL STANDARDS IN THE RUSSIAN STATE: THE HISTORICAL ASPECT

O.L. Komarnitsky^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Комарницкий Олег Леонидович – аспирант, кафедра уголовного права и криминологии, юридический факультет, Южный федеральный университет, ул. Максима Горького, 88, г. Ростов-на-Дону, 344002, Россия. E-mail: komolleon1106@yandex.ru

Oleg L. Komarnitsky - Postgraduate, Department of Criminal Law and Criminology, Faculty of Law, Southern Federal University, Maksima Gorkogo St., 88, Rostov-on-Don, 344002, Russia. E-mail: komolleon1106@yandex.ru

Рассматривается история становления и развития отечественных уголовно-правовых норм. Анализируются вопросы исторической периодизации развития отечественного законодательства об освобождении от уголовной ответственности и наказания. В источниках права XI в. указывается, что в тот период не было предусмотрено института возмещения вреда. Однако далее право мести правонарушителю трансформировалось в сторону установления гарантий возмещения вреда, причиненного преступлением. Источники уголовного права XVI, XVII, XVIII и XIX вв. раскрывают эволюцию этого института и показывают преемственность норм древнерусского права по отношению к содержанию уголовных норм современного уголовного права. В частности, речь идет об освобождении от уголовной ответственности вследствие наложения штрафных санкций и возмещения ущерба. Отмечается, что штраф является важной мерой уголовного наказания, которая нацелена на гуманизацию уголовного принуждения и достижения общественной пользы. Штрафные санкции должны быть прямо пропорциональны тяжести преступного деяния и носить адекватную форму реализации.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности и наказания, возмещение ущерба, штраф, судебный штраф, источники отечественного уголовного права.

In the article the history of formation and development of domestic criminally-legal norms is considered. Issues of historical periodization of development of domestic legislation on exemption from criminal liability and punishment are analyzed. In the legal sources of XI century it is indicated that in that period there was no provision for an institution for harm compensation. However, further the right of revenge to the offender was transformed towards establishing guarantees of compensation for harm caused by the crime. Sources of criminal law XVI, XVII, XVIII and XIX centuries reveal the evolution of this institution and show the continuity of the norms of Old Russian law with respect to the content of criminal standards of modern criminal law. In particular, we point out at the exemption from criminal liability due to the imposition of penalties and compensation for damage. It is noted that the fine is an important measure of criminal punishment, which is aimed at humanizing criminal coercion and achieving public benefit. Penalties should be directly proportional to the gravity of the criminal act and have an adequate form of implementation.

Keywords: exemption from criminal liability and punishment, compensation for damages, fine, judicial fine, sources of domestic criminal law.

Нормы отечественного уголовного права основаны на продолжительной истории собственного содержательного становления и трансформации. В этой связи представляется важным и актуальным изучение норм об освобождении от

уголовной ответственности вследствие наложения штрафных санкций и возмещения ущерба.

В рамках современного уголовного права России нормативно различаются содержательные и функционально-целевые компоненты су-

дебного штрафа как иной меры уголовно-правового характера, освобождающей правонарушителя от уголовной ответственности (ст. 76.2, 104.4 и 104.5 УК РФ) и «обычного» штрафа как вида наказания (ст. 46 УК РФ) [1].

Цель более широкого изучения проблематики отечественных уголовно-правовых норм состоит в исследовании ряда исторических периодов их развития. Д.Р. Файзуллина подразделяет историю указанных выше норм на три периода:

- первый – со времени «Русской правды» до Великой Октябрьской революции 1917 г.;
- второй – с 1918 г. до вступления в силу Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г.;
- третий – с 1958 г. до вступления в силу Уголовного кодекса РФ 1996 г. [2, с. 151].

В источниках уголовного права дооктябрьской России отсутствовало понятие уголовной ответственности, однако был нормативизирован институт освобождения правонарушителя от наказания, в частности от уплаты штрафа. А в «Русской правде» (источнике права XI в.) говорится об освобождении от наказания и отнесения платы (уплаты штрафа или возмещения причиненного правонарушением ущерба) за совершение порчи чужого имущества в случае смерти правонарушителя [2, с. 151].

Как отмечает Н.Н. Сенин, в тот период не было предусмотрено института возмещения вреда. Однако в «Судном законе людям» князя Владимира Святославича право мести правонарушителю было трансформировано в сторону установления гарантий возмещения вреда, причиненного преступлением. Например, потерпевшему возмещались расходы на лечение в случае нанесения ему телесных увечий [3, с. 51].

Таким образом, в этом источнике права была нормативизирована практика, которую можно охарактеризовать как избавление правонарушителя от последствий совершения преступления вследствие выплаты им денежных средств (иначе штрафа).

Материальная ответственность, которая предусматривала выплату штрафа, могла иметь и коллективный характер и налагаться на общину. К примеру, если было совершено убийство и преступник остается неизвестен, допускалось возложение обязанности уплаты штрафа («виры») на общину, в округе которой поднят убитый; хозяин платил за холопа, если не хотел его «выдавать головою» потерпевшему [4].

«Вира» назначалась только за убийство. Она могла быть одинарная или двойная и поступала в княжескую казну. Родственникам потерпевшего уплачивалось «головничество», равное «вире». За нанесение увечий, тяжких телесных повреждений назначались «полувиры». Все иные преступления наказывались штрафом («продажей»), размер которого был дифференцирован в зависимости от тяжести преступления. «Продажа» поступала в казну, а потерпевший получал «урок» – денежное возмещение за причиненный ему ущерб [4].

В рамках источников уголовного права России XVI в., например, в «Книге разбойного приказа» эпохи Ивана Грозного, также предусматривалась либо коллективная материальная ответственность, либо она возлагалась на третье лицо, так или иначе связанные с правонарушителем или с совершенным им преступлением.

Так, например, Н.Н. Сенин указывает: «Имущество заподозренных описывалось, опечатывалось и передавалось третьим лицам. По окончании производства по делу за счет продажи указанного имущества выплачивалось возмещение потерпевшим. В случае отсутствия имущества также предусматривался ряд мер. Если преступник не был казнен, он мог быть отдан потерпевшему головою “до искупа”. При отказе потерпевшего от такой привилегии преступника отдавали на поруки другому лицу, которое и выплачивало сумму возмещения. В это число входили, кроме самих осужденных и их сообщников, оставленные в результате розыска в подозрении; поручители; лица, давшие на “обыске” заведомо ложные показания; лица, препятствовавшие установлению истины по делу путем подкупа свидетелей; знатные люди, не желавшие выдавать своих крестьян, заподозренных в лихих делах; лица, не оказавшие помощи в задержании преступников; и т.д. Все вышеперечисленные уплачивали до половины суммы возмещения» [3, с. 52].

Сумма денежного возмещения, возлагавшаяся на правонарушителя, устанавливалась достаточно произвольно, что отражало тогдашнюю естественную ограниченность возможностей проведения следственных мероприятий. «Если обвиняемые на допросе указывали, что именно и кого они похитили, они уплачивали полную сумму возмещения, когда не могли назвать конкретного владельца похищенного – половину, если не знали точно количество похищенного – четверть суммы. Для установления

объема возмещения были установлены специальные таксы, определяющие стоимость похищенного имущества. Так, за лучшего коня – пять рублей, жеребенка, корову или быка – один рубль и т.д., – указывает Н.Н. Сенин [3, с. 52].

В эпоху же Ивана Грозного неуплата обвиненным взыскиваемой с него судом денежной суммы приводила к применению по отношению к нему «правежа» (битья прутьями), обращения взыскания на его имущество, выдачи его головою [3, с. 52].

Наложение штрафных санкций допускалось и в делах о чести и достоинстве («бесчестие»). Сумма вознаграждения потерпевшего зависела от установленной в законе таксы применительно к социальному положению потерпевшего, женам платилось вдвое больше сумм, полагавшимся бы за оскорбление их мужей, те же правила применялись в случае бесчестия, связанного с ложным обвинением в совершении преступления, повлекшим пытку потерпевшего [3, с. 53].

Дальнейшее развитие нормы российского уголовного права об освобождении от уголовной ответственности вследствие наложения штрафных санкций и денежного возмещения государству или потерпевшему получили в XVII в.

Так, например, согласно «Соборному уложению периода царствования» (1649 г.) Алексея Михайловича Романова, сумма иска потерпевшего обязательно указывалась в челобитной, подаваемой в суд; не допускалось завышения объема исковых требований под угрозой взыскания с истца за лишние суммы троекратной пошлины [3, с. 54].

Достаточно интересными представляются нормативные положения об обязанностях оправданного лица выплачивать штраф, осуществлять возмещение. «Оправданный по розыску оставался в подозрении и не освобождался от обязанности выплатить потерпевшему возмещение. Считалось, что в этом случае улик для выплат по гражданским требованиям достаточно, а для применения уголовного наказания – нет», – указывает Н.Н. Сенин [3, с. 54].

Принцип распространения материальной ответственности на круг лиц, связанных с преступником или совершенным им преступлением, сохранился и в рамках Свода законов Российской империи 1835 г.

Так, согласно соответствующим положениям Книги II «Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках» тома XV,

на стадии исполнения приговора взыскание обращалось на имущество обвиняемого, а при его недостаточности – на имущество лиц, «прикосновенных к делу», каковыми по законодательству считались, в частности, попустители, укрыватели и доношители [3, с. 55].

Аналогично и «Уложение о наказаниях» 1845 г. предусматривало, что материальную ответственность (убытки) несут и наследники виновного в пределах суммы наследства; должник, к которому не применялось уголовное наказание, мог быть заключен под стражу на основании общих правил о несостоятельных должниках [3, с. 55].

Согласно же положениям «Устава уголовного судопроизводства» 1864 г., указывающим на круг истцов в процессе гражданского характера, ответчиками по гражданским проступкам помимо обвиненного лица могли выступать наследники (в случае принятия наследства отвечали в пределах наследуемого имущества), родители и опекуны, господа и верители (за вред, причиненный слугою или поверенным), начальство по делам о растрате, если у виновного нет своих средств, казна в лице почтового ведомства за утраченные по вине почтовых чиновников ценности [3, с. 56–57].

Советское же уголовное право на протяжении всей истории его становления и развития не содержало нормативных положений об освобождении от уголовной ответственности ни на основании выплаты правонарушителем причиненного ущерба, ни на основании примирения правонарушителя с потерпевшим.

Как следует из смысла действующего уголовного закона, применить судебный штраф и как следствие освободить лицо от уголовной ответственности возможно при совершении всех преступлений, относящихся к категориям небольшой и средней тяжести [5].

Система соответствующих, предметно-регулятивных норм современного уголовного права России предусматривает возможность законного и полного освобождения правонарушителя от уголовной ответственности в связи с наличием ряда предварительных и последующих уголовно-правовых оснований и в частности вследствие осуществления таковым правонарушителем законной денежной компенсации установленного размера в пользу государства.

Как известно, в УК РФ строго различаются содержательные, функционально-целевые компоненты собственно судебного штрафа как

иной меры уголовно-правового характера (ст. 76.2, 104.4 и 104.5 УК РФ), законно освобождая правонарушителя от уголовной ответственности, и собственно «обычного» штрафа, представляющего собой классический вид уголовного наказания (ст. 46 УК РФ).

Очевидная содержательная и функционально-целевая преемственность норм древнерусского права по отношению к содержанию соответствующих норм современного уголовного права состоит, на наш взгляд, в том, что выплата тогдашними правонарушителями денежных средств нивелировала их ответственность за совершенное правонарушение.

Ученые-юристы Н.Э. Мартыненко и Э.В. Мартыненко отмечают, что, освобождая лицо от уголовной ответственности, законодатель впервые в качестве одного из условий выдвигает требование не только возместить ущерб потерпевшему, но и выплатить определенную сумму в доход государства. В результате освобождение от уголовной ответственности с выплатой судебного штрафа становится более жесткой мерой, чем назначение наказания в виде «обычного» штрафа [6].

Вывод. В теории уголовного права не разработан единый подход относительно трактовки судебного штрафа как иной меры уголовно-правового характера. Такая ситуация не способствует достижению большей эффективности его применения. Познание судебного штрафа должно происходить с учетом специфики различных социальных и правовых процессов и явлений.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 27.09.2017).
2. *Файзуллина Д.Р.* История развития института освобождения от уголовной ответственности и наказания в России // *Актуальные вопросы экономики и права.* 2008. № 2.
3. *Сенин Н.Н.* История становления и развития института возмещения вреда, причиненного преступлением, в уголовном процессе Древней Руси и России до октября 1917 г. // *Уголовная юстиция.* 2014. № 1.

4. История государства и права России // Библиотекарь. РУ. URL: <http://www.bibliotekar.ru/istoriya-gosudarstva-i-prava/> (дата обращения: 27.09.2017).

5. *Екимов А.А.* Назначение судебного штрафа как основание для освобождения от уголовной ответственности // *Актуальные проблемы права : материалы V Междунар. науч. конф. (Москва, декабрь 2016 г.). М. : Буки-Веди, 2016. С. 136.*

6. *Мартыненко Н.Э., Мартыненко Э.В.* Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера // *Труды Академии МВД России.* 2017. № 1. С. 41.

References

1. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ* [The Criminal Code of the Russian Federation. June 13, 1996 No. 63-FZ (ed. 29.07.2017)]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed 27.09.2017).
2. *Faizullina D.R.* Istoriya razvitiya instituta osvobozhdeniya ot ugolovnoi otvetstvennosti i nakazaniya v Rossii [The History of the Development of the Institute for Exemption from Criminal Responsibility and Punishment in Russia]. *Aktual'nye voprosy ekonomiki i prava.* 2008, No. 2.
3. *Senin N.N.* Istoriya stanovleniya i razvitiya instituta vozmeshcheniya vreda, prichinnogo prestupleniem, v ugolovnom protsesse Drevnei Rusi i Rossii do oktyabrya 1917 g. [The History of the Formation and Development of the Institution of Compensation for Harm Caused by Crime in the Criminal Process of Ancient Russ and Russia till October 1917]. *Ugolovnaya yustitsiya.* 2014, No. 1.
4. *Istoriya gosudarstva i prava Rossii* [History of the State and Law of Russia]. Bibliotekar'. RU. Available at: <http://www.bibliotekar.ru/istoriya-gosudarstva-i-prava/> (accessed 27.09.2017).
5. *Ekimov A.A.* [Assigning a Judicial Fine as Grounds for Exemption from Criminal Liability]. *Aktual'nye problemy prava* [Actual Problems of Law]. Proceedings of Intern. Sci. Conf. (Moscow, December 2016)]. Moscow: Buki-Vedi, 2016, p. 136.
6. *Martynenko N.E., Martynenko E.V.* Sudebnyi shtraf kak inaya mera ugolovno-pravovogo kharaktera [Judicial Fine as a Different Measure of Criminal Law]. *Trudy Akademii MVD Rossii.* 2017, No. 1, p. 41.

ПОВСЕДНЕВНЫЙ МИР ДОНСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

© 2017 г. О.С. Кротов^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

EVERYDAY LIFE OF DON OLD BELIEVERS IN THE SECOND HALF OF THE XVIII CENTURY

O.S. Krotov^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Кротов Олег Сергеевич –
аспирант,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: student-historic@rambler.ru

Oleg S. Krotov -
Postgraduate,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: student-historic@rambler.ru

В течение XVIII столетия на земле донских казаков старообрядчество получило широкое распространение. По различным источникам можно говорить о проживании старообрядцев практически во всех станицах Войска Донского. В некоторых из них старообрядчество не просто прижилось и стало частью жизни станичного казачества, но и оказывало сильное влияние на православных казаков.

Старообрядцы составляли значительную часть населения донского казачества во второй половине XVIII в. Они исправно исполняли службу и выполняли другие повинности. В религиозном плане старообрядцы четко придерживались своих традиций и обычаев. Однако это не было препятствием для поддержания дружественных отношений с православным казачеством.

Источники сообщают о мирных взаимоотношениях православного и старообрядческого казачества. Однако остаются вопросы, связанные с повседневной жизнью казаков-старообрядцев в мирное время. Являлся ли повседневный мир донских старообрядцев чем-то отличным от жизни остального православного казачества? В статье сделана попытка изучить повседневный мир донских старообрядцев.

Ключевые слова: старообрядчество, донские казаки, станицы Верхне-Каргальская, Пятиизбянская, Верхне-Чирская, Воронежская епархия, военная служба.

Within the XVIII century on the territory of the Don Cossacks the Old Belief was widely adopted. According to various sources it is possible to assume about residence of Old Believers practically in all villages of Don Army. In some villages the Old Belief was accustomed and became a part of the life of the Cossack village "stanitsa", it also exerted strong impact on orthodox Cossacks.

Old Believers made a considerable part of the population of the Don Cossacks in the second half of the 18th century. They regularly participated in military service and carried out other duties. The religious Old Believers accurately adhered to the traditions and customs. However it wasn't an obstacle for keeping friendship with the orthodox Cossacks. Sources report about peaceful relationship of the orthodox and Old Belief Cossacks. However there are questions connected with everyday life of Old Believers Cossacks in peaceful time. The daily life of the Don Old Believers was different from the life of other orthodox Cossacks. In this article the attempt to study the daily life of the Don Old Believers is made.

Keywords: Old Belief, Don Cossacks, settlement Verkhne-Kargalskaya, Pyatiiizbyanskaya, Verkhne-Chirskaya, Voronezh diocese, military servic.

О проживании на Дону старообрядцев в XVIII в. известно по многочисленным источникам. Однако чем они занимались в свободное от службы (если речь идет о казаках-староверах) и несения других повинностей время, можно

узнать только из разного рода донесений священников и войсковой канцелярии, других архивных документов.

Старообрядчество как явление вызывало исключительно негативную оценку со стороны

церковных властей. Поэтому и неудивительно, что в ряде источников прослеживается отрицательное отношение к казакам-старообрядцам, часто используется понятие «раскольники». Так называли тех, кто не принял реформы церкви. Их обвиняли в расколе и жестко преследовали. И хотя в XVIII в. политика в отношении старообрядцев смягчилась, а с 1762 г. было запрещено использовать понятие «раскольник», негативная оценка личных качеств и жизни староверов оставалась доминирующей в течение всего XVIII в.

Характеризуя староверов, писавшие донесения священники (или старшины) отмечали, что они «отступники от веры, хулителю церкви и возмутители и от них случаются бунты, как при воре Булавине, добра ждать нечего от них» [1, л. 41–42].

Такая оценка в отношении старообрядцев была вполне распространенной в среде духовенства, которое не смогло бороться с тем влиянием, которое оказывали приверженцы старой веры на казаков во многих станицах. Не добившись успехов в борьбе со старообрядцами, Воронежская епархия пыталась путем воззваний, в которых звучали различного рода оскорбительные выражения, характеризующие староверов как неверных отступников, убедить местное население в их безумстве и невежестве и опасности для донских казаков. Однако во многих станицах именно казаки являлись по сути носителями и распространителями идей старообрядчества, поэтому все попытки епархии убедить население, что старообрядцы опасны, были обречены на провал.

Негативная оценка личностей старообрядцев была распространена в течение всего века. В другом источнике, например, говорится, что «безумные миссионеры сообщали донцам, что явился Антихрист, что им уничтожится церковь Христова» [2, л. 44–45].

Однако церковные деятели вынуждены были признать, что старообрядчество широко распространилось среди казаков грамотных, образованных, умеющих читать, писать и имеющих у себя старинные книги. Естественно, они объясняли неграмотным, что есть истинная православная вера. «Собираясь в куренях, грамотные казаки читали неграмотным товарищам своим книги, полученные от попов, передавали окружающим правильные толкования веры старообрядцами, и сообщали о перемене веры в Москве, про падение царей в латинство», – подчеркивал

исследователь донского старообрядчества Е. Овсянников [3, с. 12]. Умение четко, ясно излагать и изъяснять все вопросы, связанные с религией, было характерно для приверженцев старой веры, что и приводило к тому, что станичники больше доверяли священникам из старообрядцев, чем православным, зачастую безграмотным в религиозных вопросах.

Современники, описывая повседневную жизнь староверов Дона в XVIII в., отмечали: «Они не суть фанатики в ереси своей, ибо удаляясь по службе от сект многие из них бреют бороды и усы, некоторые курят табак и в посты употребляют скоромную пищу, как и другие, но возвратаясь к семействам, за раскол снова принимаются» [4, л. 29].

Говоря об отношении к военной службе, другой очевидец указывал, что они исполнительны до точности, выполняют все распоряжения командира и готовы идти на самопожертвование ради спасения других казаков. Подчеркивалось, что старообрядцы-казаки довольно степенны, выносливы и трудолюбивы; они считаются самыми исправными и надежными казаками, способными переносить все лишения, сопряженные с трудной казачьей службой. При поступлении на службу кажутся сперва несколько вялыми, но, прослужив немного, с удивительной скоростью преобразуются в превосходных во всех отношениях воинов. Однако зачастую войсковое начальство не решалось награждать таких казаков за подвиги, совершенные на поле битвы, им задерживали жалование, а в плане продвижения по военной службе атаманы и старшины медлили с назначениями по должностям, не доверяли руководящие функции, хотя подчеркивалось, что казаки-староверы отличались отменной дисциплиной и четким выполнением различного рода военных инструкций [5, л. 110–114].

В мирной жизни казаки-староверы имели хорошие отношения с православными казаками, однако наотрез отказывались общаться с церковниками. Более того, примерно с 60-х гг. XVIII в. казаки-старообрядцы писали донесения в войсковую канцелярию и в Воронежскую епархию с просьбами предоставить им в станицы священников из их числа. Мотивируя свою просьбу, они указывали, что не «желают общаться с православными священниками в молитвах, спорить с ними и вообще считают их еретиками» [5, л. 113–114]. Так, в 1783 г. казаки-старообрядцы Черкаска обратились с прошением к Тихону воронежскому о

постройке храма и выборе священнослужителя из числа староверов. Такие обращения стали частыми во второй половине XVIII в. Жители Верхне-Каргальской, Пятиизбянской, Верхне-Чирской, Кобылянской, Есауловской станиц выступали с ходатайствами перед различными органами власти на Дону с просьбой иметь своего старообрядческого священника [6, с. 33–35]. Однако войсковые учреждения и Воронежская епархия игнорировали требования казаков-старообрядцев или постоянно им в этом отказывали. Более того, им было запрещено укрывать беглых «расколу-учителей» и священников. Казачьи власти постоянно преследовали священников-старообрядцев, особенно беглых. Так, одного архиерея-старовера продержали в монастыре 23 года [5, л. 114].

Казаки-старообрядцы ст. Верхне-Михалевской, не добившись получения собственного священника, перестали крестить своих детей в православной церкви и стали «ездить в станицу Цымлянскую к одному священнику, купали и крестили детей в церкви своей, но при этом не желали ходить на исповеди к другим священникам» [7, л. 33].

Стойкость и упорство в плане веры было отличительной чертой казаков-старообрядцев. Несмотря на гонения, попытки властей проповедями и увещеваниями вернуть их в русло православной церкви, они сохранили свою индивидуальность и верность старым традициям.

«Все донские старообрядцы, в числе которых есть многие штаб- и обер-офицеры, сколько в других отношениях оказывают здравие и рассуждение, столько в понятиях об истинном православии недостаточны и сбивчивы. Самые мудрейшие из них никто иное суть, как люди начитанные текстов священного писания без смысла и с превратными понятиями» [8, с. 106], – подчеркивал В.Д. Сухоруков, хорошо знавший особенности их мировоззрения и культуры. Противостояние казаков-старообрядцев и православных священников велось в русле религиозной пропаганды, когда обе стороны обвиняли друг друга в извращении догматов православной веры. Но в обыденной жизни нередко встречались и браки между православными и старообрядцами. В некоторых источниках отмечается, что староверы порой хитростью и обманом вступали в такой брак. Так, в ст. Верхне-Чирской казаки пытались насильно выдать за раскольника девушку, однако обман раскрылся и брак не состоялся [9, с. 210–211]. Тем не менее

были случаи и реальных браков между старообрядцами и православными. Естественно, что православные священники в большинстве своем отказывались венчать такие пары. Со всего Дона приверженцы старой веры обращались к священнику-старообрядцу из ст. Верхне-Чирской.

Межконфессиональные браки свидетельствовали о довольно тесном общении старообрядцев и православных в бытовой жизни. Это было вполне естественно. Конечно, все изменения в православной вере, произошедшие в XVII в., несомненно, коснулись и донского казачества, расколов его на противоборствующие группировки и приведшие к военным столкновениям. Но уже в XVIII в. конфронтации на религиозной почве на Дону не возникало. Сословное братство (принадлежность и староверов и православных жителей к казачьему сообществу) стало играть более важную роль, чем конфессиональная принадлежность. Отсюда и распространение межконфессиональных браков, и отказ станичных правлений и войсковой канцелярии в требовании преследования казаков-старообрядцев.

На практике довольно сложно определить разницу в повседневной, семейной жизни казаков-старообрядцев и рядового православного казачества, если таковая вообще имела. Семейный уклад и тех, и других строился на одинаковых принципах. Единственное отличие – часто старообрядцы не освящали свой брак в православной церкви, отказываясь от религиозных церемоний. Если и венчали брак, то только в старообрядческой церкви в ст. Верхне-Каргальской [5, л. 114]. Однако не все православные казаки стремились обвенчаться в церкви. Попытки властей определить количество семей староверов в донских станицах были неудачными, как и попытки записать их в метрические книги. И сегодня достаточно сложно установить точное количество проживающих в донских станицах старообрядцев. Даже примерные цифры не являются достоверными.

Ряд исследователей полагают, что нравы в семьях старообрядцев были немного иные. Е.П. Савельев отмечал: «Только в семьях старообрядцев еще довольно прочно держится тот высоконравственный древний обычай казачества, в силу которого совершеннолетний сын часто не смеет при гостях сесть в присутствии отца, а почтенные отцы семейств выслушивают

и исполняют с покорностью все, даже прихотливые, желания своих престарелых родителей, и часто предсмертные слова их имеют для них силу духовного завещания и исполняются всеми членами семьи беспрекословно. Благословение отцов, даже заочное, “на веки нерушимое”, принимается сыновьями с благоговением» [10, с. 5–6]. Гораздо ниже нравственность, как писал он, была у казаков, посвятивших себя торговле. Обыкновенно они оказываются склонными и к ростовщичеству.

Церковная служба у казаков-старообрядцев проходила в молельном доме под руководством уставщика-старика, который лучше других знал устав службы. Казаки-староверы знали много молитв. Молились двумя перстами, строго соблюдали посты. Все казаки-старообрядцы гордились званием донского казака, воспитывали у своих детей гордость за принадлежность к казачеству.

Старообрядцы в жизни оставались достаточно осторожными и не доверчивыми. Превыше всего ценили свои старые книги и верность традициям и вере. Они честны, трудолюбивы и зажиточны.

О хозяйстве донских казаков-старообрядцев известно немного. С учетом того, что в XVIII в. старообрядчество распространилось и на низовые станицы, многие из переселившихся сюда староверов стали заниматься рыболовством и торговлей.

Ряд источников сообщают, что некоторые из казаков-старообрядцев занимались разведением скота. Так, в донесении войсковой канцелярии по делу казака-старовера говорится, что его без повеления архиепископа и указа государя отлучили от церкви, запретили служить и отобрали скот.

По сведениям источников, казаки-старообрядцы были людьми довольно не бедными. По крайней мере умели вести дела, жить экономно и при этом платить ещё и двойную подать (после 1765 г.). Часто с них войсковое начальство требовало взятки за разрешение открыто исповедовать старую веру [11, л. 97]. С учетом того, что в первые месяцы после выхода указов Екатерины II в двойной оклад записались до 10 тыс. человек, получается, что у многих казаков-старообрядцев имелись финансовые возможности содержать семью, платить налог и вести хозяйство. Некоторые источники сообщают, что действительно староверы умели грамотнее вести хозяйство, чем большинство православных казаков, и при этом не имеют долгов.

Если подводить итоги, то нужно отметить, что в повседневной жизни казаки-старообрядцы существенными отличиями от своих братьев православных не выделялись. Во многих донских станицах происходило активное взаимодействие этих элементов, оказывающих друг на друга определенное влияние. Так, рядовые православные казаки, постепенно, как и старообрядцы, стали отказываться от религиозного освящения брака. Кроме того, распространенность межконфессиональных браков говорит об отсутствии или неразличимости религиозных границ между казаками. Казаков-старообрядцев отличало фанатическое отношение к вере и её атрибутам (старым книгам и обрядам). Но при этом они добросовестно выполняют свои обязанности и повинности и никогда не позволяют халатности в делах. Во многом это и предопределило их экономическую и финансовую успешность.

Литература

1. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1472.
2. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 129.
3. *Овсянников Е.* Причины широкого распространения старообрядческого раскола на Дону. М., 1908.
4. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 17.
5. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 789.
6. *Лысогорский Н.В.* Единоверие на Дону в XVIII и XIX в. (по 1883 г.). Сергиев Посад, 1915.
7. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1392.
8. *Сухоруков В.Д.* Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822–32 годах. Новочеркасск, 1891.
9. Донские епархиальные ведомости. Новочеркасск. 1878. № 7.
10. *Савельев Е.П.* Типы донских казаков и особенностей их говоров. Новочеркасск, 1908.
11. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1490.

References

1. GARO [State Archive of Rostov Region (SARR)]. Fund 55. In. 1. File 1472.
2. GARO [SARR]. Fund 55. In. 1. File 129.
3. Ovsyannikov E. *Prichiny shirokogo rasprostraneniya staroobryadcheskogo raskola na Donu* [The Reasons for the Wide Distribution of the Old Believers Split on the Don]. Moscow, 1908.
4. GARO [SARR]. Fund 55. In. 1. File 17.
5. GARO [SARR]. Fund 55. In. 1. File 789.

6. Lysogorskii N.V. *Edinoverie na Donu v XVIII i XIX v. (po 1883 g.)* [Monotheism on the Don in the XVIII and XIX Century (until 1883)]. Sergiev Posad, 1915.
7. GARO [SARR]. Fund 55. In. 1. File 1392.
8. Sukhorukov V.D. *Statisticheskoe opisanie zemli donskikh kazakov, sostavlennoe v 1822-32 godakh* [Statistical Description of the Land of the Don Cossacks, Compiled in 1822-32]. Novocherkassk, 1891.
9. *Donskie eparkhial'nye vedomosti* [Don Diocesan News]. Novocherkassk. 1878, No. 7.
10. Save'ev E.P. *Tipy donskikh kazakov i osobennosti ikh govorov* [Types of Don Cossacks and the Features of their Dialects]. Novocherkassk, 1908.
11. GARO [SARR]. Fund 55. In. 1. File 1490.

Поступила в редакцию / Received

19 сентября 2017 г. / September 19, 2017

ПОИСКОВОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ДОНУ КАК ФОРМА СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ОБЩЕСТВА*

© 2017 г. М.В. Медведев^{a,b}

^a Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,

^b Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия

SEARCH MOVEMENT ON THE DON AS FORM OF MAINTAINING HISTORICAL MEMORY OF SOCIETY

M.V. Medvedev^{a, b}

^a Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,

^b Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia

Медведев Максим Валерьевич –
аспирант, кафедра отечественной
истории XX–XXI вв.,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия;
младший научный сотрудник,
лаборатория истории и этнографии,
Институт социально-экономических
и гуманитарных исследований,
Южный научный центр РАН,
пр. Чехова, 41, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия.
E-mail: m1max@mail.ru

Maxim V. Medvedev -
Postgraduate, Department of National History
of the XX-XXI centuries,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia;
Junior Researcher,
Laboratory of History and Ethnography,
Institute for Social and Economic Research
and Humanities, Southern Scientific Center,
Russian Academy of Sciences,
Chekhova Ave 41, Rostov-on-Don, 344006, Russia.
E-mail: m1max@mail.ru

Рассматривается история поискового движения Дона в послевоенные годы и анализируется сегодняшнее его развитие. Как самостоятельное общественное движение оно сформировалось в конце 1980-х гг. Однако и десятилетиями ранее при учебных заведениях действовали отряды «красных следопытов», занимавшиеся поиском погибших воинов Великой Отечественной войны. Объединения поисковых организаций Ростовской области имеют многолетнюю традицию в работе по нахождению останков советских бойцов. Различные формы деятельности донских поисковиков направлены на увековечивание памяти о погибших соотечественниках в годы войны, а также на развитие патриотического воспитания населения. В данном исследовании уделяется внимание взаимодействию поисковиков с другими организациями согласно принятым правительством страны законам. Выявляются случаи нахождения донскими поисковиками мест гибели советских самолетов, выясняется судьба членов экипажей. Определяются особенности поиска и перезахоронения останков погибших, а также работа с родственниками опознанных бойцов. Учитывается роль поискового движения Дона в патриотической работе и проведении памятных мероприятий.

Ключевые слова: поисковое движение, Дон, Ростовская область, Великая Отечественная война, останки погибших, воины, патриотическая работа.

The history of the search movement of Don in post-war years is considered and its modern development is analyzed. The search movement was registered as an independent social movement in the late eighties. However, decades earlier at educational institutions, the groups of "red pathfinders" which were engaged in search of the died soldiers of the Great Patriotic War on a certain area was functioning. Merging of the search organizations of the Rostov region has long-term tradition in work on finding of remains of the Soviet fighters. Various forms of activity of the Don search activists are directed to perpetuation of memory of the died compatriots in the years of war and also to development of patriotic education of the population. In this research the attention is paid to interaction of search activists with other organizations according to the laws adopted by the government of the country. Cases of finding of places of crash of the

* Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания ФАНО России по проведению фундаментальных научных исследований по теме «Историко-культурное наследие народов Юга России в условиях модернизации» (№ 0260-2014-0006).

Soviet planes by the Don search activists in the territory of the Rostov region and determination of fate of members of crews come to light. Features of search and reburial of remains of the perished Soviet soldiers and also work with relatives of the identified fighters are defined. The role of the search movement of Don in patriotic work and holding commemorative events is considered.

Keywords: *search movement, Don, Rostov region, Great Patriotic War, remains of the deceased, soldiers, patriotic work.*

Великая Отечественная война стала огромным испытанием для всех народов Советского Союза. Вооруженные силы СССР понесли колоссальные потери: убитых, умерших от ран и болезней, умерших при других обстоятельствах военнослужащих насчитывалось 8 668 400 чел. [1, с. 50]. В это число не вошли лица, числившиеся пропавшими без вести. В Ростовской области наиболее кровопролитными были бои на линии советско-германского противостояния, именуемой Миус-фронтом. Войска Южного и Юго-Западного фронтов не раз предпринимали попытки прорыва этого рубежа немецкой обороны. С октября 1941 по август 1943 г. советские войска потеряли здесь 833 тыс. чел. В том числе 280 тыс. чел. – убитыми, остальные – раненые и пропавшие без вести [2, с. 155]. Есть основание считать, что большинство бойцов, числившихся пропавшими без вести, погибли на полях сражений, остались присыпанными землей в траншеях, окопах, воронках, без всяких ритуалов захоронения и документального оформления. Родственники так и не получили на них похоронки, многие продолжали ждать возвращения своих родных с войны, сохраняя надежду, что они были в плену или задержались на службе. Однако, как показывает поисковая практика, тысячи и тысячи советских воинов остались в земле на местах сражений. Благодаря кропотливой работе поисковиков, теперь останки этих бойцов удастся достойно перезахоронить, а в отдельных случаях передать родственникам.

Еще с конца 1950-х гг. школьниками под руководством энтузиастов – преподавателей и фронтовиков – проводился поиск погибших защитников Родины. Такие небольшие школьные отряды стали именоваться «красными следопытами». Как и во многих уголках страны, аналогично зарождалось поисковое движение на Дону, формировавшееся в учебных учреждениях в первые послевоенные десятилетия. Уже в 1965 г., когда в СССР было официально утверждено празднование Дня Победы, был проведен первый слет «красных следопытов» СССР в г. Бресте, состоявшийся по инициативе ЦК ВЛКСМ. Вслед за

этим в разных регионах страны стали активно появляться клубы и отряды «красных следопытов». В конце 1965 г. при Ростовском обкоме ВЛКСМ сформировался первый областной совет «красных следопытов» [3, с. 290–291]. Наиболее близкой к современному поисковому движению традицией в работе ВЛКСМ можно назвать «Всесоюзные походы комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы коммунистической партии и советского народа» [4, с. 171].

Многие коллективы профессиональных учебных заведений и работники заводов Ростовской области в послевоенные годы принимали активное участие в установлении памятников и памятных знаков на местах сражений. Например, к 25-летию освобождения Таганрога от оккупации в 1968 г. коллектив городского профессионально-технического училища № 18 сконструировал и установил памятник на высоте 114,9 близ Матвеева Кургана, увековечивший подвиги советских воинов в феврале 1943 г.

В районе хут. Подгорного и с. Петрополье Матвеево-Курганского района Ростовской области на высоте Черный ворон в 1974 г. трудящимися колхоза им. Калинина был установлен памятник-пушка, в честь подвига старшего сержанта 905-го стрелкового полка 248-й стрелковой дивизии Героя Советского Союза П.Г. Пудовкина, закрывшего собою вражескую амбразуру на этой высоте 18 августа 1943 г. Таких примеров достаточно много, когда походы учащейся и рабочей молодежи по местам боевой славы выполняли еще и функцию мемориализации памятных событий.

Донские энтузиасты, взявшие на себя руководство такими отрядами, занялись настоящей исследовательской работой. Спустя 20 лет после войны «красным следопытам» удалось собрать множество фотографий и воспоминаний фронтовиков, по рассказам местных очевидцев велись раскопки на местах сражений, производились перезахоронения останков солдат. Такие мероприятия зачастую происходили под контролем партийных и силовых органов. Собранные экспо-

наты и артефакты стали основой школьных музеев, делались отдельные экспозиции из личных вещей солдат, в музее хранились ценные документальные материалы.

В дальнейшем произошло объединение различных поисковых групп, а 15 марта 1988 г. в Калуге прошел Первый Всесоюзный сбор представителей поисковых отрядов Советского Союза, на котором было решено образовать Всесоюзный координационный Совет поисковых отрядов при ЦК ВЛКСМ [5]. В этот период развиваются новые формы патриотической деятельности поисковиков: вместо походов по местам сражений начинают проводиться долгосрочные «Вахты Памяти», в том числе и в Ростовской области. Одной из первых поисковых организаций, появившихся в начале 1980-х гг., стал действующий до сих пор Ростовский областной поисковый клуб «Память-Поиск». На данный момент в состав клуба входят несколько районных поисковых организаций. К 2009 г. в Ростовской области были найдены останки 7900 советских бойцов, около 1306 солдат удалось идентифицировать, определены места гибели 15 892 бойцов, найдены родственники 718 чел. [6].

После распада СССР, в 1993 г. создается Союз поисковых отрядов России. В числе 6 межрегиональных поисковых центров Союза на юге России образовался поисковый центр «Южный рубеж», расположенный в Ростове-на-Дону. За последние два десятилетия в его состав вошли многие поисковые отряды и объединения Ростовской области – поисковое объединение «Миус-фронт», областной патриотический клуб «Рысь», поисково-экспедиционный корпус «Антей», и др. Ежегодный поисковый сезон в стране традиционно начинается с «Вахты Памяти». Поисковики из различных городов и районов страны съезжаются в один из регионов для коллективного открытия поискового сезона. С 2000 г. территория Примиусья – центр тяжелых боев в 1941–1943 гг. – стала местом активной поисковой деятельности на Дону. Один из крупных сезонов «Вахты Памяти» был торжественно открыт весной 2007 г. в Ростове-на-Дону с последующим перемещением гостей на маршрут памятных мест в Матвеево-Курганский район. На открытие сезона съехались поисковики из 40 регионов России: Новосибирска, Смоленска, Удмуртии, Дагестана и других мест [7].

В 2000-е гг. поисковое движение приобрело новый характер. С 2006 г. по Указу № 37 Прези-

дента РФ В.В. Путина вопросы по увековечиванию памяти погибших при защите Отечества были возложены на Министерство обороны РФ. В задачи Минобороны вошли обязанности организации работы в области увековечивания памяти погибших при защите Отечества, а также подготовка работ, связанных с эксгумацией останков погибших солдат [8]. Теперь в работе поискового движения участвуют различные ведомства и организации, ведущими являются органы местного самоуправления, силы Минобороны РФ, структуры Росвоенцентра, Росмолодежи, Министерства образования и науки, Российского военно-исторического общества и др. Однако основной объем поисковых работ по-прежнему выполняли общественные поисковые организации. В 2013 г. было создано Общероссийское общественное движение по увековечиванию памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России». Эта организация стала наиболее масштабной, действующей сегодня практически во всех регионах России. По последним данным, в составе Ростовского регионального отделения «Поисковое движение России» находится 23 поисковых отряда Ростовской области [9].

В районах Ростовской области по состоянию на 2015 г. в региональном реестре числилось 9 поисковых организаций. Ежегодно в середине осени в регионе подводятся итоги областной «Вахты Памяти». Так, за 2015 г. поисковики в ходе 205 экспедиций обнаружили останки 315 бойцов Красной армии, павших на полях сражений за освобождение Дона в годы Великой Отечественной войны [10]. Однако и эта цифра отражает далеко не все учтенные данные по найденным останкам советских солдат. Связано это с тем, что многие отряды подчиняются разным поисковым союзам, результаты перезахоронения останков не всегда попадают в централизованный реестр поисковой деятельности региона.

В ходе поисковых работ неоднократно приходилось обнаруживать и военную технику, утраченную Красной армией в боях за Ростовскую область. За последнее время со дна рек было извлечено несколько танков, на участках сражений найдены остатки разбившихся военных самолетов, сгоревшие автомашины и другие виды боевой техники. Обнаружив их, поисковики пытаются идентифицировать модель и номер техники, чтобы в дальнейшем установить имена членов экипажа. Как правило, самолет после па-

дения превращался в массу осколков, такие предметы редко дают точную информацию для установления модели воздушного судна, более информационной частью является двигатель со специальным номером. Так, успешно началась одна из зимних «Вахт Памяти» в поисковом объединении «Миус-фронт».

В начале февраля 2016 г. поисковики под Ростовом наткнулись на фрагменты разбившегося самолета. Дальнейшие поиски на этом участке подтвердили место его падения. По серийному номеру двигателя удалось восстановить судьбу экипажа. Авиационной машиной оказался дальний бомбардировщик ДБ-3, входивший в 1941 г. в состав 81-го дальнебомбардировочного авиаполка, который поднялся в небо по тревоге 17 октября 1941 г. с аэродрома Новочеркасска. Было установлено, что советский бомбардировщик подбили немецкие зенитчики, горящий самолет успел покинуть только один пилот – Константин Крылов, трое его товарищей погибли, направив самолет в колонну немецкой техники [11]. Действительно потери авиации на Дону были немалыми. С момента вторжения войск противника в пределы Ростовской области в октябре 1941 г. только за первые две недели боев летчики 56-й армии потеряли 22 самолета и 46 чел. погибшими из летных экипажей [12, л. 2–3].

Одну из последних удачных находок совершили донские поисковики из поискового объединения «Антей», которые в конце марта 2017 г. у реки Миус, в селе Русское Куйбышевского района Ростовской области обнаружили части штурмовика Ил-2, подбитого и разбившегося 19 августа 1943 г. в момент решающей Донбасской наступательной операции. Выяснилось, что до падения самолета пилот – старший лейтенант Борис Кучин успел покинуть неуправляемую машину на парашюте, в дальнейшем продолжал воевать и за подвиги был представлен к званию Героя Советского Союза, однако свою награду, уже Героя России, получил только в 2007 г. [13]. Так, благодаря усердной работе поисковиков, из списков без вести пропавших воинов возвращаются имена, открываются новые страницы истории и ранее неизвестные подвиги.

В последнее время среди руководителей донских поисковых организаций и наиболее активных поисковиков все чаще развивается практика серьезной краеведческой и документальной работы. Так, некоторыми руководителями отрядов Ростовского регионального отделения Общерос-

сийское общественное движение «Поисковое движение России» издан ряд работ по истории поискового движения и военным событиям памятных мест Ростовской области, где авторы используют воспоминания участников войны, рассказы поисковиков, результаты поисковой работы и данные из архивных документов [14]. Например, имеется исследовательская работа о жителях Ремонтненского района довоенной и военной поры, в которой подробно рассказывается о судьбе земляков автора-поисковика в период Великой Отечественной войны с представлением фотоматериалов [15]. Издана аналогичная работа по истории Зерноградского района в годы военного лихолетья [16]. Опубликованы также работы – исследования архивных документов, посвященные малоизвестным страницам боевого пути боевых соединений и армий, действовавших на территории Егорлыкского и Константиновского районов в годы Великой Отечественной войны [17–19].

Процесс поиска останков без вести пропавших воинов имеет свои особенности и сложности. Поисковики обязательно проходят инструктаж по технике безопасности на местах раскопок, особенно по возможным рискам при нахождении взрывоопасных предметов времен войны. При обнаружении таких находок на местность вызываются военные саперы для извлечения и уничтожения данных предметов. Однако незнание структуры и состава взрывчатых веществ в том или ином боеприпасе и его активация при физических воздействиях может привести к непоправимым последствиям. За последние два десятилетия сложилась печальная статистика – во время извлечения опасных предметов на местах сражений Великой Отечественной войны в год погибает 2–3 человека. Число ежегодно найденных поисковиками опасных находок переваливает за тысячи. Например, с 1994 по 1996 г. Ростовским областным поисковым клубом «Память-Поиск» совместно с саперами на полях сражений было найдено и уничтожено 27 960 взрывоопасных предметов [20, с. 1–3].

Выводы. Таким образом, поисковое движение Дона имеет многолетнюю историю в работе по поиску и увековечиванию памяти погибших в годы Великой Отечественной войны. Зародившееся, как и во многих уголках страны из отрядов «красных следопытов», донское поисковое движение объединилось в крупные поисковые организации. За последние 30 лет в России сформировалось несколько масштабных поис-

ковых обществ – Союз поисковых отрядов России и Общероссийское общественное движение «Поисковое движение России», где последнее вобрало в свое Ростовское региональное отделение значительное число донских поисковых отрядов. Региональные отделения Ростовской области этих двух поисковых обществ из года в год показывают высокие результаты своих работ. Постоянным участком работ донских поисковиков является Примиусье, там поисковики в ходе каждой «Вахты Памяти» находят останки солдат и проводят перезахоронения. Благодаря профессионализму участников поисковых организаций, удастся найти и идентифицировать боевую технику с последующим установлением судьбы экипажа. Поисковики Дона часто проводят памятные акции и устанавливают памятники и памятные знаки на местах особо кровопролитных сражений. Регулярно проводятся встречи с родственниками погибших советских бойцов и беседы с ветеранами войны. Однако на данный момент еще не налажен механизм единого учета и классификации найденных останков. Следует подчеркнуть, что все обозначенные виды деятельности донских поисковиков проводятся практически на личном энтузиазме участников движения.

Литература

1. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М. : Вече, 2010. 384 с.
2. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг. 1943 г. Ростов н/Д. : Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. 216 с.
3. Ростовская область в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Энциклопедический словарь-справочник. Ростов н/Д. : Проф-Пресс, 2010. 479 с.
4. Пянкевич А.В. Развитие поискового движения в России, вторая половина XX – начало XXI века // Молодежный вестн. С.-Петербургского гос. ин-та культуры. 2012. № 1 (1). С. 169–173.
5. Военно-патриотический клуб «Рысь». URL: http://xn----ctbythg3ej.xn--p1ai/poisk_o-poisk_11.html (дата обращения: 20.09.2017).
6. История России: «Без вести» пропали не случайно. URL: <http://www.krestianin.ru/articles/18197.php> (дата обращения: 22.09.2017).
7. Деловой Миус. 2007. № 16 (365). 19 апр.
8. Указ Президента Российской Федерации от 22.01.2006 г. № 37. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23367> (дата обращения: 25.09.2017).

kremlin.ru/acts/bank/23367 (дата обращения: 25.09.2017).

9. Ростовское региональное отделение Общероссийского общественного движения «Поисковое движение России». URL: <http://poisk-don.ru/reestr-poiskovykh-otryadov/> (дата обращения: 25.09.2017).

10. Поисковые отряды Дона нашли более 300 останков советских солдат. URL: <https://regnum.ru/news/1996427.html> (дата обращения: 07.10.2017).

11. Под Ростовом обнаружили останки трех летчиков, погибших в 1941 году. URL: <https://www.rostov.kp.ru/daily/26563/3579254/> (дата обращения: 25.09.2017).

12. ЦАМО. Ф. 412. Оп. 10301. Д. 6.

13. На Дону найдены остатки штурмовика Ил-2 Героя России Бориса Кучина. URL: <https://rg.ru/2017/03/30/reg-ufo/na-donu-najdeny-ostatki-shturmovika-il-2-geroia-rossii-borisa-kuchina.html> (дата обращения: 25.09.2017).

14. Летопись поискового движения России. Ростов н/Д. : Южный рубеж, 2003–2005. 160 с.

15. Бочаров А.Н. Возвращённые имена. Элиста : Джангар, 2007. 272 с.

16. Героев чтит и помнит Зерноград. Ростов н/Д. : Проф-Пресс, 2013. 672 с.

17. Санин Д.Н. Боевые рубежи Маныча: Историч. исследование. Элиста : Джангар, 2013. 128 с.

18. Градобоев В.А. Я погиб на донском рубеже. Ростов н/Д. : Альтаир, 2015. 272 с.

19. Градобоев В.А. Горящий снег. Ростов н/Д. : Альтаир, 2016. 232 с.

20. Щербанов В.К. Взрывоопасные предметы фронтовых полей России. Ростов н/Д. : Южный рубеж, 1999. 49 с.

References

1. *Velikaya Otechestvennaya bez grifa sekretnosti. Kniga poter'* [The Great Patriotic without Secrecy. Loss Book]. Moscow: Veche, 2010, 384 p.
2. Matishov G.G., Afanasenko V.I., Krinko E.F. *Mius-front v Velikoi Otechestvennoi voine. 1941/1942 gg. 1943 g.* [Mius Front in the Great Patriotic War. 1941/1942 1943]. Rostov-on-Don: Izd-vo YuNTs RAN, 2010, 216 p.
3. *Rostovskaya oblast' v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg.* [Rostov Region in the Great Patriotic War of 1941-1945]. Encyclopedic Dictionary. Rostov-on-Don: Prof-Press, 2010, 479 p.

4. Pyankevich A.V. Razvitiye poiskovogo dvizheniya v Rossii, vtoraya polovina XX – nachalo XXI veka [The Development of the Search Movement in Russia, the Second Half of the XX - the Beginning of the XXI Century]. *Molodezhnyi vestn. S.-Peterburgskogo gos. in-ta kul'tury*. 2012, No. 1 (1), pp. 169-173.
5. *Voenno-patrioticheskiy klub «Rys'»* [Military-patriotic club "Bobcat"]. Available at: http://xn---ctbythg3ej.xn--plai/poisk_o-poisk_11.html (accessed 20.09.2017).
6. *Istoriya Rossii: «Bez vesti» propadali ne sluchaino* [The History of Russia: "Lost" Disappeared not by Chance]. Available at: <http://www.krestianin.ru/articles/18197.php> (accessed 22.09.2017).
7. *Delovoi Mius*. 2007, No. 16 (365), Apr. 19.
8. *Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 22.01.2006 g. № 37* [Decree of the President of the Russian Federation of 22 January 2006 No. 37]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23367> (accessed 25.09.2017).
9. *Rostovskoe regional'noe otделение Obshcherossiiskoe obshchestvennoe dvizhenie «Poiskovoe dvizhenie Rossii»* [Rostov Regional Branch All-Russian Public Movement "Search Movement of Russia"]. Available at: <http://poisk-don.ru/reestr-poiskovykh-otryadov/> (accessed 25.09.2017).
10. *Poiskovye otryady Dona nashli bolee 300 ostankov sovetskikh soldat* [Search Parties of Don Found More than 300 Remains of Soviet Soldiers]. Available at: <https://regnum.ru/news/1996427.html> (accessed 07.10.2017).
11. *Pod Rostovom obnaruzhili ostanki trekh letchikov, pogibshikh v 1941 godu* [Near Rostov the Remains of Three Pilots who Perished in 1941 Were Found]. Available at: <https://www.rostov.kp.ru/daily/26563/3579254/> (accessed 25.09.2017).
12. *TsAMO [CAMR]. Fund 412. In. 10301. File 6.*
13. *Na Donu naideny ostatki shturmovika Il-2 Geroya Rossii Borisa Kuchina* [On the Don, the Remnants of the Il-2 Attack Aircraft of Hero of Russia Boris Kuchin Were Found]. Available at: <https://rg.ru/2017/03/30/reg-ufo/na-donu-najdeny-ostatki-shturmovika-il-2-geroia-rossii-borisa-kuchina.html> (accessed 25.09.2017).
14. *Letopis' poiskovogo dvizheniya Rossii* [Chronicle of the Search Movement in Russia]. Rostov-on-Don: Yuzhnyi rubezh, 2003-2005, 160 p.
15. Bocharov A.N. *Vozvrashchennye imena* [Returned Names]. Elista: Dzhangar, 2007, 272 p.
16. *Geroev chtit i pomnit Zernograd* [Zernograd Honors and Remembers Heroes]. Rostov-on-Don: Prof-Press, 2013, 672 p.
17. Sanin D.N. *Boevye rubezhi Manycha: Istoriich. issledovanie* [Battlegrounds of Manych: Historical Research]. Elista: Dzhangar, 2013, 128 p.
18. Gradoboev V.A. *Ya pogib na donskom rubezhe* [I Perished on the Don Frontier]. Rostov-on-Don: Al'tair, 2015, 272 p.
19. Gradoboev V.A. *Goryashchii sneg* [Hot Snow]. Rostov-on-Don: Al'tair, 2016, 232 p.
20. Shcherbanov V.K. *Vzryvoopasnye predmety frontovykh polei Rossii* [Explosive Objects of the Front Fields of Russia]. Rostov-on-Don: Yuzhnyi rubezh, 1999, 49 p.

К 100-летию Октябрьской революции

О ДОСТОВЕРНОСТИ БОЛЬШЕВИСТСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ О РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ 1907–1914 ГОДОВ

© 2017 г. Л.В. Мининкова ^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

ON THE RELIABILITY OF THE BOLSHEVIK MEMORIES OF THE REVOLUTIONARY MOVEMENT OF 1907-1914

L.V. Mininkova ^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Мининкова Людмила Владимировна –
доктор исторических наук, профессор,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: lvmininkova@sfnu.ru

Ludmila V. Mininkova -
Doctor of History, Professor,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: lvmininkova@sfnu.ru

На исходе советской историографии стал заметен рост интереса к мемуарам как к источнику, дававшему возможность увидеть историю в человеческом измерении, через личный опыт, сознание и систему ценностей их авторов. Проявился он и к мемуарам большевиков дореволюционного и советского периода, показав особенности такой литературы. В ней находила отражение не столько личность автора в событиях, сколько влияние на авторскую память и на текст мемуаров обстоятельств, связанных с ситуацией того времени, когда создавались эти воспоминания. Отсюда возникает проблема достоверности содержащихся в них сведений, в том числе о роли автора в событиях. Мемуары большевиков, в которых нашел отражение период 1907–1914 гг., или от завершения революции 3 июня до начала Первой мировой войны, публиковались довольно активно, что объяснялось расчетом на пропагандистский эффект этой литературы. Мемуары большевиков дают представление об особенностях влияния на их содержание общественно-политической и культурно-исторической ситуации своего времени.

Ключевые слова: партия большевиков, исторические источники, мемуарная литература, большевистские воспоминания.

At the end of Soviet historiography, there was a noticeable increase in interest in memoirs as a source of opportunity to observe the history in the human dimension, through personal experience, the consciousness and the value system of their authors. This also manifested itself in the memoirs of the Bolsheviks in the pre-revolutionary and Soviet period. At the same time, the features of this memoir literature were revealed. It was reflected not so much by the personality of the author in events, but under the influence on the author's memory and on the text of memoirs of the circumstances connected with the situation at the time when these memories were created. Thus the problem of the reliability of the information contained in them, including the role of the author in events appears. The memoirs of the Bolsheviks, in which the period of 1907-1914 was reflected, or from the end of the revolution on June 3 before the outbreak of World War I, were published quite actively. It could be explained by the propaganda effect on this literature. The memoirs of the Bolsheviks give an idea of the peculiarities of the influence on their content of the socio-political and cultural-historical situation of the time when they were created.

Keywords: party of the Bolsheviks, historical sources, memoir literature, Bolshevik memories.

Еще историки 20-х гг. обращали внимание как на значимость воспоминаний большевиков для воссоздания истории революции, так и на их субъективность. Вопрос о соотношении объективных

и субъективных данных приобрел актуальность в поздней советской историографии. Подчеркивалось, что будто бы эти воспоминания в большей степени свободны от намеренных искажений при

освещении событий и явлений, чем воспоминания противников революции. Вместе с тем указывалось на необходимость источниковедческого анализа этих мемуаров с точки зрения их внешней и внутренней критики, учета личностно-психологической стороны, которая проявлялась в их текстах.

За постсоветский период внимание к этим воспоминаниям стало менее заметным в связи с принципиальным изменением оценок революции и деятельности революционеров, а также с расширением круга источников, относящихся к революционным событиям. Но это не значит, что большевистские мемуары потеряли свою значимость в качестве источника. При критическом подходе следует обратить внимание, как в них отражалась способность парторганизаций в условиях фактического подполья добиваться организационного укрепления своих рядов, использовать все возможности для работы в профсоюзах и других легальных организациях, связанных с рабочим классом. Сведения, содержащиеся в этих воспоминаниях, позволяют уточнить и конкретизировать некоторые стороны внутрипартийной борьбы, отношения в парторганизациях к ликвидаторам и отзовистам, а также к вопросам организационного строения местных партийных структур. Значительное место занимают в них организация и работа местных партийных конференций, а также подробности принимавшихся решений. Вместе с тем современные подходы к историческому исследованию предполагают необходимость избавления от элементов «потребительского» отношения к источнику [1, с. 41], т. е. установление связи между текстом большевистских мемуаров и особенностями того времени, когда они создавались и публиковались, или влияния общественно-политической ситуации своего времени на их содержание. Это означало выбор такой направленности исследования мемуаров, который обеспечивает более глубокое понимание их автора или издателя.

Мемуары большевиков, в которых нашел отражение период 1907–1914 гг., или от завершения революции 3 июня до начала Первой мировой войны, публиковались довольно активно, что объяснялось расчетом на их пропагандистский эффект. В самом деле положения и выводы официальной истории партии, будь то времена «Краткого курса истории ВКП(б)» или длительный период, когда на вершине партийной иерархии стояли Н.С. Хрущев и Л.И. Брежнев, выглядели более убедительными, если они опирались на сведения современников. При этом вопрос о критике источников ставился далеко не всегда.

Предложение о сборе воспоминаний впервые было высказано 18–23 марта 1919 г. на VIII съезде РКП(б). По декрету от 25 сентября 1920 г. «Об учреждении комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории РКП(б)», или Истпарта, их печатали журналы «Пролетарская революция», «Красная летопись» и «Летопись революции». Проверка достоверности заключалась в форме публикации замечаний и писем в редакцию. Типичные недостатки – «выпячивание своего Я», невысокий литературный уровень, излишнее доверие к документам охраны [2, с. 392–393; 3, с. 240, 275]. С конца 20-х гг. работу по сбору материалов развернули Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев и Общество старых большевиков, публиковавших воспоминания в журнале «Каторга и ссылка». С середины 30-х гг. в обстановке сформировавшегося тоталитаризма воспоминания в полной мере привлекались как средства пропаганды. В них вплоть до середины 50-х гг. (в период Великой Отечественной войны большевистские мемуары о событиях 1907–1914 гг. не публиковались) в основном упор делался на произведения В.И. Ленина. Сама тематика воспоминаний соответствовала положениям «Краткого курса ВКП(б)». Уделялось внимание таким темам, как выборы в Государственную Думу (Третью и Четвертую), работа думской фракции большевиков, состояние рабочего движения и подъем его после 1910 г., роль большевиков в рабочем движении. Публиковались воспоминания о видных деятелях партии, которые избежали репрессий – Я.М. Свердлов, Ф.Э. Дзержинский, Г.К. Орджоникидзе и др.

После XX съезда КПСС в связи с празднованием 40-летия Октября с предложением развернуть работу по публикации воспоминаний ветеранов партии выступил ряд старых большевиков – Е.Д. Стасова, Г.М. Кржижановский, Г.И. Петровский, М.К. Муранов, Ф.И. Петров. Как они заявляли, ветераны «могут рассказать молодежи о великой эпохе не общими, стандартными фразами, а с множеством деталей, известных только участникам исторической борьбы» [4, с. 280]. По-прежнему большая доля воспоминаний была связана с именем В.И. Ленина, особенно в преддверии 100-летней и 110-летней годовщины со дня его рождения. Всё писалось в духе благоговейной апологетики, что соответствовало традиции партийных воспоминаний о вожде, но давало повод для сомнений в полноте, достоверности и точности их содержания. Значительная часть

опубликованных воспоминаний принадлежала лицам, которые в 1907–1914 гг. были подростками и студентами. Это – воспоминания академика К.В. Островитянова [5], профессора А.С. Ильина [6], большевиков К.Е. Багаева, Е.С. Горячевой и др. В них нашел отражение процесс формирования их революционного мировоззрения. В то же время переиздавались и редактировались издававшиеся ранее воспоминания, они сверялись нередко с рукописью, например, воспоминания Н.К. Крупской. Это было необходимо, поскольку следовало проверить, насколько точно передавали текст Н.К. Крупской издания 30-х гг. Всего за период с конца 50-х до начала 80-х гг. было издано 159 текстов воспоминаний большевиков о событиях 1907–1914 гг.

Позитивистское источниковедение на стадии внутренней критики источников выделяет вопрос их достоверности и точности, а также их полноты, о чем говорили еще в конце XIX в. Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос. Определение степени достоверности и точности они отнесли к исследовательской процедуре, которая наряду с герменевтикой источника подводит историка к решению его итоговой задачи на этой стадии критики. Итог, к которому стремится исследователь, по словам Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, означал его стремление «извлечь частные исторические факты для исторического знания» [7, с. 182]. По мнению М.Ф. Румянцевой, изучение источников в результате завершалось «конструированием исторических фактов, далее включаемых в историческое построение» [8, с. 37]. Она совершенно права, но противоречие состояло в том, что, как подчеркивал А.В. Лубский, базовым принципом научного исторического исследования в его позитивистском понимании был реконструктивизм [9, с. 99], а не конструктивизм. Это не случайно, так как факт, заключенный в источнике, представляет собой не слепок с реальности прошлого, но конструкцию авторского сознания по мотивом реальности, изложенной в воспоминаниях. Между тем реконструктивистское начало в исследовании такого источника может быть ближе в том случае, если исследователь обратит внимание на такую сторону реальности прошлого, как автор источника и его личность. И если текст произведения выражает реальность прошлого как конструкцию авторского сознания, то к личности автора он значительно ближе, чем к какой-либо иной реальности. Можно вообще сказать, что полнотой, достоверностью и точностью обладает всякий источник, включая мемуары большевиков. Но он обязательно содержит в себе

неполноту и неточности в освещении фактов, и в конечном счете недостоверность фактов, которые заключены в авторском тексте. При этом такая сторона реальности прошлого, как автор источника и его личность, отражена со всей полнотой, точностью и достоверностью. Это, конечно же, относится к авторской личности того времени, когда создавался изучаемый авторский текст, поскольку личность может со временем претерпевать определенные изменения. Но, кроме того, могут иметь место случаи, когда и авторская личность через текст передается неполно, неточно и недостоверно. Это бывает в том случае, если текст подлежал переработке и редактированию в более позднее время, при отсутствии автора или после ухода его из жизни. Издатели мемуаров большевиков понимали это обстоятельство. Чтобы не давать повода для претензий в искажении смысла текста, и, следовательно, самой авторской личности, они стремились проводить работу по тщательной сверке текста, который готовился к изданию, с рукописью.

Все это в значительной мере присутствует в воспоминаниях большевиков о событиях 1907–1914 гг. и В.И. Ленине. В воспоминаниях, относящихся к участию В.И. Ленина в Петербургской конференции РСДРП в июле 1907 г. в Териоках, характерна расстановка авторами смысловых акцентов. Так, А. Пирейко обращал внимание, что наиболее активным противником ленинской идеи участия в выборах в III Государственную Думу выступал Л.Б. Каменев [10, с. 154]. Его воспоминания были опубликованы в 1923 г. Л.Б. Каменев получил в этом эпизоде негативную характеристику как лицо, выступавшее против В.И. Ленина. Тем самым в обстановке усиления борьбы за власть в условиях болезни вождя партии мемуарист не только вспоминал о событиях далекого времени, но и заявлял свою позицию в этой борьбе, выступая противником Л.Б. Каменева. В.П. Ногин, занимавший более солидное положение в партии, чем А. Пирейко, и писавший об этой же конференции на год позже, заявлял о влиянии ее на В.И. Ленина, в частности, резолюции о профсоюзах [11, с. 237], так как сам В.П. Ногин был связан с профсоюзной работой. Иначе расставлены смысловые акценты в воспоминаниях об этой же конференции Т.Ф. Людвинской. Поскольку они выходили в свет в 1969 г., накануне 100-летия со дня рождения вождя, то в центре внимания оказались две ее встречи с В.И. Лениным [12, с. 7–8]. Такой подбор публикаций не случаен. После того как при Н.С. Хрущеве прошла

волна критики культа личности Сталина, важно было особо подчеркивать человеческие черты в облике В.И. Ленина. Требовалось привести доказательства, что сталинские преступления ни в малейшей степени не связаны с В.И. Лениным и полностью противоречили стилю общения его с людьми, что «нарушения социалистической законности при Сталине», как говорилось в то время, шли вразрез с ленинизмом. Воспоминания, посвященные В.И. Ленину, характеризуют не столько вождя партии, сколько обстановку, в которой они создавались, а также и самого автора воспоминаний, который таким образом заявлял о своем месте в событиях того времени, когда он писал мемуары.

Несомненно, что большевик, автор мемуаров, при описании В.И. Ленина был очень скован нормами, традицией, трафаретом и сложившимся этикетом в подаче образа вождя. Несколько более свободен мемуарист был при создании иных сюжетов и исторических образов в своих воспоминаниях. Но и при этом определенные условности в трактовке событий в истории партии сказывались. Так, мемуаристы не раз отмечали, что в условиях начала третьеиюньской монархии, когда имело место уменьшение численности революционных партий и организаций, в составе большевистских организаций оставались прежде всего рабочие. Об этом писал работавший в Новочеркасске и Ростове-на-Дону А.Т. Фролов [13, л. 6], член оргкомиссии московского партийного комитета А.С. Курская [14, с. 86]. То же самое отмечал И.П. Флеровский в Самаре [15, с. 180] и А.М. Буйко в Петербурге [16, с. 74]. Между тем в революционных партиях, в том числе среди большевиков, преобладали интеллигенты. Известно, что и сам В.И. Ленин был невысокого мнения о политическом сознании рабочего класса, что нашло отражение в его книге «Что делать». Самостоятельно, подчеркивал он, рабочие способны выработать тред-юнионистское сознание, основанное на понятных им экономических требованиях, но политическое сознание должна вносить в рабочую среду революционная интеллигенция. Указание на пролетарский состав большевистских парторганизаций также было не случайно. Он соответствовал образу большевистской партии как партии пролетарской, который создавался на протяжении всего советского периода и закреплялся в массовом сознании советских людей.

Еще одной интересной стороной большевистских мемуаров об истории партии периода

третьеиюньской монархии являлись описания отношения большевиков к указаниям В.И. Ленина о работе в легальных организациях. В воспоминаниях Ц.С. Зеликсон-Бобровской говорится о принятии на московской окружной партконференции в августе 1907 г. резолюции о работе партии в профсоюзах, принятой по докладу В.И. Ленина. Автор отмечала, что не все большевики были согласны с резолюцией. После V конференции РСДРП, состоявшейся 21–27 декабря 1907 г. в Париже, круг согласных с ленинской резолюцией расширился [17]. Но не всегда в мемуарах указывалось на несогласие некоторой части большевиков с резолюцией. Так, об этом не говорилось в воспоминаниях Е.И. Изотова [18, с. 56–57] о партийной работе в Выборгском районе Петербурга в 1909 г. и о работе на Пречистенских курсах С.И. Аралова [19, с. 13–14]. Едва ли следует доверять мемуаристам-большевикам по поводу степени поддержки ленинской резолюции. Известно, что некоторая часть партии, отзовисты и отчасти ультиматисты, была против работы в профсоюзах и иных легальных организациях. К тому же и сам В.И. Ленин еще не имел в сознании членов партии статус непререкаемого вождя, который он приобрел значительно позже, уже после Октябрьской революции. Поэтому рассматривать отношение к ленинским документам в 1907 г. с точки зрения того, как к ним относились в начале 20-х гг., было бы неправильно.

В целом мемуары большевиков отражают некоторые подробности событий политической борьбы и положения внутри партии, а также позволяют понять культурные особенности такой своеобразной среды в России начала прошлого века, как революционные большевистские организации, и исторический тип личности большевика-революционера. Вместе с тем они дают представление о влиянии общественно-политической и культурно-исторической ситуации на их содержание. Эти мемуары являются исключительно ценным источником при исследовании такого культурно-исторического феномена, как личность мемуариста-большевика и в определенной степени положения в партии за период 1907–1914 гг.

Литература

1. Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М. : Аспект-пресс, 2004. 383 с.

2. Пролетарская революция. 1923. № 5.
3. Пролетарская революция. 1927. № 11.
4. Новый мир. 1956. № 5.
5. *Островитянов К.В.* Думы о прошлом. М. : Наука, 1967. 313 с.
6. *Ильин А.С.* Златоустовцы. Ростов н/Д. : Кн. изд-во, 1967. 115 с.
7. *Ланглюа Ш.-В., Сеньобос Ш.* Введение в изучение истории : пер. с фр. М. : Изд-во ГПИБР, 2004. 305 с.
8. Источниковедение: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцев. М. : Изд-во ВШЭ, 2015. 685 с.
9. *Лубский А.В.* Альтернативные модели исторического исследования. М.: Социально-гуманитарные знания, 2005. 352 с.
10. *Пирейко А.* Партийная работа во 2-м Городском районе Петербурга (1905–1910 гг.). По личным воспоминаниям // Пролетарская революция. 1923. № 4 (16).
11. *Ногин В.П.* 1906–1907 гг. // Вестник труда. 1924. № 3.
12. *Людвинская Т.Ф.* Великий, близкий и простой. М. : Знание, 1969. 96 с.
13. ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1160.
14. *Курская А.С.* Пережитое. М. : Московский рабочий, 1965. 260 с.
15. *Флеровский И.* Партийная работа в Сормове в годы реакции (1907–1909 гг.) // Пролетарская революция. 1925. № 6.
16. *Буйко А.* Путь рабочего. Л. : Лениздат, 1964. 148 с.
17. *Зеликсон-Бобровская Ц.С.* Записки рядового подпольщика. М. : Коммунистический ун-т им. Я.М.Свердлова, 1924. 210 с.
18. *Изотов Е.И.* Как мы боролись. Л. : Лоиз, 1933. 96 с.
19. *Аралов С.И.* Революционная работа на курсах (период 1906–1910 годов) // Пречистенские рабочие курсы. Первые рабочие курсы в Москве: сб. ст. и воспоминаний к 50-летию курсов (1897–1947). М. : Московский рабочий, 1948.
4. *Novyi mir.* 1956, No. 5.
5. *Ostrovityanov K.V. Dumy o proshlom* [Thoughts about the Past]. Moscow: Nauka, 1967, 313 p.
6. *Il'in A.S. Zlatoustovtsy* [Zlatoustovtsy]. Rostov-on-Don: Kn. izd-vo, 1967, 115 p.
7. *Langlua Sh.-V., Sen'obos Sh. Vvedenie v izuchenie istorii* [Introduction to the Study of History]. Transl. from French. Moscow: Izd-vo GPIBR, 2004, 305 p.
8. *Istochnikovvedenie* [Source study]. Textbook. I.N. Danilevskii, D.A. Dobrovol'skii, R.B. Kazakov and others; ch. ed. M.F. Rumyantsev. Moscow: Izd-vo VShE, 2015, 685 p.
9. *Lubskii A.V. Al'ternativnye modeli istoricheskogo issledovaniya* [Alternative Models of Historical Research]. Moscow: Sotsial'no-gumanitarnye znaniya, 2005, 352 p.
10. *Pireiko A. Partiinaya rabota vo 2-m Gorodskom raione Peterburga (1905–1910 gg.). Po lichnym vospominaniyam* [The Party Work in the 2nd City District of Petersburg (1905-1910). From Personal Memories]. *Proletarskaya revolyutsiya.* 1923, No. 4 (16).
11. *Nogin V.P. 1906–1907 gg. [1906-1907]. Vestnik truda.* 1924, No. 3.
12. *Lyudvinskaya T.F. Velikii, blizkii i prostoi* [Great, Close and Simple]. Moscow: Znanie, 1969, 96 p.
13. *TsDNIRO [CDNHRR]. Fund 12. In. 3. File 1160.*
14. *Kurskaya A.S. Perezhitoe* [Experienced]. Moscow: Moskovskii rabochii, 1965, 260 p.
15. *Flerovskii I. Partiinaya rabota v Sormove v gody reaktsii (1907–1909 gg.)* [The Party Work in Sormovo during the Years of Reaction (1907-1909)]. *Proletarskaya revolyutsiya.* 1925, No. 6.
16. *Buiko A. Put' rabochego* [The Worker's Way]. Leningrad: Lenizdat, 1964, 148 p.
17. *Zelikson-Bobrovskaya Ts.S. Zapiski ryadovogo podpol'shchika* [Notes of an Ordinary Undergrounder]. Moscow: Kommunisticheskii un-t im. Ya.M. Sverdlova, 1924, 210 p.
18. *Izotov E.I. Kak my borolis'* [How We Fought]. Leningrad: Loiz, 1933, 96 p.
19. *Aralov S.I. [Revolutionary Work on the Courses (the period 1906-1910)]. Prechistenskie rabochie kursy. Pervye rabochie kursy v Moskve* [Prechistenka Working Courses. The First Working Courses in Moscow]. Collection of articles and memoirs for the 50th anniversary of the courses (1897-1947). Moscow: Moskovskii rabochii, 1948.

References

1. Danilevskii I.N. *Povest' vremennykh let: Hermenevticheskie osnovy izucheniya letopisnykh tekstov* [The Tale of Bygone Years: The Hermeneutical Foundations of the Annalistic Texts Study]. Moscow: Aspekt-press, 2004, 383 p.
2. *Proletarskaya revolyutsiya.* 1923, No. 5.
3. *Proletarskaya revolyutsiya.* 1927, No. 11.

АДЫГСКАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В 90-Е ГОДЫ XX СТОЛЕТИЯ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВНУТРЕННЕЙ ТРАНСФОРМАЦИИ*

© 2017 г. К.Р. Мухаметшина ^{a,b}

^a Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,

^b Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия

ADYGEAN ETHNIC IDENTITY IN THE 90S OF THE XX CENTURY: SOCIO-CULTURAL AND POLITICAL FACTORS OF INTERNAL TRANSFORMATION

K.R. Mukhametshina ^{a, b}

^a Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,

^b Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia

Мухаметшина Ксения Рустамовна –
аспирант,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия;
стажер-исследователь,
Институт социально-экономических
и гуманитарных исследований,
Южный научный центр РАН,
пр. Чехова, 41, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия.
E-mail: ksenia.mukhametshina@yandex.ru

Ksenia R. Mukhametshina -
Postgraduate,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia;
Trainee Researcher,
Institute for Social and Economic Research
and Humanities, Southern Scientific Center,
Russian Academy of Sciences,
Chekhova Ave., 41, Rostov-on-Don, 344006, Russia.
E-mail: ksenia.mukhametshina@yandex.ru

Для России 90-х гг. XX в. характерным явлением стал кризис этнической идентичности, который вызвал всплеск этнополитической мобилизации. Это проявилось в виде переоценки событий отечественной истории и актуализации этноцентрических идей. В силу многих причин, особенно остро эти процессы происходили на Северном Кавказе. В данном исследовании внимание сосредоточено на Адыгее, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии как регионах, в которых преимущественно проживает адыгский этнос. Произведена попытка проанализировать социокультурные и политические факторы трансформации адыгской идентичности в 90-е гг.

Ключевые слова: адыги, черкесы, идентичность, Кавказская война, историческая память, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Адыгея, этническая идентичность.

The characteristic phenomenon for the 90's Russia was the crisis of ethnic identity, which caused a surge of ethno-political mobilization. This manifested in the form of a reassessment of the Russian history events and the actualization of ethnocentric ideas. For some reason, these processes were especially acute in the North Caucasus. Our study will focus on Adygea, Kabardino-Balkaria and Karachaevo-Cherkessia as the regions where the Circassian ethnic group predominantly resides. In this article, an attempt to analyze the socio-cultural and political factors of the Circassian identity transformation in the 1990s is made.

Keywords: Adyge, Circassians, identity, Caucasian War, historical memory, Karachay-Cherkessia, Kabardino-Balkaria, Adygea, ethnic identity.

В постсоветский период идентификационные маркеры локальных этносов претерпели значительные изменения, что определялось системной эволюцией хозяйственных и общественных процессов в новой России. Содержательная трансформация этнической идентичности развивалась

* Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России по проведению фундаментальных научных исследований по теме «Историко-культурное наследие народов Юга России в условиях модернизации» (№ 0260-2014-0006).

по двум основным направлениям, связанным с комплексной реконструкцией ценностных установок традиционного общества и последовательным конструированием специфических стереотипов, соответствующих индустриальному социуму переходного периода.

В рамках первого направления существенное значение приобрел растущий интерес к предшествующей истории, которая рассматривалась как важнейший фактор системной консолидации идентификационных характеристик адыгского этноса.

Обобщающие научные труды и учебные пособия неизменно включали тщательно отобранные факты, свидетельствующие не только о славном прошлом этнических адыгов, но и неизменном соблюдении в рассматриваемом обществе неписанных законов и обычаев. Неукоснительное следование заложенным традициям представлялось главным фактором последовательного формирования и длительного сохранения национальной идентичности, требующим обязательного сохранения и в современных условиях. Важнейшим идентификационным маркером в рассматриваемый период стали личное отношение к сложным и противоречивым событиям Кавказской войны (1817–1864), способствовавшей системной консолидации разрозненных адыгских сообществ.

Как отмечает в своей работе К.Ф. Дзамихов, «в событиях последних пятнадцати лет чрезвычайно активно был задействован фактор исторической памяти. И Кавказская война стала одним из наиболее “цитируемых” явлений прошлого. Это неудивительно. Память о ней несет в себе большое политическое и эмоциональное напряжение» [1, с. 6]. Автор консолидирует существовавшее мнение в кругах национальных историков: «История учит нас тому, что те народы, которые теряют историческую память, в конечном итоге обречены... Нам надо очень многое сделать, чтобы возродить и сохранить свою духовную культуру, свой язык и, наконец, свою самоидентификацию. Пора адыгскому социуму осознать, что в его героической и одновременно трагической истории были свои национальные герои, подлинные лидеры народа» [1, с. 6]. Таким образом, устойчивая историческая память о военном лихолетье и последующем трагическом исходе большей части этнических адыгов в рамках массового мухаджирства превратилась в доминирующий фактор национального единения, успешно действующий в изменившихся условиях.

Проблемы Кавказской войны и мухаджирства не единожды обсуждались на научных форумах и конференциях, проводимых в юге России [2–4]. Учеными большое внимание уделялось выявлению обстоятельств, при которых происходило присоединение Кавказа к России. Важнейшими датами в черкесской истории являются 1557 г., так как именно тогда между Московским государством и Кабардой был заключен первый военно-политический союз, и 1864 г. – окончание Кавказской войны [5, с. 176]. Как известно, эти даты вызывают в научном сообществе и не только бурную полемику. В ходе обсуждений теория о добровольном вхождении Кабарды в Россию была отвергнута. Подчеркивалось, что политика Российской империи по отношению к Кавказу была завоевательной, колонизаторской и выдвинута версия о геноциде по отношению к адыгским народам в период Кавказской войны и выселения их за пределы Родины [2, 3, 6].

Как отмечали В. Ф. Патракова и В. В. Черноус, историческая наука не всегда оказывает действительное влияние на общество, но среди небольших и компактно проживающих народов результаты исторических исследований получают быстрое распространение и становятся частью этнического сознания [7]. Но и СМИ оказывают огромное влияние на формирование общественного мнения [8, с. 186]. Поэтому стоит отметить многочисленные национальные газеты, которые заметно активизировались в 90-е гг., где помимо отражения политической жизни регионов, населенных адыгами, большое внимание уделялось истории, культуре и обычаям народа. К таким газетам можно причислить «Эхо джэрдэджэ» – ежемесячник культурного центра «Адыгская энциклопедия», «Общедыгская газета Нарты», «Черкесское зарубежье», «Шапсугия», «Нарт» – учредитель международная черкесская организация, «Черкесский вестник» – учредитель «Адыгэ Хасэ», «Хабзэ» – газета общественной организации САДА (Союз абхазских добровольцев Адыгеи), и др.

В контексте целенаправленного конструирования новых стереотипов индивидуального и массового сознания на первый план вышло системное поддержание социально-экономического единства в условиях рыночной трансформации, детерминированной радикальными реформами начала 90-х гг. XX в. По справедливому замечанию А.В. Баранова, «кризис общегосударственной идентичности, вызванный распадом СССР и угасанием советского самосознания, стимулировал смену позиционирования акторов

политики в республиках Северного Кавказа, в том числе – Республике Адыгея, которые имеют ресурсы создания новых идентичностей. Такими акторами выступают, прежде всего, этнические и конфессиональные элиты» [9, с. 87]. В сложившихся условиях начали формироваться новые идентификационные маркеры, связанные с естественными механизмами социального партнерства родственных индивидов, взаимной поддержкой в хозяйственной деятельности, консолидированном лоббировании национальных интересов.

Логичным исходом такой этнополитической мобилизации стало создание национальных общественных организаций. Среди них – «Родина» – одна из первых организаций по налаживанию контактов с черкесами, проживающими за пределами РФ, «Адыгэ – Хасэ» и Международная черкесская организация и другие, цель которых – национальное возрождение адыгов [10, с. 21]. Данные организации, созданные изначально в культурно-исторических целях, активно включились в политические события региона. По нашему мнению, этот процесс естествен и закономерен, он также направлен на сплочение этноса и стимулирование самосознания. Примером тому может служить создавшаяся ситуация в Республике Адыгея вокруг национального состава ее Парламента. Союз славян Адыгеи настаивал на том, чтобы большинство мест принадлежало русскоязычному населению. Члены адыгских общественных организаций «Адыгэ Хасэ», культурного центра «Адыгская энциклопедия», «Дин Хасэ», фонда «Историческая Родина», представители научно-технической и творческой интеллигенции это восприняли как «шаг к установлению этнократии» к «возможной дискриминации адыгейского народа», что стимулировало их объединиться в «Комитет-40» для паритетного формирования парламента [11, с. 2]. Большой частью состава как «Комитета-40», так и «Адыгэ Хасэ» были представители адыгской интеллигенции [12].

Принципиальным вопросом традиционно является последовательное выявление социокультурных и политических институтов, а также лоббистских групп, играющих доминирующую роль в системной трансформации этнической идентичности. Применительно к адыгским субъектам РФ можно выделить несколько институциональных факторов, определяющих качественное содержание идентификационных маркеров. Новая

этническая идентичность в первую очередь формируется региональной интеллигенцией, монополизирующей естественное право на самостоятельную интерпретацию предшествующей истории и претендующей на особый статус главной идеологической силы общественного движения. Объективным результатом соответствующей деятельности становится закономерное появление особых исторических нарративов, героизирующих славное прошлое, постулирующих традиционные ценности и рассматривающих латентную ксенофобию в качестве важнейшего идентификационного маркера.

Адыгская интеллигенция сформировала своеобразное представление о «золотом веке» черкесской истории, связанном с самостоятельным существованием локальных горских социумов и включающем формирование основных ценностных ориентаций, объединяющих разрозненные сообщества в консолидированный этнос. В контексте соответствующих идейных конструкций эволюционное развитие этнической идентичности было искусственно прервано трагическими событиями Кавказской войны и массового мухаджирства, разделившими адыгский народ на две неравные части. Последовательное восстановление идентификационных маркеров предполагает целенаправленное возвращение к утраченным ценностям, естественным механизмом которого служит качественная идеализация предшествующей истории и безоговорочное осуждение социокультурных трансформаций имперского и советского периода.

Определенную роль в глубинном поиске идентичности играют также современные политические институты адыгских субъектов РФ, стремящиеся легитимировать собственный статус прочным фундаментом культурной рефлексии. Поддерживая этнические проекты местной интеллигенции, региональные элиты позиционируются как естественное воплощение общенациональной мечты о народной власти, опирающейся на традиционные ценности и обладающей единственной идентичностью.

Противоположной позиции придерживается зарубежная черкесская диаспора, рассматривающая современные властные структуры адыгских субъектов РФ в качестве искусственной надстройки, продолжающей имперскую политику и препятствующей подлинной реконструкции исторической идентичности. В данном контексте диаспорные сообщества рассматриваются как единственные носители традиционных иден-

тификационных маркеров, сохраненных в сложных условиях дисперсного расселения в агрессивной социокультурной среде.

Следует признать, что последовательное обновление адыгской этнической идентичности, начавшееся в 90-е гг. XX в., продолжается и в настоящее время, причем главные действующие факторы указанного процесса сохраняют объективное значение.

Литература

1. Дзамихов К.Ф. Адыги: борьба и изгнание. Нальчик : Эль-Фа, 2005.
2. Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства : материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. 24–26 октября 1990 г. Нальчик, 1994.
3. Черкесия в XIX веке : материалы I Кошехабльского форума «История – достояние народа» (24–25 апреля 1990 г.). Майкоп, 1991.
4. Кавказская война: уроки истории и современность : материалы науч. конф. (г. Краснодар, 16–18 мая 1994 г.). Краснодар, 1995.
5. Журтова А. А. Процесс вхождения народов Центрального Кавказа в состав России в отечественной историографии. Нальчик, 2015.
6. Чирг А. Ю. Имперцы пытаются оправдать геноцид черкесского народа. URL: <http://natpressru.info/index.php?newsid=2674/> (дата обращения: 01.09.2017).
7. Патракова В.Ф., Черноус В.В. Кавказская война и черкесский вопрос в исторической памяти и мифах историографии. URL: http://ossetia.su/os_caucasus_5/ (дата обращения: 07.08.2017).
8. Мухаметшина К. Р. Обзор иностранных СМИ по крымско-татарскому вопросу // Украинский кризис: вызовы и угрозы национальным интересам Российской Федерации : сб. тр. конф. ЮНЦ РАН / под ред. Г.Г. Матишова. Ростов н/Д., 2016. 272 с.
9. Баранов А.В. Этническая идентичность в Адыгее: политические аспекты конструирования в начале XXI века (по материалам социологических исследований) // Научная мысль Кавказа. 2014. № 1.
10. Время собирать камни. Период активных действий по возрождению национального самосознания народа 1991–1997 гг. // Архивы и общество. 2011. № 18.
11. Эхо джэрдэджэ. 1991. № 11.

12. Шамеев А. М. Участие интеллигенции Северного Кавказа в общественно-политических движениях в 80–90-е годы XX века (на примере Республики Адыгеи и Карачаево-Черкесской республики) // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2015. № 16 (371). История. Вып. 65. С. 77–82.

References

1. Dzamikhov K.F. *Adygi: Bor'ba i izgnanie* [Adyghe. Struggle and Exile]. Nalchik: El'-Fa, 2005.
2. *Natsional'no-osvoboditel'naya bor'ba narodov Severnogo Kavkaza i problemy mukhadzhirstva* [National liberation struggle of the North Caucasus peoples and the problem of muhajire]. Proceedings of All-Union. Scientific-Practical. Conf. October 24–26, 1990. Nalchik, 1994.
3. *Cherkesiya v XIX veke* [Circassia in the XX century]. Proceedings of the I Koshehabl forum "History is the property of the people" (April 24–25, 1990). Maikop, 1991.
4. *Kavkazskaya voina: uroki istorii i sovremenost'* [The Caucasian War: lessons of history and modernity]. Proceedings of Scientific Conf. (Krasnodar, May 16–18, 1994). Krasnodar, 1995.
5. Zhurtova A.A. *Protsess vkhozhdeniya narodov Tsentral'nogo Kavkaza v sostav Rossii v otechestvennoi istoriografii* [The Process of the Entry of the Central Caucasus Peoples into Russia in the National Historiography]. Nalchik, 2015.
6. Chirg A. Yu. *Impertsy pytayutsya opravdat' genotsid cherkesskogo naroda* [The Imperials are Trying to Justify the Genocide of the Circassian People]. Available at: <http://natpressru.info/index.php?newsid=2674/> (accessed 01.09.2017).
7. Patrakova V.F., Chernous V.V. *Kavkazskaya voina i cherkesskii vopros v istoricheskoi pamyati i mifakh istoriografii* [The Caucasian War and the Circassian Question in the Historical Memory and Myths of Historiography]. Available at: http://ossetia.su/os_caucasus_5/ (accessed 07.08.2017).
8. Mukhametshina K. R. [Review of Foreign Media on the Crimean Tatar Question]. *Ukrainskii krizis: vyzovy i ugrozy natsional'nym interesam Rossiiskoi Federatsii* [Ukrainian Crisis: Challenges and Threats to the National Interests of the Russian Federation]. Col. works of Conf. UNSC RAS. Ed. G.G. Matishov. Rostov-on-Don, 2016, 272 p.
9. Baranov A.V. *Etnicheskaya identichnost' v Adygee: politicheskie aspekty konstruirovaniya v nachale XXI veka (po materialam sotsiologicheskikh issledovaniy)* [Ethnic Identity in Adygea: Political Aspects of Design at

the Beginning of the XIII Century (based on sociological research)]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 2014, No. 1.

10. Vremya sobirat' kamni. Period aktivnykh deistvii po vrozozhdeniyu natsional'nogo samosoznaniya naroda 1991–1997 gg. [A Time to Gather Stones. The Period of Active Actions to Revive the National Consciousness of the People 1991-1997]. *Arkhivy i obshchestvo*. 2011, No. 18.

11. *Ekho dzherpedzhezh'*. 1991, No. 11.

12. Shameev A.M. Uchastie intelligentsii Severnogo Kavkaza v obshchestvenno-politicheskikh dvizheniyakh v 80–90-e gody XX veka (na primere Respubliki Adygei i Karachaevo-Cherkesskoi respublik) [The Participation of the Intelligentsia of the North Caucasus in Socio-political Movements in the 80-90s of the 20th Century (on the example of the Republic of Adygea and the Karachay-Cherkess Republic)]. *Vestn. Chelyabinskogo gos. un-ta*. 2015, No. 16 (371). *Istoriya*. Iss. 65, pp. 77-82.

Поступила в редакцию / Received

10 октября 2017 г. / October 10, 2017

ПОХОДЫ 50-Х ГОДОВ XVI ВЕКА НА КРЫМ В МОСКОВСКОМ ЛЕТОПИСАНИИ

© 2017 г. А.С. Новолодский ^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

MILITARY CAMPAIGNS IN 50-IES OF XVI CENTURY TO THE CRIMEA IN THE MOSCOW CHRONICLE

A.S. Novolodskiy ^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Новолодский Алексей Сергеевич –
аспирант,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: sdfh.92@mail.ru

Alexey S. Novolodskiy -
Postgraduate,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: sdfh.92@mail.ru

Одной из главных задач внешней политики во время правления Ивана Грозного было ведение борьбы с нашествиями крымских и казанских татар, которые беспрестанно разоряли граничащие с ними окраины русского царства и уводили в плен большое количество русского населения. Но в годы царствования Ивана Грозного московскому правительству удается переломить ситуацию в свою пользу. В 1552 г. Казанское царство было покорено, а с середины 50-х гг. XVI в. по приказу московского правительства царские войска начинают проводить наступательные операции на Крымское ханство, что широко отражено в московском летописании. В данной статье проводится исследование московских сводов, с целью выявления сведений о походах 50-х гг. XVI в., их задачах и результатах, восприятии в народном сознании.

Ключевые слова: Крымское ханство, Русское царство, Иван Грозный, походы.

One of the main tasks of foreign policy during the reign of Ivan the Terrible was the struggle against raids by the Crimean and Kazan Tatars, who constantly ravaged them bordering on the outskirts of the Russian Empire and took in captivity a large number of the Russian population. But in the time of Ivan the Terrible reign, the Moscow government was able to refract the tide in their favor. In 1552 Kazan Kingdom was conquered, and since the mid 50-ies of the XVI century by order of the Moscow government the Tsar's troops began to conduct attacking operations in the Crimean Khanate. These campaigns of the Tsar's troops are widely reflected in the Moscow Chronicles. In this article we study the Moscow vaults, with the aim of identifying information about the campaigns of the 50-ies of the XVI century, their goals and results, the perception in the national consciousness.

Keywords: Crimean Khanate, Russian kingdom, Ivan the Terrible, campaigns.

В первой половине XV в. в результате распада Золотой Орды у южных границ русского государства образовалось сильное и богатое Крымское ханство [1, с. 416]. Крымские татары с самого зарождения их юрта начали совершать перманентные набеги на территорию Московского царства, и 50-е гг. XVI в. не стали тому исключением. Столь агрессивный и экспансионистский характер политики Девлет-Гирея, который в рассматриваемый период являлся правителем Крыма, В.В. Пенской объясняет стремлением хана посредством грабежа соседей-московитов

«поправить» экономику Крыма, отвлечь войной внимание своевольной татарской знати от придворных интриг, а также не допустить чрезмерного усиления России [2, с. 11]. Однако, как отмечал М.М. Щербатов, в годы правления Ивана Грозного русский народ прекращает «татарь страшиться» [3, с. 52]. Подтверждением тому стала серия походов на крымские улусы в середине 50-х гг., совершаемых царским войском впервые, что получило широкое освещение в московских летописях еще в годы правления Ивана Грозного.

Значительное внимание походам на Крым в эпоху Ивана Грозного уделяется в «Степенной книге царского родословия», где крымских татар летописец представляет в образе коварных и бесчестных «варвар», возглавляемых «безбожным царем». В 1556 г. русская армия совершает первый целенаправленный военный поход на Крым. Как отмечает В.В. Каргалов, в этот год «московское правительство» применяет новую тактику ведения борьбы с набегами крымских татар, и специально посылает «сильные полки» «в поле», которые бы «своими активными действиями» смогли «предупредить готовящийся поход крымского хана» [4, с. 139]. Действительно, как повествуется в летописи, известие о том, что «русское многое воинство идуць Днепромъ ко граду его» [5, с. 390], заставило Девлет-Гирея возвратиться в Крым. Но следует отметить и то, что крымский хан, придя «со всеми людьми» на Конские воды и имея в планах намерение совершить набег «на украины царя и великого князя на тульские места и на козельские» [5, с. 389], не решился «брань составить», выступившему в поход против него «благочестивому царю» Ивану, после чего «возвратися, и поиде на черкасы». По данным летописи, в походе на Ислам-Кирмень помимо русского воинства приняли участие «литовьстии казаки и черкаские» [5, с. 390]. Результаты предприятия были внушительные. Несмотря на то, что пришлось отражать сопротивление очаковского и тягинского воинства, затем вести шестидневный бой с силами крымского калги, пришедшего «со всеми крымскими людьми, и князьями, и мурзами», русским войскам удалось одержать над ними победу и у Ислам-Кирменя «коней множество и скота отгнаша», а «у града Ачакова острогъ взяша» [5, с. 390]. В то же время «инии воиньстии людие» царя водным путем ходили к «Керцю граду», где они «град» «повоевавши и языки поймавше» [5, с. 390].

Следующий 1557 г. был ознаменован новыми победами над Крымским ханством, когда «черкасы пятигорьские», которые в 1555 г. принесли добровольную присягу Ивану Грозному, «взяли два града крымьскихъ», которыми были «Темрюкъ да Томань» [5, с. 391]. В этом же 1557 г. Дмитрий Вишневецкий, пришедший «служити государю», с повеления царя совершает новый поход на крымские улусы, увенчавшийся тем, что князь «взяль градъ Исламъ-Кирмень» и получил поживу в виде пушек, которые он «вывезъ к себе на Днепръ» [5, с. 391].

В 1559 г. Дмитрий Вишневецкий, как отмечает летописец, совершил другой поход на крымские улусы и разбил крымские силы «на Аидаре близъ Азова», направившиеся «на казаньские места». В тот же год «воинство государево» по «велинию» царя морским путем совершило поход на «Ярлагашь островъ», где «многия» стада верблюдов и коней «поимаша и побиша», после направились «на Кременчикъ, да на Кошкарлы, да на Коголникъ», где «поеваша многия улусы» [5, с. 402]. В летописи довольно подробно излагается маршрут похода «воинства государева», который был также успешен, как и предыдущие. Русской армии удалось взять крымских татар в плен, а русских и литовских людей «отпленити». Кроме того, «мнози татарове» войска были побиты «ис пищалеи». Этим русская сторона еще раз заявила о превосходстве своей силы над крымской. Благодаря оборонительным и наступательным операциям царского войска, отмечает В.П. Загоровский, «к 1559 г. Российское государство в борьбе с Крымским ханством прочно овладело инициативой» [6, с. 133].

Последующее упоминание о походах на крымские улусы содержится в Степенной книге под 1560 г., на котором летописец и оканчивает свое повествование. Согласно летописи, в походе против крымских улусов принимали участие «атаманы» «царя и великого князя», «казаки черькасьские», а также «сами мурзы» ногайские. Желание мурз служить «на имя царя и великого князя» и выступить «вкупе» с русским воинством против недавнего своего союзника возможно объяснить произошедшими событиями в 1559 г., «тогда царь въ Крыме у себя нагаискихъ мурзъ многихъ побиль» [5, с. 403]. Результат предпринятого похода и на этот раз оказался впечатляющим. Большое количество крымских и ногайских людей было «побиено», а «многия улусы взяша» [5, с. 404].

Отражены походы русской армии на крымские улусы и в «Летописном сборнике, именуемом Патриаршею или Никоновскою летописью», автор которой, как и автор Степенной книги, представляет официальную точку зрения московского правительства на русско-крымские отношения.

Крымские татары в Никоновской летописи представлены в образе врага русского царства, возглавляемые заместником дьявола на земле. По словам автора, «крымский царь» являлся исполнителем воли сатаны, беспрестанно наводившего «лютую брань» на русские земли. Поэтому

борьба с крымских ханством воспринимается необходимым и правомерным действием.

Первое упоминание о «посылке государской на стада на Крымские» в летописи содержится под 1555 г. Летописец приводит подробный список воевод, принимавших участие в походе, из чего возможно установить, что на Крым было послано достаточно большое количество русского войска во главе с воеводой большого полка Иваном Васильевичем Шереметьевым. Как отмечает В.В. Пенской, «конечной целью похода, согласно Никоновской летописи и разрядным записям, был захват татарских табунов, что паслись на так называемом Мамаевом лугу на левобережье Днепра в его низовьях, и одновременно стратегическая разведка намерений крымского хана» [2, с. 16]. Однако поход не состоялся, поскольку Шереметьев из-за полученного известия о шествии крымского хана «къ Резаньскимъ или к Тулскимъ украинамъ» был вынужден повернуть войско обратно под «сакму», с той целью, чтобы не допустить нашествие крымских татар на русские земли. Из последующего сообщения известно, «что Иванъ, идучи за царемъ, посылалъ на кошь на его головы, а съ ними детей боярскихъ многихъ», которые «кошь взяли, лошадей съ шестьдесятъ тысящ да аргомаковъ з двести да восемьдесятъ верблюдовъ» [7, с. 257], а также взяли «двадцать языковъ», которые поведали воеводам о шествии крымского хана под Тулу.

Походы на крымские улусы продолжались и в 1556 г., когда произошло сразу несколько походов. Один из них был совершен все тем же Шереметьевым, нанесшим «с товарищами» «бесчестие и убытки» крымскому хану [7, с. 261]. Другой поход, согласно Никоновской летописи, совершает «диак Ржевский» «съ казаки», которого Иван Грозный посылает под улусы крымские для разведки о намерениях крымского хана, поскольку тот, как стало известно по слухам, собирается ранней весной «со всеми людьми» выступить на «украины» русского царства. С этой же целью «вниз по Дону» царь послал Данилку Чулкова да Иванку Малцова [7, с. 269]. Результатом разведывательной кампании прежде всего стало подтверждение данных слухов. Ржевский в своем письме к царю из Мамайлугу сообщил о том, «что къ нему полоняники прибежали» и известили, «что Крымской царь собрався», «вышелъ на Конские Воды со всеми людми», и планирует направиться на русские «украины» [7,

с. 270]. Подтвердил эти сведения и Данилка Чулков, который наголову разбил вблизи Азова «двесте человек Крымцовъ» и из их числа девять «языковъ» отправил к Ивану Грозному. Однако плененные крымские татары поведали и про то, что хан, узнав от русских «языковъ» о выступлении Ивана Грозного против него, сначала повернул «на Черкасы», а затем вовсе развернулся в Крым, поскольку получил известие, «что видели многихъ людей Рускихъ на Днепре къ Исламъ-Кирмену» [7, с. 271]. Как указывает летописец, крымский хан не решился выступить против царского войска по той причине, что в тот год его «многие люди поветрием померли». А «русскими» оказался отряд Ржевского, к которому примкнули «Литовские люди, атаманы Черкаские», «а съ ними триста казаковъ Черкасъ Коневскихъ» [7, с. 271]. Летописец достаточно подробно излагает поход Ржевского к Ислам-Кирмену и Очакову, в результате которого были побиты и татары, и отряд санчаков Очаковского и Тягинского «со многими людьми», и многие люди пришедшего калги крымского. Так же как и в Степенной книге, в Никоновской летописи упоминается о том, что русское войско сначала под Ислам-Кирменем коней и «многой животины» отогнали, а затем «отогналъ ночью Дьякъ у Крымцовъ стада конские да на островъ къ себе перевезъ» [7, с. 271]. Давая оценку разведывательному походу Ржевского, В.В. Пенской заключает, что данная кампания показала чрезвычайное болезненное отношение крымского хана «даже к одной только угрозе нападения на его владения, не говоря уже о тех случаях, когда Крымский улус действительно подвергнется нападению со стороны русских или их союзников» [2, с. 24]. Кроме того, разведывательная кампания предотвратила новый поход крымского царя, потому что «бережется царь Крымской на себя приходу отъ царя и великого князя» [7, с. 272]. По летописным сведениям, в тот же год состоялся еще один поход. Совершил его Мишка Черкашенин со своими казаками, который морем приходил под Керец, где «повоевалъ и отошелъ здорово» [7, с. 272]. Вероятно, что целью похода была также разведка. Об этом свидетельствует то, что Черкашенин выступил «въ то же время, какъ Диакъ былъ подъ Исламъ-Кирмень», и присылка двух языков к царю, которые поведали «то же, что и прежние».

Как и в «Степенной книге», автор «Никоновской летописи» под 1557 г. сообщает о походе

против крымских улусов дьяка Ржевского, который «Крымскихъ людей побилъ и въ Путивль съ Поля пришелъ» [7, с. 275], и пятигорских черкес, взявшие два крымских городов «Темрюкъ да То-мань» [7, с. 277]. Следует отметить, что по данным свода, как и по сведениям «Степенной книги», пятигорские черкесы являлись на этот момент подданными русского царя, добровольно принявшие подданство в 1555 г. Автор «Никоновской летописи» под 1557 г. повествует и о походе Дмитрия Вишневецкого, о котором, как ранее было отмечено, упоминается и в «Степенной книге». Летописец сообщает, что «пошелъ воевати» крымские улусы и «подъ Исламъ-Кирмень» князь Дмитрий Вишневецкий, который от «короля из Литвы» в тот же год пришел служить к царю [7, с. 276]. Поход князя был весьма результативным. В летописи свидетельствуется, что «князь Дмитрей городъ взялъ Исламъ-Кирмень и людей побилъ и пушки вывезъ къ себе на Днепръ» [7, с. 277].

Князь Вишневецкий на крымские улусы Иваном Грозным был послан и в 1558 г., которому государь велел «стояти на Днепре и беречи своего дела надъ Крымскимъ царемъ» [7, с. 287]. Совместно с князем Иван Васильевич отправил достаточно большое войско. Летописец приводит подробное его описание: «да со княземъ Дмитреемъ же государь отпустилъ Игнатиа Заболочского з жилцы, да Ширия Кобякова з детми з боярьскими, да и Данила Чюлкова да Юрья Булгакова и иныхъ атамановъ съ казаки, да сотцкихъ съ стрелцы» [7, с. 287]. Велел царь выступить с князем и кабардинским черкесам. Во время похода к князю присоединился со своим отрядом дьяк Ржевский. Однако большую часть войска Вишневецкий отпустил к царю, а у себя оставил «немногихъ людей», с которыми и направился «летовати Ысламъ-Кирмень» [7, с. 296]. На этот раз результаты наступательной кампании Вишневецкого были скромными, поскольку «царь Крымской улусы все забилъ за Перекопъ, а самъ въ осаде былъ» [7, с. 296].

О походах царского войска на крымские улусы повествуется и в «Лицевом летописном своде XVI в.», в котором также представлена официальная точка зрения о противоборствах Ивана Грозного с крымской стороной. Следует отметить, что, поскольку, как указывает Б.М. Клосс, «текст Летописного свода представляет по существу особую редакцию Никоновской летописи» [8, с. 209], приводимые летопис-

цем сведения о наступательных операциях царского войска практически идентичны с уже представленными выше сведениями Никоновской летописи. Но сведения Лицевого свода интересны тем, что в них отражено восприятие происходящих событий. Так, летописец указывает, что походы на Крым, где «русская сабля не бывала» с того момента «как юрт Крымский образовался», в народном сознании воспринимались богоугодным делом, с помощью которого было совершено воздаяние «за кровь христианскую нечестивым» [9, с. 161–162].

Таким образом, московские летописи достаточно подробно освещают походы царского войска под крымские улусы. В сводах имеется информация о составе армии и воеводах, приводятся достаточно подробные маршруты царского войска, имеются указания о сражениях, результатах похода. Безусловно, в летописях отражена официальная точка зрения на происходившие события. Данные летописей позволяют установить, что походы 50-х гг. XVI в. на Крым осуществлялись с целью разведки и сдерживания крымской силы, которые в народном сознании воспринимались правомерным возмездием за нанесенные разорения русской земли, пленение и убийство русских людей. Следовательно, в сознании народа крымская сторона воспринималась в качестве агрессора, вынудившая московское правительство принимать радикальные меры.

Литература

1. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и её падение. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 505 с.
2. Пенской В.В. Иван Грозный и Девлет-Гирей. М. : Вече, 2012. 332 с.
3. Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. Т. 5, ч. 2. СПб. : Императорская академия наук, 1789. 575 с.
4. Каргалов В.В. На степной границе (Оборона «крымской украины» Русского государства в первой половине XVI столетия). М. : Наука, 1974. 184 с.
5. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. II : Степени XI–XVII. М. : Языки славянской культуры, 2008. 565 с.
6. Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1991. 272 с.

7. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. 13. М. : Языки славянской культуры, 2000. 254 с.

8. Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М. : Наука, 1980. 312 с.

9. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Кн. 23. М. : Общество любителей древней письменности, 2014. 522 с.

References

1. Grekov B.D., Yakubovskii A.Yu. *Zolotaya Orda i ee padenie* [Golden Horde and its Fall]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1950, 505 p.

2. Penskoï V.V. *Ivan Groznyi i Devlet-Girei* [Ivan the Terrible and Devlet Giray]. Moscow: Veche, 2012, 332 p.

3. Shcherbatov M.M. *Istoriya rossiiskaya ot drevneishikh vremen* [History of Russia from the Earliest Times]. Vol. 5, part 2. Saint Petersburg: Imperatorskaya akademiya nauk, 1789, 575 p.

4. Kargalov V.V. Na stepnoi granitse (Oborona «krymskoi ukrainy» Russkogo gosudarstva v pervoi

polovine XVI stoletiya) [On the Steppe Border (Defense "of the Crimean Ukraine", the Russian State in the First Half of the XVI Century)]. Moscow: Nauka, 1974, 184 p.

5. *Stepennaya kniga tsarskogo rodosloviya po drevneishim spiskam* [The Book of Degrees of Royal Genealogy in the Ancient Lists]. Vol. II: Stepeni XI–XVII [Degrees XI–XVII]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2008, 565 p.

6. Zagorovskii V.P. *Istoriya vkhozheniya Tsentral'nogo Chernozem'ya v sostav Rossiiskogo gosudarstva v XVI veke* [History of the Entry of the Central Chernozem Region into the Russian State in the 16th Century]. Voronezh: Izd-vo VGU, 1991, 272 p.

7. [Chronicle Collection, Called the Patriarchal or Nikon Chronicle]. *PSRL*. Vol. 13. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2000, 254 p.

8. Kloss B.M. *Nikonovskii svod i russkie letopisi XVI–XVII vv.* [Nikon's Code and Russian Chronicles of the XVI–XVII Centuries]. Moscow: Nauka, 1980, 312 p.

9. *Litsevoi letopisnyi svod Ivana Groznogo* [The General Chronicle Code of Ivan the Terrible]. Book 23. Moscow: Obshchestvo lyubitelei drevnei pis'mennosti, 2014, 522 p.

Приглашаем к дискуссии

ИЗ ИСТОРИИ «ВЕЧНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ»: АТЕИЗМ И КЛЕРИКАЛИЗМ В СОВЕТСКО-РОССИЙСКОМ СОЦИУМЕ

© 2017 г. К.А. Юдин ^а

^а Ивановский государственный университет, Иваново, Россия

FROM THE HISTORY OF «ETERNAL CONFLICT»: ATEISM AND CLERICALISM IN THE SOVIET-RUSSIAN SOCIUM

K.A. Yudin ^а

^а Ivanovo State University, Ivanovo, Russia

Юдин Кирилл Александрович –
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории России,
Ивановский государственный университет,
ул. Ермака, 39, г. Иваново, 153025, Россия.
E-mail: yudin-kir88@yandex.ru

Kirill A. Yudin -
Candidate of History, Associate Professor,
Russian History Department,
Ivanovo State University,
Ermaka St., 39, Ivanovo, 153025, Russia.
E-mail: yudin-kir88@yandex.ru

Рассматриваются атеизм и клерикализм как феномены советско-российской действительности, а также проблемы их сосуществования в историко-философской ретроспективе. Предпринята попытка коснуться гносеологического потенциала научно-атеистической парадигмы, осуществить экспертизу ее ценности, очищенной от идеологических и политических искажений, целенаправленных фальсификаций.

Анализируются особенности государственно-церковных отношений и восприятия атеистического и клерикального мировоззрений на разных исторических этапах развития общественной мысли, каждый из которых может быть представлен как определенная веха «вечного противостояния». Оно принимало формы идейно-теоретической и социально-политической конфронтации, проходившей как на общегосударственном уровне в виде институализированного антагонизма противоположных элементов политико-информационного пространства, так и в ходе межличностной оппозиции клерикалов и атеистов.

Особое внимание уделяется проблеме сущности атеизма, дается авторская концептуальная дефиниция. В соответствии с ней, атеизм рассматривается как научный и идеологический феномен. Раскрывая амбивалентность советского атеизма, критически оценивая инициированные государством антирелигиозные кампании и практики, автор приходит к твердому убеждению о высокой общей гносеологической, историографической и гуманистической ценности атеизма как парадигмы, опирающейся на научные знания и результаты исследований.

Это позволяет прийти к выводу о ее объективной прогрессивности, перспективности как идейно-мировоззренческой основы, способной выступить достойной альтернативной клерикальной идентичности и социальной организации, являющейся в современных условиях главным коллективным субъектом-актором реидеологизации, узурпировавшим право на конструирование гражданского общества.

Ключевые слова: атеизм, клерикализм, религия, наука, реидеологизация, государственно-церковные отношения, антирелигиозные кампании, гражданское общество.

The article is devoted to atheism and clericalism as the phenomena of the Soviet-Russian reality, the problems of their co-existence in the history of philosophy retrospect. The author attempts to touch the epistemological potential of scientific and atheistic paradigm to implement expertise of its value, free of ideological and political distortions, targeted falsifications.

For this purpose, the features of state-church relations and the perception of atheistic and clerical worldviews at different historical stages of development of social thought are analyzed, each of which can be considered as a definite milestone of «eternal confrontation». It took the form of ideological, theoretical and socio-political confrontation, which took place both at the national level in the form of institutionalized antagonism of opposing elements of the political and information space, and during the interpersonal opposition of clericals and atheists.

Particular attention is paid to the problem of the essence of atheism, the author's conceptual definition is given. In accordance with it, atheism is regarded as a scientific and ideological phenomenon. Disclosing the ambivalence of soviet atheism, critically assessing the anti-religious campaigns and practices initiated by the state, the author comes to

a firm conviction about the high general epistemological, historiographical and humanistic value of atheism as a paradigm based on scientific knowledge and research results.

This allows us to come to the conclusion that it is objective progressive, promising as an ideological and ideological basis capable of acting worthy of an alternative clerical identity and social organization, which in modern conditions is the main collective actor of re-ideologization that usurped the right to design civil society.

Keywords: *atheism, clericalism, religion, science, re-ideologization, state-church relations, anti-religious campaigns, civil society.*

Прошло уже более четверти века с момента внутреннего распада и исчезновения с историческо-геополитической сцены такого крупнейшего субъекта, как Советский Союз, но до сих пор еще коллективная, социальная память не только не пришла в состояние умиротворенной монологичности и общности идейно-историографического рельефа, но, напротив, продолжает пребывать в крайне угнетенном и возбужденном состоянии.

Начавшаяся в конце 1980 – 1990-х гг. *деидеологизация*, не получившая логического продолжения, была целенаправленно свернута, уступив место другому патологическому процессу – *реидеологизации*. Его главным субъектом-актором стало все клерикальное сообщество, под которым мы понимаем и РПЦ, и весь спектр доктрин, конфессий теолого-эзотерического толка и их adeptов, чья деятельность носит либо характер персональной религиозной индоктринации и модальности мировоззрения, либо организованной оккультно-сектантской практики, принимающей масштабы нового идеологического диктата и монополизма крайне агрессивного-навязчивого характера. По свидетельству В.Л. Гинзбурга, даже многие ученые в РАН уходят от ответа на вопрос о мировоззрении. «Атмосфера в обществе такова, – писал он, – что люди боятся признаваться в собственном атеизме» [1], что подтверждается данными социологических исследований, показывающих индифферентность к вопросу о мировоззрении половины респондентов и отрицательного отношения к атеистической этике – со стороны трети опрошенных [2].

На причины такой косности рассудка, встречающегося даже в близкой нам научной среде, отчасти проливает свет хорошо документированная монография Г.Е. Горелика, в которой он приводит следующие мысли: «Кредо Эйнштейна: “Господь изощрен, но не злонамерен”. Друга его, атеиста М. Соловина, беспокоило, что в подобных шутках слишком большая доля религии. Эйнштейн пояснял, что “не нашел лучшего слова, чем “религиозная”, для уверенности в рациональном характере реальности, доступной

человеческому уму, а там, где это чувство отсутствует, наука вырождается в бескрылый эмпиризм”» [3].

Таким образом, в данном случае консервация и настойчивое воспроизведение так называемого «религиозного мышления» происходят из почти детской фобии перед впадением в избыточный рационализм. Ссылки на «волю господ бога», «провидение» якобы представляют собой вполне невинный «технический дискурс», способный нейтрализовать позитивистский сциентизм и тем самым выполнить функцию по указанию на неисчерпаемые возможности познания и незавершенный характер полученных результатов, не всегда совпадающих с «верой» в их масштабы и горизонты. «Вера и знание сотрудничают в науке: вера определяет начало и энергию исследования, а знание – его итог» [3], – комментирует Г.Е. Горелик. В этом можно увидеть тенденцию к проявлению уже давно описанной так называемой «новой стратегии», выработанной клерикалами и с ними солидаризирующимися учеными, придерживающимися политики «двойных стандартов», заключающейся в стремлении доказать «идентичность» современной науки и религии, «эквивалентность религиозной и научной веры» [4, с. 436], что подкрепляется комплексными фальсификациями научно-атеистической парадигмы [5].

Перед нами – очередная *эквивокация*, когда происходит подмена прогностических ожиданий, надежды и убежденности в правильности осуществленных расчетов и соизмеряемых с ними интуитивных предположений (предчувствий) на религиозный мистицизм, «веру» в раскрытие «установленного свыше» закона природы. Получается нечто вроде «научной теодицеи» – антиномичного и взаимоисключающего сплетения познания, критического мышления и психологического самовнушения в то, что всему этому имплицитно якобы способствует некий «трансцендентальный коррелят», приподнимающий завесу тайны мироздания только человеку, верующему в их наличие. Подобный «синкретический эклектизм» [6, с. 7] по сути мало чем от-

личается от позиции известных мыслителей Нового времени Б. Спинозы и Г. Лейбница (а вслед за ними – Шеллинга и Фихте), решавших противоречие между *разумом* и *верой*, между *реальным* и *идеальным* предельно просто: либо с помощью произвольного паллиатива «торжества неразличимого», гарантируемого «предустановленной гармонией» (*harmonia praestabilita*) [7, с. 65–66], или же вербально-семантического пантеистического смещения – именованного мира «богом», насилия – «правом» и т.д.

Это, конечно, было очень удобным спекулятивным приемом, позволявшим искусственно соединить научное познание и «богопознание», проистекающих из «книги Природы» и библии, у которых якобы «один автор» [3]. Поэтому можно согласиться с Л.Н. Митрохиным, считавшим, что применительно к советско-российскому культурно-историческому пространству «ломка государственного репрессивного механизма привела к тому, что все загнанные внутрь противоречия вышли наружу, воспроизводя феодальные, а порой и родоплеменные социальные связи и обычаи, гальванизируя лишь по видимости вытесненные архаические формы сознания, психики, межличностных отношений и, естественно, – религии» [8, с. 176].

В результате началась информационная война, по сути объявленная клерикалами мировому сообществу, выражающаяся в настойчиво внедряемой *когнитивной диверсии*, когда атеизм, в том числе и советский, рассматривается как искусственно сконструированный идеологический дискурс, обусловленный исключительно коммунистической пропагандистской установкой на «безбожие», являющейся враждебной инсинуацией ученых-марксистов, якобы бессильных доказать отсутствие бога, «наличие» которого легко удостоверялось «методом» Квинта Септимия Тертуллиана – «*Credo quia absurdum*».

В качестве «аргументов» помимо реанимации классической позднеантичной и средневековой схоластики, распространенной и в Новое время, выводящей существование «бога» только из имени-симулякра, либо из утверждения о его («бога») тотальной имманентности (пантеизм) или, наоборот, трансцендентности (гипостаз о внешнем, персонифицированном «абсолютном духе»), а также демагогии о примате национально-конфессиональной идентичности, фигурировали факты о насильственных методах проведения атеистической политики в советский период времени.

Тем самым был создан нужный *медиативный эффект*, лежавший в основе постсоветского «клерикального ренессанса», обеспеченного с помощью непрерывной трансляции продукта *эквивокации* – подмены независимой экспертизы сущности атеизма и его аксиологической парадигмы тенденциозным критицизмом, перерастающим в навешивание ярлыков, обвинения атеистов в «бездуховности», а научного мышления и методологии – в совершенно не противоречащей или даже совместимой с теологией и его крайней формой – креационизмом. Мировое сообщество вступило в эпоху *энтропийного релятивизма* и интеллектуального анархизма, основанного на *историцистических* манипуляциях, руководствующихся принципом-лозунгом – «все дозволено». Ответом на подобные позиции могут выступать следующие «контрположения».

Во-первых, атеизм – это не идеология, не очередная дискурсивно-субъективная самоидентификация, не «вера» в отсутствие бога и его обличий. Это адекватная и обоснованная реакция со стороны интеллектуального сообщества и прогрессивной общественности, заключающаяся в осознанном противодействии лженаучным спекуляциям – обскурантизму, выражающемуся в неправомерной дискредитации научных знаний, подменяющихся (или что еще более аморально – смешивающихся) с религиозной догматикой и мифотворчеством усилиями их адептов, преследующих независимо от конфессиональной принадлежности единственную цель – создание корпоративной псевдоэлитарности, претендующей на информационно-идеологическую и политическую гегемонию.

Во-вторых, советский атеизм носил *амбивалентный* характер – был одновременно и научным, и идеологическим феноменом. Можно сказать, это был парадоксальный случай симбиотического сплетения двух уровней познаний действительности, сложного и порой трагического сосуществования, при котором идеология не только не являлась препятствием для научного поиска, тяготеющего к здравому смыслу, нахождению *истины* и *объективной оценке действительности*, но и напротив, стимулировала его силу и гносеологический масштаб, связанный с разоблачением деструктивной сущности клерикализма, глубокой патологии так называемого «религиозного мышления», основанного на страхе перед последствиями невыполнения воли вымышленных фантастических существ всевозможной разновидности (или их «представителей») «божественного пантеона».

Все это объяснялось тем обстоятельством, что цели и приоритеты марксистско-ленинской идеологии и советского режима, ее воспринявшего, рассматривавших церковную организацию одновременно и как нежелательного конкурента, претендующего на свою нишу в информационном пространстве, и как подлинно реакционный институт – носитель/источник квазидуховности – совпадали с научно-атеистической парадигмой, лежавшей, помимо всего прочего, преимущественно в русле материалистической философии, не существовавшей, как всегда признавала советская историография, «вне прогресса общественных и естественных наук» [9, с. 32].

В-третьих, исходя из этого, полагаем, что, несмотря на вышеизложенное утверждение о сущности советского атеизма, выступающего в качестве как научного, так и идеологического феномена, каждый из этих уровней получал условно относительную самостоятельность и соответственно – специфику, характер и диапазон влияния как сегмент политико-информационной работы в рамках всей системы.

Крайний идеологический фанатизм в СССР нашел свое выражение в откровенном государственном вандализме и экстремизме – физическом устранении или пожизненном преследовании служителей культа, реквизициях церковных ценностей, а также не только в закрытии в рамках «дел о прекращении колокольного звона», но даже в уничтожении монастырей как памятников архитектуры. Все эти акции стали своего рода пролегоменами к многообещающему и желанному целеполаганию – «добиться того, чтобы имя Божие в России вообще перестало упоминаться» [10, с. 190] уже к 1937 г.

Однако, как известно, в условиях Великой Отечественной войны удар безбожной «пятилеткой по религии» не только не был продолжен, но, напротив, И.В. Сталин пошел на недопустимую идеологическую капитуляцию, разрешив в 1943 г. избрание нового патриарха, а также дав санкцию на фактическую легализацию государственно-церковных отношений путем создания специализированной структуры-посредника – Совета по делам религии при Совете Министров СССР, и на признание церковной организации как юридического института, что выразилось в делегированном праве патриархии на создание банковского счета для внесения пожертвований в Фонд Оборон.

Но фактически для *исторической, социальной памяти* – это стало серьезной интоксикацией,

поскольку тем самым была продемонстрирована патологическая зависимость советско-российского патриотизма от клерикальной идентичности. В период нахождения у власти Н.С. Хрущева начался новый виток эскалации антиклерикализма, также приобретшего конъюнктурно-идеологический характер. Призыв, объявленный Постановлением ЦК КПСС от 04.10.1958 г. «О записке Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам “О недостатках научно-атеистической пропаганды”» с императивом придать воздействию на церковь наступательный характер концентрированной атаки против служителей культа и их корпоративного социума, можно рассматривать скорее как часть демонстративно форсированного процесса десталинизации и развития утопии по построению коммунистического общества, вдохновленного идеократическим популизмом Н.С. Хрущева.

В брежневскую эпоху это сменилось инерционной «доктриной сдерживания» информационного влияния РПЦ, а в перестройку – вся идеологическая стратегия окончательно была дискредитирована борьбой между консервативным направлением и сторонниками «нового политического мышления», либерализации отношений государства с церковью. Как отмечали М.И. Одинцов [11, с. 9] и Л.А. Королева, А.А. Королев, О.В. Мельниченко [12, с. 124], в результате религиозный вопрос везде стал заложником политических и идеологических столкновений властных элит, партийно-номенклатурных игр, решался зачастую в угоду «злобе дня».

Тем не менее осмелимся утверждать, что и советский атеизм, и его правопреемник в лице российского социума антиклерикалов всегда сохраняли и продолжают сохранять объективную, неидеологизированную *прогрессивную* парадигму. Еще Е.М. Ярославский, выступая в июле 1924 г. перед сельскими учителями, признавал, что «антирелигиозная пропаганда заключается не в том, чтобы мы говорили против бога... а в том, чтобы добиться ясного понимания отношений человека к природе и человека к человеку». Первоочередной задачей, полагал он, была замена «религиозного миропонимания миропониманием научного характера» [13, с. 24]. С этой целью деятельность созданного в 1925 г. Союза безбожников, переименованного в 1929 г. в Союз воинствующих безбожников (СВБ) носила не узкорпоративный, а организованный характер, и вся атеистическая пропаганда с этого момента «приобретала систематический и плановый характер» [14,

с. 122], опирающийся на разветвленный институциональный аппарат трансляции именно *научных знаний*, сохранявших самостоятельную ценность, автономию и значение даже внутри партийного дискурса.

Так, существовавшие в СВБ отделы – агитационно-массовый, межрабсвязи, инфосектор, нацотдел, школьно-пионерский – находились под постоянным контролем и руководством со стороны «профессиональных» атеистов, подготовку которых обеспечивали курсы антирелигиозников исторического отделения факультета языкознания и материальной культуры Ленинградского государственного университета, в 1930 г. при Коммунистической академии возникло Общество педагогов-марксистов [15, с. 32]. В 1947 г. было образовано Всесоюзное общество «Знание», а в 1964 г. – для координации научной работы по атеизму был создан специализированный Институт научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС. Его печатной трибуной стал издававшийся с 1966 по 1989 г. журнал «Вопросы научного атеизма», перед которым были поставлены фундаментальные цели – «исследование философских проблем теории научного атеизма, освещение истории религии и атеизма, критика современной религиозной идеологии, обобщение опыта научно-атеистического воспитания» [16, с. 3]. С 1959 г. и до сих пор издается журнал «Наука и религия». За годы существования этих научно-атеистических учреждений и периодических изданий была проделана огромная работа, связанная с конструктивным преодолением религиозных предрассудков и мировоззрения как такового. Об этом говорит широкий спектр проблем, поднимавшихся в указанных изданиях, а также специализированных библиографических сборниках [17].

Советские исследователи поднимали вопросы о происхождении, сущности религиозного сознания и культовых практиках в историко-философской и психологической ретроспективах. Они разоблачали многочисленные попытки фальсификации научного атеизма и естествознания, связанные со стремлением клерикалов замаскировать свои догматы в наукообразный дискурс, в частности с помощью отождествления биологической эволюции с идеей «творческой эволюции», проистекающей из «божественного замысла», раскрывающегося за 6 дней не как календарных единиц, а многомерных, совпадающих со всей историей биосферы этапов раскры-

тия «воли творца» [18, с. 155], либо путем рассмотрения атеизма как прикладной «чистки умов» от идейных наслоений, приводящих не к безбожию, а к правильному пониманию «истин религии» [9, с. 3].

Большое внимание традиционно уделялось проблемам соотношения светской и религиозной этики, демонстрации суррогатного, вторичного и искусственного характера последней, основанной на ханжеском морализме, подчиненном исключительно внешнему стимулу-императиву – страху наказания за «неправедное поведение», либо корыстному расчету на «божественное воздаяние».

Важным направлением научно-атеистической историографии всегда выступало изучение организованной преступно-экстремистской деятельности клерикалов – церковной инквизиции [19], а также пагубное влияние религиозного мифотворчества на молодежь, особенно на несовершеннолетних, не обладающих еще должным уровнем интеллектуальной дееспособности, чтобы решить вопрос о мировоззрении. Разрабатывались и изучались способы-методики преодоления религии как идейного «вируса», поражающего сознание с раннего возраста [20, с. 389–405].

Таким образом, научный атеизм в советско-российском социуме обладает солидным гносеологическим потенциалом и перспективами, а все его наследие актуально и в настоящее время. Думается, что именно гуманистическая *интеграция различий*, осуществленная в ходе идейно-мировоззренческой «перезагрузки» на научно-атеистической основе, должна выступать фундаментом подлинного гражданского общества, свободного от бессмысленного столкновения и конфронтации, которые принимают новый импульс [21], на почве верности архаичным формам идентичности религиозного типа.

Литература

1. *Гинзбург В.* Страна просто погружается в мракобесие. URL: [http:// www.atheism.ru/library/Ginzburg_10.phtml](http://www.atheism.ru/library/Ginzburg_10.phtml) (дата обращения: 24.06.2017).
2. *Баёв П.А.* Атеизм и атеисты в современной России // Аналитика культурологии. 2011. Вып. 20. С. 124–130.
3. *Горелик Г.* Кто изобрел современную физику? Гл. 4. URL: http://ggorelik.narod.ru/Gloria/GGorelik_Kto_Izobrel_TOC_1-4.htm#4 (дата обращения: 05.04.2017).

4. Карлюк А.С. Очерки по научному атеизму. Минск : Изд-во АН БССР, 1961. 575 с.

5. Юдин К.А. Эпистемологическая критика фальсификаций научного атеизма или метаморфозы «религиозного ренессанса» в современной России // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33, № 1. С. 85–97.

6. Шопенгауэр А. Собр. соч. : в 6 т. СПб. : Республика, 2011. Т. 4. 398 с.

7. Лейбниц Г.Ф. Соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1989. Т. 4. 554 с.

8. Митрохин Л.Н. О религиозной ситуации в России // Уч. зап. Рос. гос. соц. ун-та. 2005. № 3. С. 170–178.

9. Кантеров И.Я. Факты против вымысла. Критический анализ «новейших» фальсификаций научного атеизма. М. : Политиздат, 1979. 78 с.

10. Федирко О.П. Общественная организация «Союз безбожников» в СССР // Вестник Академии. 2011. № 2. С. 188–191.

11. Одинцов М.И. Вероисповедные реформы в Советском Союзе и России. 1985–1997. М. : Древо жизни, 2010. 444 с.

12. Королева Л.А., Королев А.А., Мельниченко О.В. Эволюция советской государственно-конфессиональной политики в отношении русской православной церкви в 1985–1987 гг. // Социум и власть. 2012. № 4 (36). С. 119–124.

13. Ярославский Е. Задачи и методы антирелигиозной пропаганды. М. : Изд-во газеты «Безбожник», 1925. 36 с.

14. Гераськин Ю.В., Додурова О.А. Антирелигиозная пропаганда советской власти: формы и методы на примере Рязанской губернии (1928–1933 годы) // Проблемы современной науки. 2015. № 16. С. 116–122.

15. Маторин Н. Кузница безбожников // Антирелигиозник. 1929. № 1. С. 30–32.

16. Вопросы научного атеизма. Вып. 1. М. : Мысль, 1966. 472 с.

17. Боги не умирают сами: Что читать о религии и атеизме. Рекомендованный библиограф. указатель / под науч. ред. М.П. Новикова. М. : Книга, 1981. 112 с.

18. Вопросы научного атеизма. Вып. 2. М. : Мысль, 1966. 439 с.

19. Грекулов Е.Ф. Православная инквизиция в России. М. : Наука, 1964. 167 с.

20. Вопросы научного атеизма. Вып. 7. М. : Мысль, 1969. 471 с.

21. Следственный комитет России возбудил уголовное дело об оскорблении чувств неверующих. URL: <https://pravo.ru/news/view/145217/> (дата обращения: 19.10.2017).

References

1. Ginzburg V. *Strana prosto pogruzaetsya v mrakobesie* [The Country Simply Plunges into Obscurantism]. Available at: http://www.atheism.ru/library/Ginzburg_10.phtml (accessed 24.06.2017).

2. Baev P.A. Ateizm i ateisty v sovremennoi Rossii [Atheism and Atheists in Modern Russia]. *Analitika kul'turologii*. 2011, Iss. 20, pp. 124-130.

3. Gorelik G. *Kto izobrel sovremennuyu fiziku?* [Who Invented Modern Physics?]. Ch. 4. Available at: http://ggorelik.narod.ru/Gloria/GGorelik_Kto_Izobrel_TOC_1-4.htm#4 (accessed 05.04.2017).

4. Karlyuk A.S. *Ocherki po nauchnomu ateizmu* [Essays on Scientific Atheism]. Minsk: Izd-vo AN BSSR, 1961, 575 p.

5. Yudin K.A. Epistemologicheskaya kritika fal'sifikatsii nauchnogo ateizma ili metamorfozy «religioznogo renessansa» v sovremennoi Rossii [Epistemological Criticism of Falsifications of Scientific Atheism or Metamorphosis of the "Religious Renaissance" in Modern Russia]. *Vestnik SPbGU. Filosofiya i konfliktologiya*. 2017, vol. 33, No. 1, pp. 85-97.

6. Shopengauer A. *Sobr. soch.* [Col. works]: in 6 vol. Saint Petersburg: Respublika, 2011, vol. 4, 398 p.

7. Leibnits G.F. *Soch.* [Works]: in 4 vol. Moscow: Mysl', 1989, vol. 4, 554 p.

8. Mitrokhin L.N. O religioznoi situatsii v Rossii [On the Religious Situation in Russia]. *Uch. zap. Ros. gos. sots. un-ta*. 2005, No. 3, pp. 170-178.

9. Kanterov I.Ya. *Fakty protiv vymysla. Kriticheskii analiz «noveishikh» fal'sifikatsii nauchnogo ateizma* [Facts against Fiction. A Critical Analysis of the "Latest" Falsification of Scientific Atheism]. Moscow: Politizdat, 1979, 78 p.

10. Fedirko O.P. Obshchestvennaya organizatsiya «Soyuz bezbozhnikov» v SSSR [Public Organization "Union of Atheists" in the USSR]. *Vestnik Akademii*. 2011, No. 2, pp. 188-191.

11. Odintsov M.I. *Veroyispovednye reformy v Sovetskom Soyuze i Rossii. 1985–1997* [Religious Reforms in the Soviet Union and Russia. 1985-1997]. Moscow: Drevo zhizni, 2010, 444 p.

12. Koroleva L.A., Korolev A.A., Mel'nichenko O.V. Evolyutsiya sovetskoii gosudarstvenno-konfessional'noi politiki v otnoshenii russkoi pravoslavnoi tserkvi v 1985–1987 gg. [Evolution of the Soviet

State-confessional Policy Concerning the Russian Orthodox Church in 1985-1987.]. *Sotsium i vlast'*. 2012, No. 4 (36), pp. 119-124.

13. Yaroslavskii E. *Zadachi i metody antireligioznoi propagandy* [The Tasks and Methods of Anti-religious Propaganda]. Moscow: Izd-vo gazety «Bezbozhnik», 1925, 36 p.

14. Geras'kin Yu.V., Dodurova O.A. *Antireligioznaya propaganda sovetskoj vlasti: formy i metody na primere Ryazanskoj gubernii (1928–1933 gody)* [Anti-religious Propaganda of Soviet Power: Forms and Methods on the Example of the Ryazan Province (1928-1933)]. *Problemy sovremennoi nauki*. 2015, No. 16, pp. 116-122.

15. Matorin N. *Kuznitsa bezbozhnikov* [Forge of Atheists]. *Antireligioznik*. 1929, No. 1, pp. 30-32.

16. *Voprosy nauchnogo ateizma* [Questions of Scientific Atheism]. Iss. 1. Moscow: Mysl', 1966, 472 p.

17. *Bogi ne umirayut sami: Chto chitat' o religii i ateizme* [The Gods do not Die Themselves: What to Read about Religion and Atheism]. Recommended Bibliography Guidebook. Ed. by M.P. Novikov. Moscow: Kniga, 1981, 112 p.

18. *Voprosy nauchnogo ateizma* [Questions of Scientific Atheism]. Iss. 2. Moscow: Mysl', 1966, 439 p.

19. Grekulov E.F. *Pravoslavnaya inkvizitsiya v Rossii* [Orthodox Inquisition in Russia]. Moscow: Nauka, 1964, 167 p.

20. *Voprosy nauchnogo ateizma* [Questions of Scientific Atheism]. Iss. 7. Moscow: Mysl', 1969, 471 p.

21. *Sledstvennyi komitet Rossii vozбудil ugolovnoe delo ob oskorblenii chuvstv neveruyushchikh* [The Investigative Committee of Russia Started a Criminal Case on Insulting the Feelings of Unbelievers]. Available at: <https://pravo.ru/news/view/145217/> (accessed 19.10.2017).

Поступила в редакцию / Received

19 октября 2017 г. / October 19, 2017

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ECONOMIC SCIENCE

УДК 336

DOI 10.23683/0321-3056-2017-4-89-94

О ФАКТОРАХ, ПОВЛИЯВШИХ НА ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ «ХАВАЛА»

© 2017 г. А.И. Добаев ^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

ABOUT THE FACTORS THAT INFLUENCED THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE HAWALA SYSTEM

A.I. Dobaev ^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Добаев Андрей Игоревич –
кандидат экономических наук, эксперт,
Центр региональных исследований,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет,
ул. Пушкинская, 160, г. Ростов-на-Дону,
344006, Россия.
E-mail: andrros@gmail.com

Andrew I. Dobaev -
Candidate of Economics, Expert,
Centre for Regional Studies,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Pushkinskaya St., 160, Rostov-on-Don,
344006, Russia.
E-mail: andrros@gmail.com

На основании изученных произведений зарубежных и российских исследователей освещаются факторы, повлиявшие на формирование и развитие системы «хавала», в том числе вовлеченность стран Ближнего и Среднего Востока, на территории которых действует преобладающее число «хавалдаров» (операторов системы «хавала»), в торговые отношения в рамках существовавшего Великого Шелкового пути. Отдельно рассматривается исламский фактор, включающий морально-нравственные ценности источников мусульманства: Корана, Сунны, иджмы, мазхабов, кийасов, урфов, фикхов и примеров делового поведения Пророка, предопределивших постулаты понимания бытия в исламской экономике и примат таких категорий, как благотворительность, добропорядочность, честность. Изложенное оказало существенное воздействие на становление исламской экономической доктрины, которая определяет векторы текущего развития системы «хавала». Понимание важности исламского цивилизационного кода позволяет целостно воспринимать систему «хавала».

Ключевые слова: формирование и развитие системы «хавала», исламская экономика, закят, риба, гарар, мейсир, мушарака, системы переводов денег или ценностей, система «хавала».

In this article, the author, on the basis of the works of foreign and Russian researchers studied, highlights the factors that influenced the formation and development of the "hawala" system, including the involvement of the countries of the Near and Middle East, in which the prevailing number of "hawaladars" (operators of the "hawala" system), into trade relations within the existing Great Silk Road. The Islamic factor, which includes moral and moral values of Muslim sources: the Koran, Sunnah, ijma, madhhab, qiyas, urf, fiqh and examples of the business conduct of the Prophet, pre-determined the postulates of understanding life in the Islamic economy and the primacy of such categories as charity, integrity, honesty. This has had a significant impact on the establishment of Islamic economic doctrine, which determines the vectors of the current development of the "hawala" system. Understanding the importance of Islamic civilizational code makes it possible to take a holistic view of the "hawala" system.

Keywords: formation and development of the hawala system, Islamic economy, zakah, riba, gharar, maisir, musharaka, money or value transfer systems, hawala system.

«Хавала» является одной из систем, входящих в широкую категорию систем переводов денег или ценностей. Сформировалась под воздействием географического, торгово-экономического, этнического и исламского факторов.

Первые три фактора взаимосвязаны с вовлечением стран Ближнего и Среднего Востока, на территориях которых оперирует в настоящее время

существенная доля «хаваладаров» (операторы системы «хавала»), в торгово-экономические и культурные отношения в рамках великого шелкового пути, сформировавшегося в доисламский период и просуществовавшего более 15 веков (120 г. до н.э. – 1450 н.э.), выступавшего проводником распространения религий, технологий и инноваций среди стран Азии, Африки и Европы (рисунок).

Схема Великого Шёлкового пути / Scheme of the Great Silk Road

М. Шрамм и М. Таубе первыми предприняли попытку исследовать исторические начала и этимологию «хаваль». Ученые проанализировали целый ряд исламских классических источников и установили, что первое упоминание «хавалы» встретилось в 1327 г. в письменном тексте мусульманского ученого Абу Бакра б. Масуд аль Казани [1, с. 407]. Однако выводы, сделанные М. Шраммом и М. Таубе, оказались преждевременными. В частности, анализ хадисов в оригинале свидетельствует, что в начале VII века Абу Харайра получил инструкцию своего компаньона Пророка Мухаммада следующего содержания: «Промедление богатыми (в оплате долга) несправедливо, когда один из вас предъявляет (право требования долга) богатому человеку, то он должен принять его (перевод) к погашению» [2, р. 360–363].

В последующем, после смерти Пророка, исламские правоведы обозначили практику передачи долга как «аль-хавала». Весьма вероятно,

что эта система существовала еще до ее отражения в источниках мусульманства. Судя по современным источникам, сам Пророк был знаком с ней [3, р. 89].

Представляется целесообразным рассмотреть подробнее исламский фактор, оказавший воздействие на систему «хавала». Сабхи Лабиб подчеркивает, что в обществах, где зарождается ислам, происходит подъем деловой активности, увеличивается обмен товарами и услугами, возрастает влияние религии на развитие кредитно-денежных отношений [4, р. 80]. Как свидетельствует практика, ислам сделал возможным эффективное социоэкономическое взаимодействие и взаимную интеграцию купцов прежде всего по той причине, что привнес беспрецедентный потенциал выравнивания ранее существовавших культурных и лингвистических барьеров [5, р. 232]. Так, когда жители одного из ключевых городов торгового кластера принимали ислам, в интересах других было поступить аналогичным образом,

для того чтобы укрепить личные деловые связи и обеспечить общий мусульманский правовой фундамент, регулирующий торговые отношения.

Обращение в ислам таким образом способствовало формированию культурно-экономических связей между торговыми центрами и купцами портовых городов Индии, Среднего Востока и Средиземноморья, что расширяло зону торговли арабских, еврейских, армянских и индусских купцов. Кроме того, постоянно возрастающее число паломников со всего мира к святым местам Саудовской Аравии создавало условия для обмена информацией между купцами и изучения предложения товаров на местных рынках [6].

С экономической же точки зрения ислам сформировал институциональные рамки деловых отношений, что способствовало распространению доверия среди географически отдаленных друг от друга торговцев без создания и использования системы и инструментария принудительного исполнения [7, р. 40–52].

Ислам диктует примат нравственных ценностей над экономическими. В частности, Коран, Сунна, иджма (араб. – إجماع, англ. Idjma – согласие, единодушное мнение или решение авторитетных лиц по обсуждаемому вопросу, один из источников мусульманского права), мазхабы (араб. – مذهب, англ. – Madhhab – школа шариатского права в исламе), кийас (араб. – قياس, англ. – Qiya – суждение по аналогии, один из источников мусульманского права), урф (араб. – العرف, англ. – Urf – местный обычай, не противоречащий исламу), фикх (араб. – فقه, англ. – Fiqh – мусульманская доктрина о правилах поведения (юриспруденция), комплекс общественных норм (мусульманское право в широком смысле), примеры делового поведения Пророка, труды известных богословов, правоведов, философов образуют свод морально-нравственных законов, регулирующих поведение правоверных мусульман во всех сферах общественной жизни.

Экономики в государствах, где официальной религией является ислам, впитали в себя моральные и нравственные ценности из вышеуказанных источников мусульманства, что прежде всего касается осмысления важных нравственно-экономических категорий. Это [8, р. 82]:

– благотворительность (например, «вакф» (имущество, переданное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели) / араб. – وقف, англ. – Waqf, Wakf);

– объективность и добропорядочность (например, «халал» (дозволенные поступки по шариату) / араб. – حلال, англ. – Halal);

– строгие запреты (например, «харам» (в шариате – запретные действия) / араб. – حرام, англ. – Haram));

– порядочность и честность (например, «зулм» (жестокость, неправомерная эксплуатация) / араб. – ظلم, англ. – Zulm).

Следствием являются существующие основополагающие принципы и аксиомы исламской экономики [9]:

– единобожие (таухид, араб. – توحيد, англ. – Tawhid) выступает доминирующей и всеохватывающей этической составляющей, указывающей, что все люди, являясь детьми Аллаха, равны;

– социальная справедливость и социальная направленность (адала, араб. – عدالة, англ. – Adalah; ихсан араб. – حسان, англ. – Ihsan) в межличностных взаимоотношениях;

– гармоничный рост, непрерывное самосовершенствование (тазкийя, араб. – تزكية, англ. – Tazkiyah);

– создание предпосылок социуму (индивиду, обществу) в достижении своего превосходства (рубубийя, англ. – Rububiyah);

– свобода действий, но направленная на служение общественным интересам (фард, араб. – فرض, англ. – Fard);

– люди – наместники (уполномоченные) Аллаха на Земле (халифах, араб. – خليفة, англ. – Halifah / Khalifah) и должны исполнять и придерживаться этих принципов.

Всеобщая исламская декларация прав человека целостно и развернуто выражает существующую концепцию исламского экономического порядка [10]:

1. В своей хозяйственной деятельности все люди имеют право пользоваться природными богатствами. Это блага, данные Аллахом всему человечеству.

2. Все люди имеют право добывать средства к существованию в соответствии с законом.

3. Всякий человек обладает правом собственности, которой он владеет индивидуально или совместно с другими лицами. Национализация некоторых экономических средств в общественных интересах законна.

4. Бедняки имеют право на определенную часть состояния богатых, установленную закатом и выделяемую в соответствии с законом.

5. Все средства производства должны использоваться в интересах всей общины. Запрещается не принимать их в расчет или плохо ими распоряжаться.

6. Для обеспечения развития сбалансированной экономики и для защиты общества от эксплуатации исламский закон запрещает монополию, чрезмерно ограничительную коммерческую деятельность, ростовщичество, использование принудительных мер при заключении сделок и публикацию лживой рекламы.

7. Разрешены все виды экономической деятельности, если они не приносят вреда интересам общины и не нарушают исламские законы и ценности.

Современная исламская экономическая доктрина базируется прежде всего на Коране и Сунне, примерах делового поведения Пророка Мухаммада. По мнению ряда ученых, исламская экономика является одной из мусульманских наук, а исламская экономическая доктрина выступает составным элементом глобальной исламской концепции жизни правоверных мусульман. С учетом того, что доминирующий вклад к настоящему времени в исламскую экономическую доктрину внесли видные мусульманские богословы, правоведы и философы, объяснимо, что она вобрала в себя ценностные ориентиры, заложенные в Священном Коране, которые «определяют допустимые границы экономических мотиваций и инвестиционных решений и обосновывают морально аргументированную хозяйственную стратегию человека (предпринимателя) с целью обеспечения справедливого равновесия между материальными и духовными потребностями, а также между индивидуальными и общественными обязанностями человека» [11].

Необходимо констатировать, что система «хавала», которая зародилась ранее и развивалась одновременно со сформировавшейся в современном понимании исламской экономикой, вобрала в себя многочисленные культурно-религиозные особенности и закономерности, характерные для исламской экономики и финансов, а возможно, в какой-то мере повлияла на сегодняшние очертания последних [12, с. 97]. В этой связи представляется целесообразным осветить ключевые категории исламской экономики, которые в определенной мере оказывали воздействие на формирование и эволюцию системы «хавала» и продолжают влиять на систему. К ним следует отнести [13, с. 157]:

1. Закят (араб. – زكاة, англ. – Zakat – налог в пользу нуждающихся мусульман).

2. Рибба (араб. – ربا, англ. – Riba – увеличение долга против его первоначального размера).

3. Гарар (араб. – هي النقصان كما في مقاييس اللغة, англ. – Gharar – неадекватный риск).

4. Мейсир (араб. – وَالْمَيْسِر, англ. – Maysir (Maisir) – доход, образовавшийся в результате случайного стечения обстоятельств).

5. Мушарака (араб. – مشاركة, англ. – Musharaka – партнерство, сотворение, соучастие).

Таким образом, позиции исследователей системы «хавала» представляются неглубокими и фрагментарными в тех случаях, когда ее отдельные черты и преимущества перед другими системами переводов денег и ценностей, такие как невысокая стоимость услуг; переводы без комиссии (для бедняков); невзимание комиссии за совершение валютно-обменных операций; продажа касс хаваладарами друг другу без комиссии; быстрота переводов; эффективность переводов (постоянный доступ хаваладаров к иностранной валюте, более выгодный обменный курс и т.п.); существенная доля торговых схем уравнивания взаимных обязательств между хаваладарами; преимущественное уравнивание взаимных обязательств между хаваладарами адекватными по стоимости ликвидными активами; сохранность денежных средств в связи с неинвестированием их хаваладарами в рискованные виды бизнеса; симметричное распределение возникающих рисков (денежного депозита, хранения, окончательности, ликвидности, риска, потери основной суммы) между хаваладарами, трактуются в качестве исключительно эндогенных механических составляющих.

Фактически же система «хавала» значительно глубже. Так, являясь воплощением морально-нравственных ценностей источников мусульманства и центральных категорий исламской экономики, система и ее многочисленные элементы (включая наиболее важные в этом аспекте: платежный инструментарий хаваладаров, используемые ими схемы уравнивания взаимных обязательств) соответствуют исламским ценностным ориентирам, в связи с чем дробление системы на разрозненные элементы и их обособленное рассмотрение с позиций экономической эффективности без учета экзогенного исламского фактора уводит от всестороннего целостного подхода к изучению системы.

Литература

1. Schramm M., Taube M. Evolution and Institutional Foundation of the Ha-wala Financial System // *International Review of Financial Analysis*. 2003. № 4, vol. 12.
2. Sahih Bukhari (AD 810 – 870) Vol. 3, book 41 (Loans, payment of loans, freezing of property, bankruptcy), №. 585. Ibn Rushd (AD 1126 – 1198) The Distinguished Jurist's Primer: A Translation of Bidayat Al-Mujtahid wa Niha-yat al-Muqtasid (Great Books of Islamic Civilization).
3. Thompson E. Trust is the Coin of the Realm: Lessons from the Money Men in Afghanistan. Oxford University Press, 2011.
4. Subhi Y. Labib. Capitalism in Medieval Islam // *The Journal of Economic History*. 1969. № 1, vol. 29.
5. Alfred E. Lieber. Eastern Business Practices and Medieval European Commerce // *The Economic History Review*. 1968. № 2, vol. 21.
6. Robert A. Guiseppi. The History of ancient Sumeria (Sumer) including its cities, kings and religions. URL: <http://history-world.org/sumeria.htm> (дата обращения: 20.10.2017).
7. Rodney Wilson. *Banking and Finance in the Arab Middle East*. MacMilan, 1983.
8. Добаев А.И., Игнатова Т.В. Исламская экономика и эволюция системы «хавала» // *Россия и мусульманский мир*. 2017. № 8 (302).
9. The Islamic Finance and Ethics Society. URL: <http://www.the-ifes.org/2012/11/03/the-islamic-moral-econome-de-mehmet-asutay/> (дата обращения: 11.09.2017).
10. Всемирная исламская политико-правовая мысль. URL: <http://www.worldislamlaw.ru/archives/122> (дата обращения: 03.10.2017).
11. Евдокимов В.В., Грицишен Д.А. Исламская экономическая доктрина как среда формирования и развития исламской модели бухгалтерского учета // *Международный бухгалтерский учет*. 2012. № 29. URL: <http://www.fin-izdat.ru/journal/interbuh/detail.php?ID=52161> (дата обращения: 24.09.2017).
12. Добаев А. И. Системы перевода денег или ценностей: место и роль системы «хавала» // *Государственное и муниципальное управление: Уч. зап. СКАГС*. 2015. № 1.
13. Добаев А.И., Игнатова Т.В. Исламская экономика и эволюция системы «хавала» // Ис-

лам в современном мире: внутривладеуарствен-
ный и междунарауо-политический аспекты.
2016. Т. 12, № 4.

References

1. Schramm M., Taube M. Evolution and Institutional Foundation of the Hawala Financial System. *International Review of Financial Analysis*. 2003, No. 4, vol. 12.
2. Sahih Bukhari (AD 810 - 870) Vol. 3, book 41 (Loans, payment of loans, freezing of property, bankruptcy), No. 585. Ibn Rushd (AD 1126 - 1198). The Distinguished Jurist's Primer: A Translation of Bidayat Al-Mujtahid wa Nihayat al-Muqtasid (Great Books of Islamic Civilization).
3. Thompson E. *Trust is the Coin of the Realm: Lessons from the Money Men in Afghanistan*. Oxford University Press, 2011.
4. Subhi Y. Labib. Capitalism in Medieval Islam. *The Journal of Economic History*. 1969, No. 1, vol. 29.
5. Alfred E. Lieber. Eastern Business Practices and Medieval European Commerce. *The Economic History Review*. 1968, No. 2, vol. 21.
6. Robert A. Guiseppi. *The History of ancient Sumeria (Sumer) including its cities, kings and religions*. Available at: <http://history-world.org/sumeria.htm> (accessed 20.10.2017).
7. Rodney Wilson. *Banking and Finance in the Arab Middle East*. MacMilan, 1983.
8. Dobaev A.I., Ignatova T.V. *Islamskaya ekonomika i evolyutsiya sistemy «Khavala»* [Islamic Economy and Evolution of Hawala System]. *Rossiya i musul'manskii mir*. 2017, No. 8 (302).
9. The Islamic Finance and Ethics Society. Available at: www.the-ifes.org/2012/11/03/the-islamic-moral-econome-de-mehmet-asutay/ (accessed 11.09.2017).
10. *Vsemirnaya islamskaya politiko-pravovaya mysl'* [World Islamic political and legal thought]. Available at: <http://www.worldislamlaw.ru/archives/122> (accessed 03.10.2017).
11. Evdokimov V.V., Gritsishen D.A. *Islamskaya ekonomicheskaya doktrina kak sreda formirovaniya i razvitiya islamskoi modeli bukhgalterskogo ucheta* [Islamic Economic Doctrine as a Factor of Development of Islamic Accounting Model]. *Mezhdunarodnyi bukhgalterskii uchet*. 2012, No. 29. Available at: <http://www.fin-izdat.ru/journal/interbuh/detail.php?ID=52161> (accessed 24.09.2017).

12. Dobaev A.I. Sistemy perevoda deneg ili tsennosti: mesto i rol' sistemy «khavala» [Money and Value Transfer Systems; Place and the Role of Hawala]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie: Uch. zap. SKAGS*. 2015, No. 1.

13. Dobaev A.I., Ignatova T.V. Islamskaya ekonomika i evolyutsiya sistemy «Khavala» [Islamic Economy and Evolution of Hawala System]. *Islam v sovremennom mire: vnutrigosudarstvennyi i mezhdunarodno-politicheskiy aspekty*. 2016, vol. 12, No. 4.

Поступила в редакцию / Received

27 октября 2017 г. / October 27, 2017

УДК 339.91:56

DOI 10.23683/0321-3056-2017-4-95-102

ДИНАМИКА МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ СУБЪЕКТОВ ВЭД В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

© 2017 г. Н.Н. Евченко^а, М.В. Микаелян^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

INTERNATIONAL ECONOMIC & INVESTMENTS ACTIVITY DYNAMICS OF FOREIGN TRADE SUBJECTS UNDER CONDITIONS OF INSTABILITY

N.N. Yevchenko^а, M.V. Mickaelian^а

^а *Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

*Евченко Наталья Николаевна –
доктор экономических наук, старший научный
сотрудник, профессор,
кафедра мировой экономики и международных
отношений, экономический факультет,
Южный федеральный университет,
ул. Максима Горького, 88, г. Ростов-на-Дону,
344002, Россия.
E-mail: natayevch@aanet.ru*

*Natalia N. Yevchenko -
Doctor of Economics,
Senior Researcher, Professor,
Department of World Economy and International
Relations, Faculty of Economics,
Southern Federal University,
Maksima Gorkogo St., 88, Rostov-on-Don,
344002, Russia.
E-mail: natayevch@aanet.ru*

*Микаелян Мане Вачагановна –
магистрант,
кафедра мировой экономики и международных
отношений, экономический факультет,
Южный федеральный университет,
ул. Максима Горького, 88, г. Ростов-на-Дону,
344002, Россия.
E-mail: mickaelian@icloud.com*

*Mane V. Mikaelyan -
Master Student,
Department of World Economy and International
Relations, Faculty of Economics,
Southern Federal University,
Maksima Gorkogo St., 88, Rostov-on-Don,
344002, Russia.
E-mail: mickaelian@icloud.com*

Анализируются динамика и структура российского внешнеторгового оборота и инвестиционных процессов в условиях внешней и внутренней нестабильности. Сделан вывод о том, что в кризисных условиях торгуемые сектора экономики демонстрируют более высокий уровень устойчивости инвестиционной активности в основной капитал, чем неторгуемые сектора. Выявлено, что совокупное влияние внешней и внутренней нестабильности (мировые цены на энергоносители, санкции, валютный курс) оказывают негативное влияние на инвестиционный климат в России. Санкции осложняют международные отношения, ухудшают макроэкономическую ситуацию, влияющую на планы иностранных и отечественных инвесторов, динамику инвестиций в основной капитал.

Ключевые слова: *внешнеторговый оборот, динамика экспорта и импорта, инвестиционный процесс, субъекты внешней торговли, кризис, нестабильность, санкции.*

Dynamic and structure of Russian foreign trade turnover and investments under conditions of external and internal instability are analyzed in the article. The conclusion is given that traded sectors of the economy demonstrate higher level of investment activity stability in fixed assets than non-tradable sectors under crisis conditions. It was revealed that the combined impact of external and internal instability (world energy prices, sanctions, currency exchange rate) have a negative impact on the investment climate in Russia. Sanctions complicate international relations; worsen the macroeconomic situation, affecting intentions of foreign and domestic investors, the dynamics in fixed assets investments.

Keywords: *foreign trade turnover, export and import dynamics, investment process, foreign trade subjects, crisis, instability, sanctions.*

Внешнеэкономические процессы субъектов международного бизнеса зависят от системы факторов, в числе которых одним из ключевых выступает внешнеэкономическая конъюнктура для стратегически значимых товаров национального экспорта. Кризисные циклы динамики мирового рынка определяют внешнюю нестабильность, сказывающуюся на объемах поставок товаров. К числу шоков, повлиявших на внешнюю торговлю РФ последнего десятилетия, следует отнести мировой экономический кризис (2008–2009 гг.), падение цен на нефть и санкционные ограничения (2014–2017 гг.).

Оценка влияния внешних и внутренних факторов на экономическую систему проводится с помощью системных показателей, характеризующих состояние, потенциал ее роста, играющих роль интегральной оценки делового климата государства. Данные показатели более других соотносятся с решениями бизнеса по производственному (внутреннему) и международному (внешнему) развитию компаний.

Каким образом проявляется взаимозависимость внутренних и внешних условий деловой активности, возможно оценить по трендам внешней торговли и инвестиционной активности с выделением показателей по крупнейшим российским компаниям.

Субъектами данного исследования выступают сверхкрупные российские компании, действующие на внешнем рынке как участники международного бизнеса, а предметом исследования – их активность в сфере международной торговли в условиях нестабильности мировых цен на энергоносители.

Нестабильность рассматривается в качестве совокупности экономических явлений, способных оказать существенное воздействие на экономическую и внешнеэкономическую ситуацию. Другими словами, *факторами внешней нестабильности* для экономической системы представляются решения, влияющие на показатели внутренней и внешнеэкономической активности экономических субъектов. Под факторами нестабильности для РФ в рамках данного исследования понимаются:

- 1) ограничение международного экономического сотрудничества в результате политических решений – политические и экономические санкции;
- 2) существенные колебания валютного курса;
- 3) мировой экономический кризис;

4) падение мировых цен на энергоносители.

Результаты действия факторов проявляются в экономических процессах и регистрируются посредством показателей, анализ которых выступает предметом данной статьи.

Активность субъектов бизнеса РФ в сфере международной торговли и инвестиций рассматривается нами в условиях нестабильности двух уровней управления: внутренней и внешней.

Периодические рамки анализа *внутренней нестабильности* установлены для 1995–2016 гг. Ключевым аспектом, указывающим на нестабильность экономической ситуации на внутреннем рынке, выступает замедление инвестиционных потоков.

Динамика данного показателя иллюстрирует, насколько инвесторы формируют экономический базис будущего экономического роста, либо замедляют, приостанавливают обновление и расширение производства товаров и услуг.

Данные на рис. 1 позволяют выделить периоды позитивной динамики инвестиций в основной капитал с пиками в 2000, 2004, 2007 и 2011 гг., а также отрицательной динамики (кризисные) с минимальными значениями в 1996, 1998, 2009 и 2015 гг. Отметим, что среднесрочные кризисы 1995–1999 гг. и 2014–2016 гг. были обусловлены внутренними причинами снижения объема инвестиций, в то время как в 2009 г. внешним краткосрочным дестабилизирующим фактором выступил мировой экономический кризис, который удалось относительно быстро преодолеть.

Отраслевые показатели инвестиционной активности экономической системы дополняют агрегированные показатели, которые характеризуют волатильность инвестиционного процесса: его устойчивость по отношению к средним показателям. Данный анализ важен в целях изучения влияния кризисных явлений на отдельные секторы экономики и разработки мер по поддержке наиболее уязвимых из них.

Динамический ряд за 12 лет наблюдений, представленный на рис. 2, показывает, что *торгуемые сектора экономики* – обрабатывающие производства, добыча полезных ископаемых – являются наиболее устойчивыми к нестабильным кризисным периодам; а максимально волатильный процесс инвестирования в основной капитал демонстрируют *неторгуемые сектора экономики* – строительство; производство и распределение электроэнергии, газа и воды.

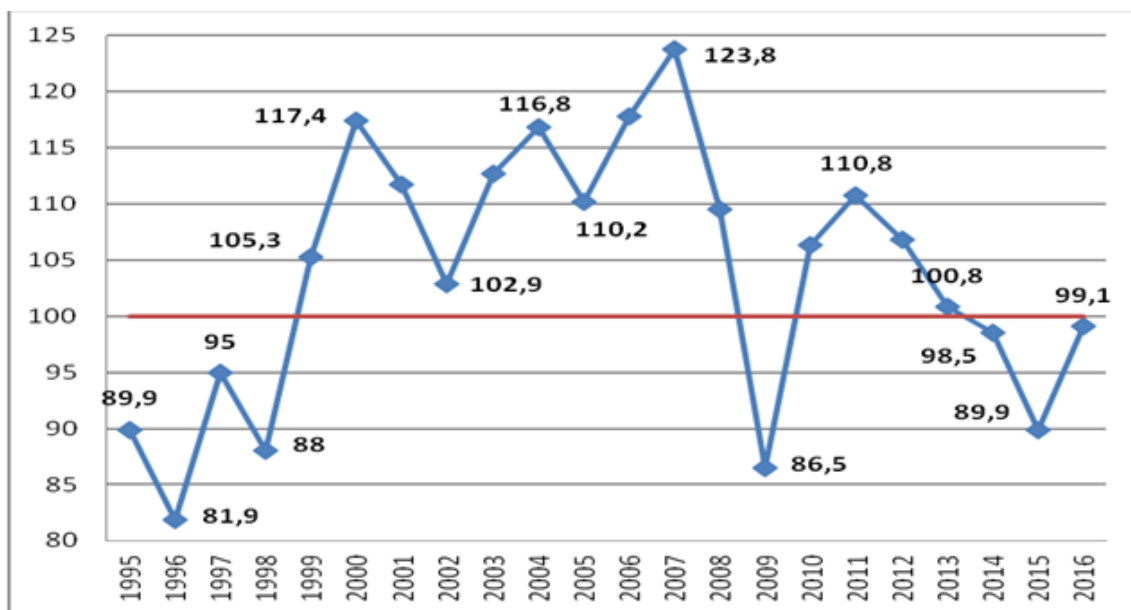

Рис. 1. Динамика инвестиций в основной капитал в РФ в 1995–2016 гг. в сопоставимых ценах, в % к предыдущему году (рассчитано по: [1, с. 37–38; 2, с. 423] / Fig. 1. Dynamics of investment in fixed assets in the Russian Federation in 1995-2016 in comparable prices, in % to the previous year (calculated by: [1, pp. 37-38; 2, p. 423])

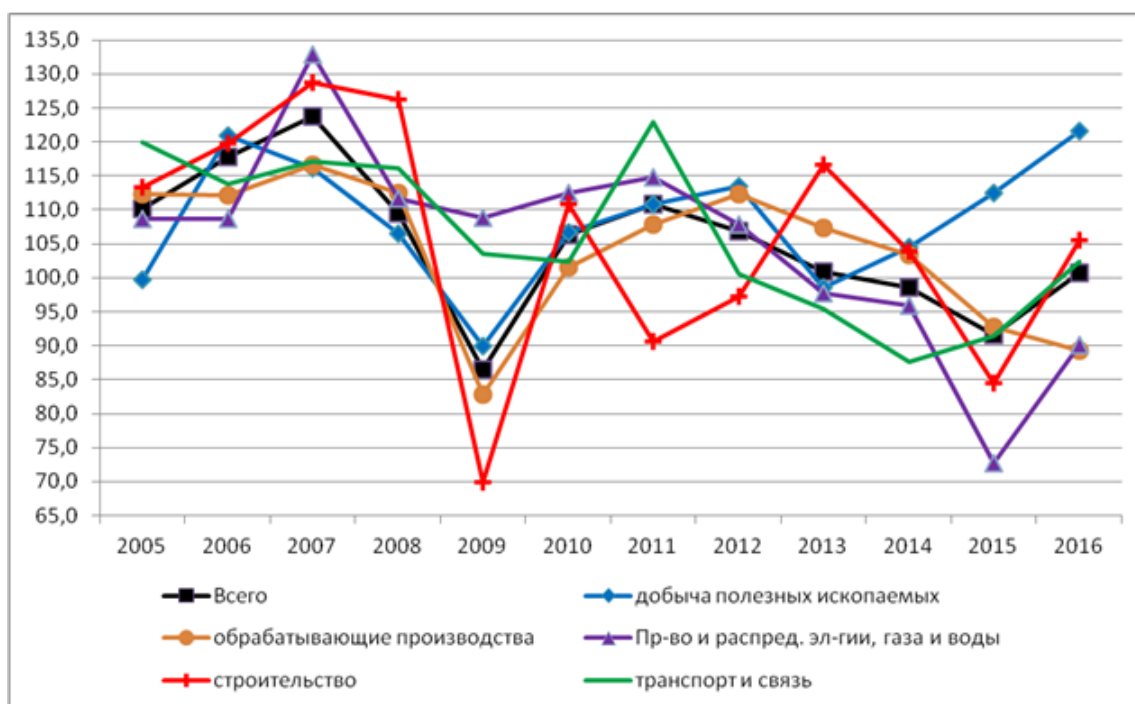

Рис. 2. Индексы физического объема инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности в сопоставимых ценах, в % к предыдущему году (рассчитано по: [1, с. 48–49; 2, с. 428–430]) / Fig. 2. Indices of the physical volume of investment in fixed assets by types of economic activity in comparable prices, in % to the previous year (calculated from: [1, pp. 48-49; 2, pp. 428-430])

В целом периоде инвестиционной активности в основной капитал в 2009–2016 гг. присущ понижающий тренд, свойственный всем анализируемым секторам РФ, за исключением добычи полезных

ископаемых (рис. 2). К 2017 г. экономика не достигла уровня показателей периода «инвестиционного бума» 2005–2008 гг. Таким образом, на основании выявленных трендов внутреннее состояние

экономики может быть определено как «период нестабильности», понимаемый в терминах динамики инвестиционного процесса как «отсутствие устойчивого экономического прироста инвестиций в основной капитал».

К факторам *внешней нестабильности* (2008–2016 гг.) для экономической системы отнесены решения, способные оказать существенное влияние на показатели внешнеэкономической активности экономических субъектов.

Для государства в целом включенность в мировые внешнеторговые процессы характеризуют объемы экспорта и импорта, представленные по ключевым группам стран, поскольку внешние политические решения (санкции) исполняются отдельными странами – внешнеторговыми партнерами.

В 2014 г. в результате падения цен на энергоносители и политических действий на Востоке Украины российская экономика и ее экспорт подверглись внешним шокам. Мировая конъюнктура и

экономическое давление в виде санкций и экономического эмбарго со стороны отдельных государств Европы и США – внешние негативные факторы объемов экспорта и импорта, в совокупности с изменением курса рубля по отношению к доллару как внутренним позитивным фактором для экспорта и негативным – для импорта – оказали существенное комплексное влияние на динамику внешней торговли РФ в целом.

На рис. 3 представлена поквартальная динамика объема экспорта России в 2007–2016 гг., из которого следует, что в 2007 – начале 2008 г. наблюдался стремительный рост экспорта, прерванный мировым финансовым кризисом: в сентябре 2008 – январе 2009 г. происходило существенное падение его объемов. С января – мая 2009 г. по 2011–2013 гг. экспорт постепенно рос и достиг темпов предкризисного периода. Таким образом, к 2011 г. внешнеторговая деятельность России полностью преодолела последствия мирового кризиса 2008 г.

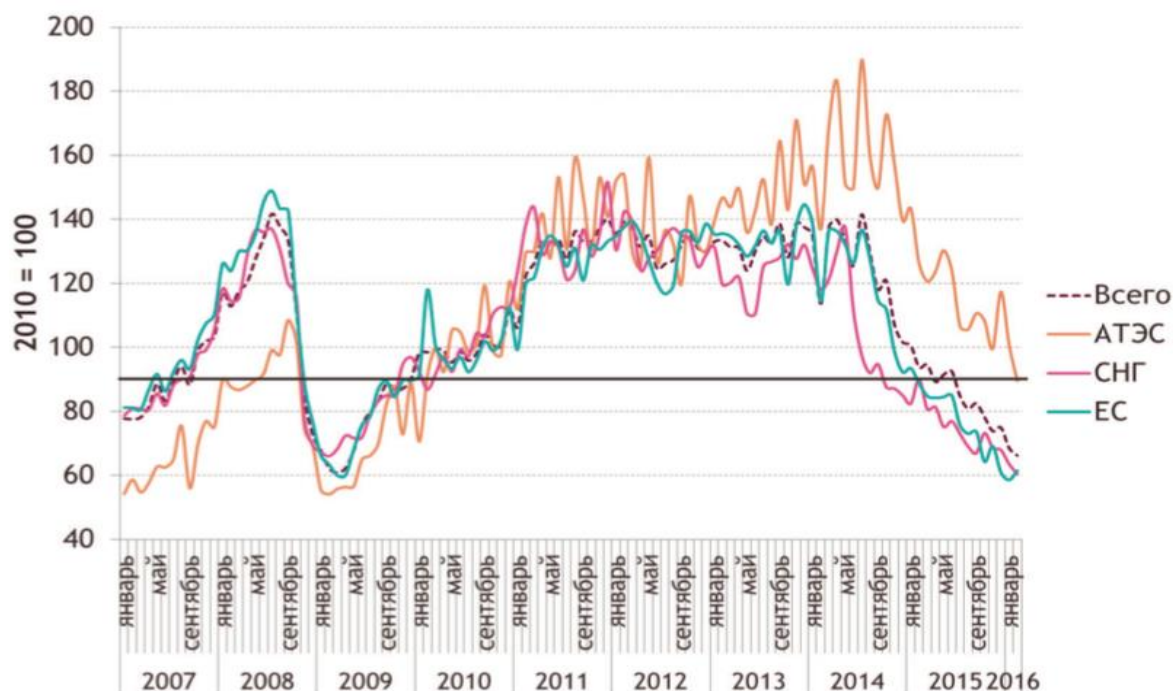

Рис. 3. Динамика экспорта России по ключевым группам стран, 2007–2016 гг., сезонно скорректированные ряды, среднеемесячное значение 2010 = 100 [3, с. 15] / Fig. 3 Dynamics of Russia's exports by key groups of countries, 2007-2016, seasonally adjusted series, the average monthly value 2010 = 100 [3, p. 15]

В течение указанного восстановительного периода наблюдается смена тренда направления внешнеторговых поставок: приоритеты взаимодействия с партнерами ЕС сменились укреплением отношений с государствами АТЭС, которые по динамике поставок остаются лидерами экспорта России в настоящее время, хотя по

кварталам анализируемого периода поставки характеризуются значительной волатильностью.

Падение экспорта в стоимостном выражении в сентябре 2014 – январе 2016 г., как отмечалось выше, вызвано двумя ключевыми факторами – событиями на Украине и последовавшими санкциями и снижением мировых цен на энергоно-

сители в 2014 г. Каким образом возможно оценить вклад каждого из данных факторов в сокращение объемов экспорта? Сравним стоимостные и физические объемы экспорта РФ в 2015 по отношению к 2014 г. по ключевым товарным группам энергоносителей, образующим доминирующую долю отечественного экспорта. Согласно данным ФТС РФ, за 2015 г. в сравнении с 2014 г. экспорт энергоносителей вырос на 68 млн т (+ 8 %), при этом его стоимостные объемы упали на \$ 161 млрд, или 60 % [4].

Итак, внешняя нестабильность мировых цен на энергоносители в течение 2014 г. выступила ключевым фактором нестабильности экспорта РФ, что с большой вероятностью и стало причиной управляемой девальвации рубля в конце 2014 г. Валютный курс оказывает на российскую экономику доминирующее влияние, определяя бездефицитность бюджета, а также влияя на условия роста и развития экономической системы. Для экономики с неконвертируемой национальной валютой обменный курс высту-

пает индикативным показателем внешнеторговой активности государства и использования преимуществ внешней торговли для целей формирования бюджета: обменный курс в значительной мере определяет качество и объем страновой внешнеторговой активности – импорт, экспорт, инвестиции, а также доходов – бюджета, населения, бизнеса [5, с. 57–65].

Динамика импорта России в 2007–2016 гг. в целом соответствует динамике экспорта (рис. 4). Эксперты соотносят тенденцию продолжительного падения импорта РФ из стран СНГ с дестабилизацией отношений с Украиной с 2010 г. [3, с. 17].

Таким образом, внешнеэкономические и конъюнктурные факторы мирового рынка оказывают существенное влияние на экономику России. После завершения мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. уровень и объемы международной торговли стабилизировались (2011–2013 гг.), однако в 2014–2015 гг. экономика России вновь оказалась в кризисе.

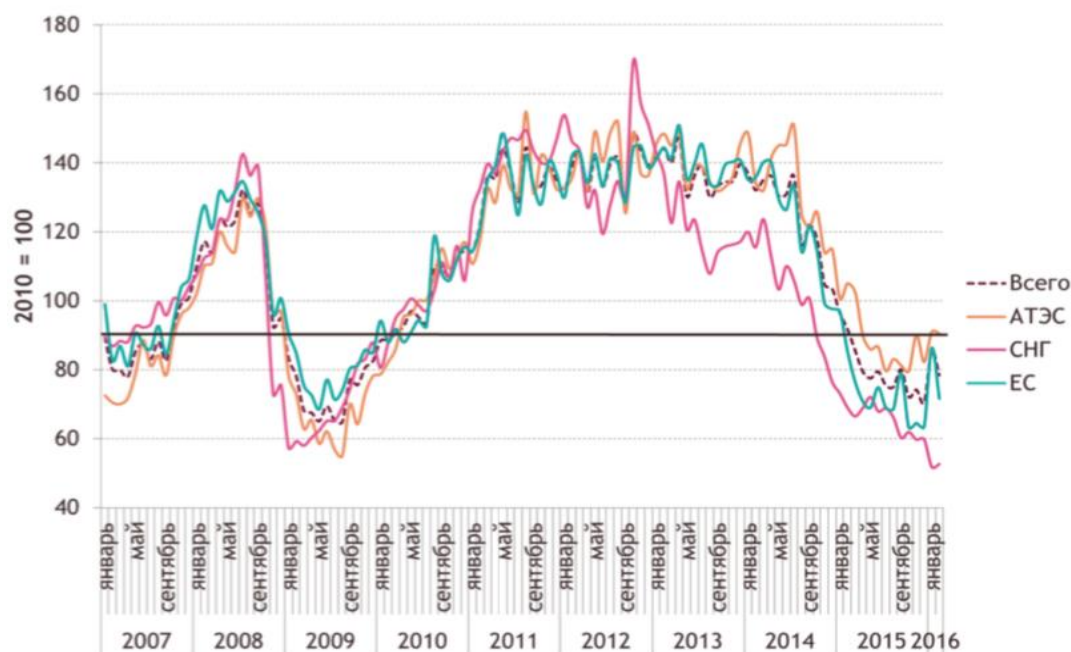

Рис. 4. Динамика экспорта России по ключевым группам стран, 2007–2016 гг., сезонно скорректированные ряды, среднесесячное значение 2010=100 [3, с. 17] / Fig. 4. Dynamics of imports of Russia by key groups of countries, 2007–2016, seasonally adjusted series, the average monthly value 2010 = 100 [3, p. 17]

Следовательно, внутренние и внешние факторы предопределяют нестабильность российской экономики, которая воздействует на результативность внешнеэкономической деятельности экономических субъектов и их положение на мировом рынке.

Рассмотрим динамику изменения внешнеторговой деятельности крупнейших компаний России – субъектов-экспортеров в 2014–2015 гг. (таблица). В результате значимого воздействия внешней конъюнктурной нестабильности на состояние ВЭД крупнейших операторов России в 2015 г. по

отношению к 2014 г. у 60 % компаний стоимостной объем экспорта снизился более чем на 40 %, при этом у 70 % анализируемых лидеров ВЭД доля экспорта в выручке превышает 50 %.

Волатильность динамики объема прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Россию в

2006–2016 гг. свидетельствует, что их наибольший приток в размере \$ 74,8 млрд наблюдался еще в 2008 г. С 2009 до 2016 г. сальдо притока-оттока объема ПИИ оставалось отрицательным. В 2014–2015 г. произошел резкий спад притока ПИИ [7, 8].

**Экспортная деятельность десяти крупнейших компаний экспортеров РФ в 2015 году* [6]
 / Export Activity of the Ten Largest Companies of Russian Exporters in 2015 * [6]**

Место в рейтинге 2016 г.	Место в рейтинге 2015 г.	Компания	Объем экспорта, млн долл.	Динамика объема экспорта, %	Доля экспорта в выручке в 2015 г. (%; оценка)	Доля несырьевого экспорта (%; оценка)	Доля высокотехнологичного экспорта (%; оценка)
1	1	Нефтяная компания «Роснефть»*	56 969,3	-40,7	84,2	0,1	0,1
2	2	«Газпром»*	50 876,0	-24,1	53,0	0,2	0,2
3	3	Нефтяная компания «ЛУКОЙЛ»	17 915,9	-47,1	21,1	0,1	0,1
4	4	«Сургутнефтегаз»	16 215,1	-41,5	98,6	0,0	0,0
5	10	«Русал»*	7 222,2	15,1	83,2	0,0	3,8
6	5	«Сахалин энерджи»	6 988,6	-29,6	н. д.	3,0	3,0
7	7	«Норникель»	6 516,0	-23,1	78,5	0,0	0,0
8	6	«Татнефть»	5 696,2	-41,4	62,8	1,5	1,4
9	8	АНК «Башнефть»	5 145,4	-44,0	61,8	0,3	0,3
10	9	АК «Транснефть»*	3 597,6	-42,3	26,9	0,0	0,0
В среднем по группе, без «Русала»				-37,1			

* – поставки на экспорт, за исключением Казахстана и Белоруссии.

В докладе Банка России о денежно-кредитной политике в 2017–2018 гг. указывается, что «падение инвестиций в основной капитал в первом квартале 2016 года составит 5–7 % в сравнении с аналогичным периодом прошлого года. Отток капитала из РФ, по обновленным данным ЦБ, в 2016 году составит \$40 млрд, в 2017 году – \$47 млрд и в 2018 году – \$52 млрд» [9].

Следовательно, данные прогноза ЦБ РФ по инвестиционным показателям в силу внешних и внутренних причин характеризуют инвестиционный климат в России как ухудшающийся [10].

Таким образом, проведенный анализ показывает, что внешняя и внутренняя нестабильность (мировая конъюнктура цен на энергоносители, западные санкции, волатильность валютного курса рубля) в совокупности оказывает негативное влияние на инвестиционный климат в России. Санкции западных стран, связанные главным образом с политической позицией РФ по украинскому кризису, осложняют международные отношения, ведут к ухудшению макроэкономической ситуации в России, которая влияет

на настроения иностранных и отечественных инвесторов, динамику инвестиций в основной капитал.

Важным последствием санкций следует признать ограничение доступа к дешевым внешним финансовым рынкам и, следовательно, удорожание фондирования для российских банков и организаций, возможное замедление наметившегося роста объемов экспорта из-за нового витка санкций конца 2017–2018 гг. Таким образом, следует активизировать политику, направленную на развитие собственных производственных возможностей и усиление экономического потенциала, стимулировать содействие росту экспорта товаров с высокой долей добавленной стоимости, поскольку влияние политических событий на внешнеэкономическую конъюнктуру России требует ответных программных мер по минимизации негативных последствий их влияния.

Литература

1. Инвестиции в России. 2015 : стат. сб. / Росстат. М., 2015. 190 с.

2. Россия в цифрах. 2017 : крат. стат. сб. / Росстат. М., 2017. 511 с.

3. Внешняя торговля: изменение структуры и динамики / Аналитический центр при Правительстве РФ // Бюллетень социально-экономического кризиса в России. 2016. Апрель.

4. Федеральная Таможенная служба России. Экспорт России важнейших товаров в январе-декабре 2015 г. URL: http://www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=22570&Itemid=198 (дата обращения: 21.09.2017).

5. Евченко Н.Н. Валютный курс как ключевой механизм регулирования внешнеторговой деятельности: условия 2014 года // Особенности государственного регулирования внешнеторговой деятельности в современных условиях : материалы науч.-практ. конф. (Ростов-на-Дону, 21 ноября 2014 г.) : в 2 ч. Ростов н/Д. : Российская таможенная академия, Ростовский филиал, 2014. Ч. 1. 475 с.

6. 200 крупнейших компаний-экспортеров России по итогам 2015 г. // Эксперт РА «Рейтинг экспортеров России». URL: <http://expert.ru/ratings/200-krupnejshih-kompanij-eksporterov-rossii-po-itogam-2015-goda/> (дата обращения: 21.09.2017).

7. Азатян М. О. Анализ структуры и динамики прямых иностранных инвестиций в РФ // Экономика, управление, финансы : материалы VII Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2017 г.). Краснодар : Новация, 2017. С. 10–14. URL: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/220/11698/> (дата обращения: 21.09.2017).

8. Инвестиционная привлекательность регионов. Роль системы ТПП РФ во взаимодействии с государственными институтами развития. Информационно-аналитическая записка к заседанию Правления ТПП РФ. 15.12.2016. URL: http://www.ncci.ru/site-specific/ncci.ru/upload/files/investment_note_1.pdf (дата обращения: 21.09.2017).

9. Банк России: годовая инфляция в марте замедлится до 7,4–7,6 %. URL: <http://tass.ru/ekonomika/2752715> (дата обращения: 21.09.2017).

10. Центр Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии) «Социально-экономические итоги 2013 года». URL: <http://rusrand.ru/actuals/sotsialno-ekonomicheskie-itogi-2013-goda> (дата обращения: 21.09.2017).

References

1. *Investitsii v Rossii*. 2015 [Investments in Russia]. Stat. col. Rosstat. Moscow, 2015, 190 p.

2. *Rossiia v tsifrakh*. 2017 [Russia in Figures]. Br. stat. col. Rosstat. Moscow, 2017, 511 p.

3. Vneshnyaya torgovaya: izmenenie struktury i dinamiki / Analiticheskii tsestr pri Pravitel'stve RF [Foreign Trade: Change in Structure and Dynamics / Analytical Center under the Government of the Russian Federation]. *Byulleten' sotsial'no-ekonomicheskogo krizisa v Rossii*. 2016, April.

4. *Federal'naya Tamozhennaya sluzhba Rossii. Eksport Rossii vazhneishikh tovarov v yanvare-dekabr 2015 g.* [Federal Customs Service of Russia. Russia's Exports of Major Commodities in January-December 2015]. Available at: http://www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=22570&Itemid=198 (accessed 21.09.2017).

5. Evchenko N.N. [Exchange Rate as a key mechanism for regulating foreign trade: conditions of 2014]. *Osobennosti gosudarstvennogo regulirovaniya vneshnetorgovoi deyatelnosti v sovremennykh usloviyakh* [Features of state regulation of foreign trade in current conditions]. Proceedings of the Scientific Practical Conf. (Rostov-on-Don, November 21, 2014): in 2 ch. Rostov-on-Don: Rossiiskaya tamozhennaya akademiya, Rostovskii filial, 2014, ch. 1, 475 p.

6. *200 krupneishikh kompanii-eksporterov Rossii po itogam 2015 g.* [200 Largest Companies-exporters of Russia According to the Results of 2015]. *Ekspert RA «Reiting eksporterov Rossii»*. Available at: <http://expert.ru/ratings/200-krupnejshih-kompanij-eksporterov-rossii-po-itogam-2015-goda/> (accessed 21.09.2017).

7. Azatyan M. O. [Analysis of the Structure and Dynamics of Foreign Direct Investment in the Russian Federation]. *Ekonomika, upravlenie, finansy* [Economics, management, finance]. Proceedings of VII Intern. Sci. Conf. (Krasnodar, February, 2017)]. Krasnodar: Novatsiya, 2017, pp. 10-14. Available at: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/220/11698/> (accessed 21.09.2017).

8. *Investitsionnaya privlekatel'nost' regionov. Rol' sistemy TPP RF vo vzaimodeistvii s gosudarstvennymi institutami razvitiya* [Investment Attractiveness of the Regions. The Role of the RF CCI System in Interaction with State Development Institutions]. Information and Analytical Note for the Meeting of the

Board of the RF CCI. 15.12.2016. Available at: http://www.ncci.ru/site-specific/ncci.ru/upload/files/investment_note_1.pdf (accessed 21.09.2017).

9. *Bank Rossii: godovaya inflyatsiya v marte zamedlitsya do 7,4–7,6 %* [Bank of Russia: annual inflation in March will slow down to 7.4-7.6 %]. Available at: <http://tass.ru/ekonomika/2752715> (accessed 21.09.2017).

10. *Tsentr Sulakshina (Tsentr nauchnoi politicheskoi mysli i ideologii) «Sotsial'no-ekonomicheskie itogi 2013 goda»* [Sulakshin Center (Center for Scientific Political Thought and Ideology) "Socio-economic Results of 2013"]. Available at: <http://rusrand.ru/actuals/sotsialno-ekonomicheskie-itogi-2013-goda> (accessed 21.09.2017).

Поступила в редакцию / Received

3 октября 2017 г. / October 3, 2017

УДК 338.23

DOI 10.23683/0321-3056-2017-4-103-108

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ МЕР В РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ РОССИИ

© 2017 г. И.Н. Марюнина ^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

ANALYSIS OF STATE MEASURES EFFICIENCY IN IMPORT SUBSTITUTION POLICY IN OIL AND GAS INDUSTRY OF RUSSIA

I.N. Maryunina ^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Марюнина Ирина Николаевна –
соискатель,
кафедра мировой экономики и международных
отношений, экономический факультет,
Южный федеральный университет,
ул. Максима Горького, 88, г. Ростов-на-Дону,
344002, Россия.
E-mail: maryunina_irina@mail.ru

Irina N. Maryunina -
Competitor,
Department of World Economy and International
Relations, Faculty of Economics,
Southern Federal University,
Maksima Gorkogo St., 88, Rostov-on-Don,
344002, Russia.
E-mail: maryunina_irina@mail.ru

Анализируются причины возникновения зависимости нефтегазового сектора от импорта производственного оборудования, технологий и услуг, обосновывается необходимость перехода к политике импортозамещения. Рассмотрен комплекс мероприятий, утвержденных на государственном уровне, в целях снижения зависимости нефтегазовых компаний от импортной продукции и развития отечественного производства конкурентоспособной продукции. Выявлены основные проблемы, препятствующие импортозамещению, предложены меры активизации данного процесса. Позитивным фактом следует считать инициирование государственной политики импортозамещения, но нормативно-правовая база, регламентирующая условия рыночных отношений в нефтегазовой отрасли, находится в стадии формирования, а ее совершенствование возможно только при комплексном подходе к проблеме производства российских аналогов импортируемой продукции.

Ключевые слова: импортозамещение, нефтегазовая отрасль, государственная политика, технологическая зависимость, меры государственной поддержки, законодательство, инвестиции, эффективность.

The article deals with the reasons of origin of dependence of oil and gas sector from the import of manufacturing equipment, technologies and services and grounds of necessity to pass on import substitution policy. A wide range of measures of state support that aim to decrease dependence of oil and gas companies from import products and to develop national output of competitive products were analyzed. Main problems that prevent import substitution were disclosed. A wide range of measures for revitalization of import substitution process is proposed. It is underlined that the start of import substitution policy is a positive fact for the future development of the country. Although legislation regulating the terms of market relations in oil and gas industry is currently in progress, its further improvement is possible in complex approach to the problem of national production of import analogues.

Keywords: import substitution, oil and gas industry, state policy, technological dependence, measures of state support, legislation, investments, efficiency.

В настоящее время проблема импортозамещения выступает одной из стратегических для развития отечественного производства, особенно его ключевых экспортоориентированных секторов, к числу которых относится нефтегазовая отрасль. Несмотря на то, что 2016 г. оказался самым «не-

удачным» для неё с точки зрения объемов поступлений в федеральный бюджет – 35,9 % от общих доходов, стоило нефтяным ценам немного подняться в 2017 г., как доля нефтегазовых доходов в бюджете страны начала возрастать. Если за январь-февраль 2016 г. в бюджет страны от сырь

поступило 687,7 млрд р., то за аналогичный период 2017 г. – уже 1 трлн р., что на 20 % ниже, чем в 2014 г., но на 4 % больше 2013 г. [1].

Санкции в отношении России и их динамика актуализируют задачу обеспечения экономической безопасности в части сохранения эффективного функционирования производственной базы национального стратегического экспортного сектора.

Термин «импортозамещение» появился в отечественной экономической и управленческой практике в 1990-е гг. и использовался в нефтегазовой инженерно-технической литературе. В то время интерес только что акционированных предприятий – изготовителей отечественного оборудования диктовался их амбициями встроиться в новые рыночные условия хозяйствования. Однако попытки отечественных производителей оборудования и технологий по продвижению продукции на рынок не нашли понимания со стороны вертикально-интегрированных компаний ТЭК, в свою очередь считавших импортозамещение и требование «...экстраординарных протекционистских мер...» банальным лоббизмом со стороны производителей некачественного и неконкурентоспособного по сравнению с импортным оборудования [2, с. 44].

Импорт нефтегазового оборудования диктовался эффективными схемами финансирования проектов, рассчитанными на получение долгосрочных заказов зарубежными производителями: поставка зарубежных технологий сопровождалась комплектом сертификатов соответствия, полученных в признанных центрах по сертификации; комплекс программ по расчету технологических режимов работы оборудования регулярно обновлялся и имел авторскую поддержку, что создавало авторское конкурентное преимущество. Финансовые условия поставки оборудования также оказывались достаточно привлекательными, поскольку компании – поставщики импортного оборудования и технологий получали государственную поддержку страны-производителя в форме предоставления российскому покупателю кредитной линии.

Продвижение проектов «под ключ», когда проектирование, организация строительства, поставка оборудования под новые проекты и его последующее обслуживание сосредоточивались в рамках одного внешнеторгового контракта, также способствовало экспансии на российский рынок не только сложного технологического оборудования, но и того, которое до сих пор успешно производилось внутри страны. И если

ранее отечественные предприятия-заказчики сами формировали технологическую цепочку поставщиков, выстраивали логистику и как следствие имели дело с «распределенной ответственностью» в рамках одного контракта, то иностранные конкуренты разрозненных российских предприятий – производителей оборудования и услуг предложили российским заказчикам более конкурентную схему взаимодействия. Таким образом, зависимость от импортной продукции возникла не только в части производства высокотехнологичной продукции, но и в части ее комплектации, организации поставок и строительства [3, с. 19].

Таким образом, на первом этапе развития внешнеэкономических отношений (1990–2010 гг.) предприятия отечественного нефтегазового сектора переориентировали закупки оборудования и технологий с внутреннего рынка и смешанных поставок на крупные иностранные заказы и проекты «под ключ» в силу более конкурентоспособных предложений со стороны иностранных поставщиков. В результате российские производители оборудования для нефтегазового комплекса оказались без основного объема традиционных многолетних заказов.

Начало 2010-х гг. характеризуется как период переосмысления национальных интересов применительно к сферам макроэкономики и национальной безопасности. На уровне исполнительной власти начинает обсуждаться возможность применения мер государственной поддержки для восстановления объемных и качественных характеристик отечественного производства. Но окончательное отношение к импортозамещению как необходимому условию существования и развития российской экономики у руководителей, занятых в бизнесе и во власти, утвердилось на рубеже 2013 – 2014 гг., когда после вхождения Республики Крым и Севастополя в состав России ведущие страны Запада ввели против России финансово-экономические санкции по геополитическим мотивам, суть которых состояла в постепенном ограничении доступа российских компаний к долгосрочным кредитам европейских банков и ряду передовых западных технологий, в том числе и для нефтегазового комплекса. Таким образом, с 2014 г. импортозамещение получает статус государственной политики [2, с. 46].

Правительством РФ 04.08.2015 г. принято решение № 785 «О создании правительственной комиссии по импортозамещению». Комиссия является координационным органом, образованным в

целях обеспечения согласованных действий органов власти всех уровней и организаций при реализации госполитики импортозамещения, обеспечения снижения уровня зависимости отраслей промышленности от импорта, а также оперативного решения вопросов, касающихся создания условий для своевременного и полного удовлетворения потребностей юридических лиц в продукции отраслей промышленности (Постановление Правительства РФ от 04.08.2015 г. № 785 «О правительственной комиссии по импортозамещению». URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_183941 (дата обращения: 10.10.2017).

Нефтегазовая отрасль вошла в число приоритетных отраслей, для которых предусматривается особое внимание структур госуправления. В Минпромторге России была создана Межведомственная рабочая группа и Научно-технический совет по импортозамещению в нефтегазовой отрасли. На этих площадках совместно с компаниями определяется потребность по всем типам и

видам оборудования, которое не производится в России, а также анализируются возможности выпуска данного оборудования на российских предприятиях. Предполагается, что более половины импортозависимых позиций, вошедших в отраслевой план по импортозамещению в нефтегазовой отрасли, российские машиностроители смогут заместить в течение 2–3 лет (предполагается, что из 43 позиций приоритетных видов нефтегазового оборудования в короткие сроки возможно произвести 26 наименований) [4, с. 13].

Минпромторгом России с участием профильных министерств, ведущих нефтегазодобывающих и машиностроительных компаний также сформирован отраслевой план импортозамещения в нефтегазовой отрасли. В данном плане указано более 50 позиций по укрупненным видам нефтегазового оборудования, техническим и программным средствам, причем по некоторым видам оборудования доля импорта должна снизиться к 2020 г. до 50 % (таблица) [4, с. 13].

**План мероприятий по импортозамещению в отрасли нефтегазового машиностроения РФ /
 Plan of measures for import substitution in the oil and gas engineering industry
 of the Russian Federation**

№ п/п	Технологическое направление (продукт, технология)	Средняя доля импорта в потреблении в 2014 г.	Средняя плановая доля импорта в потреблении к 2020 г.
1	Технологии, техника и сервис эксплуатации скважин	82	66
2	Техника и технологии бурения скважин	74	53
3	Программные средства для процессов бурения, добычи, транспортировки и переработки углеводородного сырья	91	43
4	Технологии сжижения природного газа	71	55
5	Технологии переработки углеводородного сырья	74	40
6	Технологии производства катализаторов и присадок	76	19
7	Технологии и оборудование для реализации шельфовых проектов	88	68
8	Технологии и оборудование для транспортировки нефти и газа	57	36
9	Технологии и оборудование для геологоразведки	63	50

Эффективным финансово-организационным инструментом процесса импортозамещения, да и в целом поддержки промышленного комплекса страны, стал Фонд развития промышленности, созданный в 2014 г. с целью модернизации российской промышленности, организации новых производств и обеспечения импортозамещения. Фонд предлагает льготные условия софинансирования проектов, предоставляя целевые займы по ставке 5 % годовых сроком до

7 лет в объеме от 50 до 700 млн р. Источником ресурсного обеспечения деятельности фонда стали средства федерального бюджета [5, с. 150].

Помимо успешного решения основной задачи по созданию эффективной системы заемного финансирования промышленных проектов, Фонд становится полноценным институтом развития промышленности. С одной стороны, он выполняет функции инвестконсультанта,

консолидирующего всю информацию о программах поддержки промышленности и разъясняющего предприятиям условия и порядок участия в них, с другой – выступает координатором взаимодействия промышленного бизнеса с институтами развития, региональными властями, организациями инфраструктуры на всех стадиях реализации проектов – от поиска площадки до запуска производства. То есть Фонд оказывает комплексную поддержку промышленным инвестпроектам в режиме «одного окна». На базе Фонда начал активную работу Консультационный центр по мерам поддержки Минпромторга России.

В целях стимулирования инвестиционной активности Минпромторгом России разработаны Правила предоставления субсидий на компенсацию части затрат на уплату процентов по кредитам, полученным в 2014–2016 гг. на реализацию новых комплексных инвестиционных проектов. На федеральном уровне утверждены Правила предоставления российским организациям субсидий из федерального бюджета на компенсацию части затрат на проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и на реализацию пилотных проектов в области инжиниринга и промышленного дизайна [6, с. 7]. С марта 2015 г. действует Постановление Правительства РФ от 12.03.2015 г. № 214, которое устанавливает порядок предоставления субсидий для возмещения части затрат по банковским кредитам на пополнение оборотных средств предприятий (до 70 % ключевой ставки Банка России) (Приказ Минпромторга РФ от 07.06.2016 г. № 1868 «О внесении изменения в План мероприятий по импортозамещению в отрасли нефтегазового машиностроения РФ», утвержденный приказом Министерства промышленности и торговли РФ от 31.03.2015 г. № 645. URL: www.minpromtorg.gov.ru/common/upload/o_data/addition_material/1868-neftegaz.pdf (дата обращения: 06.10.2017)).

Чтобы мотивировать бизнес на создание новых мощностей, участвовать в развитии промышленного потенциала регионов, осуществлять трансфер современных технологий, Постановлением Правительства РФ от 16.07.2015 г. № 708 создан ключевой нефинансовый механизм заключения специальных инвестиционных контрактов (Постановление Правительства РФ от 16.07.2015 г. № 708 «О специальных инвестиционных контрактах для отдельных отраслей промышленности»). URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_

183055 (дата обращения 05.10.2017)). Заключая контракт, инвестор обязуется создать, освоить или модернизировать промышленное производство на территории РФ. В свою очередь, государство должно предоставить инвесторам отраслевые льготы и преференции, обеспечить стабильные условия ведения бизнеса [7, с. 181].

Минпромторг России успешно осуществляет полноценную координацию между двумя уровнями реализации политики импортозамещения – региональным и федеральным. Понимание «обратной связи» между центром и регионами, с одной стороны, и государственными органами власти и инвесторами – с другой, привело к созданию информационного модуля «Проммонитор.РФ», куда стекаются сведения по актуальным вопросам развития промышленности. С помощью данного портала обеспечивается обратная связь, консолидируется информация о состоянии промышленного производства и прогнозе его развития. Данный ресурс стал первым шагом на пути создания государственной информационной системы промышленности (ГИСП), на базе которой на всех уровнях управления с использованием механизма обратной связи будут формироваться меры поддержки, стимулирования, контроля востребованности и эффекта применяемых мер стимулирования.

Анализ проведенных организационно-управленческих мероприятий позволяет сделать вывод, что на государственном уровне предприняты определенные шаги по формированию политики импортозамещения. Тем не менее в стадии формирования и совершенствования находится нормативно-правовая база, регламентирующая условия становления и развития рыночных отношений в нефтегазовой отрасли. Сложности с импортозамещением в отрасли связаны со значительным отставанием в уровне используемых технологий производства ряда видов продукции, прежде всего комплектующих и оборудования. В связи с проблемами в системе образования существуют и определенные ограничения по численности и компетенциям отраслевых кадров. Следует отметить и отсутствие необходимого научно-исследовательского фундамента по некоторым значимым направлениям [8, с. 236].

По справедливому замечанию ряда исследователей, важным препятствием эффективному импортозамещению в нефтегазовом комплексе выступает недостаток информации у российских промышленных предприятий о деятельности нефтегазовых компаний. Вкладывать большие

средства, эффективно использовать научно-технический и производственный потенциал освоения сложной продукции с длительным циклом изготовления нерационально, если неизвестны перспективные планы развития нефтегазовых компаний [9, с. 22]. Также важной проблемой, препятствующей импортозамещению в нефтегазовом комплексе, признана необходимость приобретения лицензий у иностранных компаний [9, с. 23]. Следовательно, одной из ключевых задач государства в стимулировании импортозамещения является создание условий, которые способствовали бы интенсификации отечественных НИОКР и развитию промышленности в целом. Принимаемые меры должны носить универсальный характер, однако в отдельных случаях государству следует фокусировать внимание на конкретных технологиях и производствах для нефтегазовой отрасли.

Среди универсальных мер целесообразно использовать:

– разработку механизмов, стимулирующих развитие конкуренции среди российских производителей импортозамещающей продукции для обеспечения экономически эффективного процесса [10, с. 53];

– организацию на уровне ФАС специальной комиссии (или создание профильного подразделения), контролирующей ход процесса импортозамещения. При появлении на российском рынке монополистов рыночные механизмы будут не в состоянии обеспечивать контроль эффективности затрат, стоимостных и качественных характеристик товаров [10, с. 54];

– отслеживание на государственном уровне технико-экономических характеристик отечественного оборудования (назначение ответственного органа исполнительной власти) в сравнении с зарубежными аналогами и проведение специализированных проверок со стороны прокуратуры, Счетной палаты и ФАС при выявлении существенных отклонений в худшую сторону [10, с. 54];

– разработку механизмов привлечения игроков с финансовыми активами (фонды, отечественные и зарубежные банки и т.д.) для участия в софинансировании проектов по разработке и внедрению перспективных технологий [10, с. 53];

– разработку на государственном уровне рекомендуемых, а в отдельных случаях и обязательных схем участия зарубежных компаний в

проектах с учетом комплекса юридических аспектов и потенциальных рисков санкционного характера [10, с. 55];

– применение мер таможенно-тарифного регулирования и стандартизации. Для стимулирования отечественного производства целесообразно увеличение ставок ввозных таможенных пошлин по ряду позиций нефтегазовой продукции. Развитие национальных стандартов позволит сократить импорт некачественной продукции, а также мотивировать отечественные предприятия на производство конкурентоспособной продукции [11, с. 33];

– реализацию программы подготовки и переподготовки технических и управляющих кадров для предприятий нефтегазового машиностроения, включая стажировки в зарубежных научно-технических центрах и на предприятиях [9, с. 24].

Предложенные учеными и практиками меры носят достаточно разнонаправленный характер и требуют дополнительных исследований и обоснований.

На основании вышеизложенного можно констатировать, что реальное продвижение в области замещения импортной продукции и услуг возможно только при комплексном подходе к данной проблеме. Отдельные нескоординированные действия нефтегазовых компаний и предприятий-изготовителей не смогут быть достаточно эффективными. Только при совместной работе государственных учреждений, предприятий машиностроения, отраслевой и прикладной науки и нефтегазовых компаний можно выявить потребности в необходимом оборудовании и провести реорганизацию производств, в том числе сервисных, для изготовления оборудования и поставки услуг в России. Важно приоритезировать ключевые категории оборудования и реализовать несколько целевых пилотных проектов для отработки механизмов взаимодействия участников процесса, распространив их в последующем на более широкую номенклатуру импортозамещающей продукции.

Литература

1. Доля нефтегазовых доходов в бюджете России начала увеличиваться. URL: http://www.investbrothers.ru/2017/03/28/dolja_neftegazovyh_dohodov_rastet (дата обращения: 12.10.2017).

2. Кротова М.В. Институциональные проблемы импортозамещения в нефтяной и газовой промышленности России // Научный журнал Российского газового общества. 2015. № 1.

3. Андреева Н.Н., Белохвостов М.С., Валиуллин И.М. Управление замещением импортной продукции отечественными техникой и технологиями // Нефтяное хозяйство. 2015. № 5.

4. Интервью с Д.В. Мантуровым. В нефтегазовом секторе есть поле для консолидации // Коммерсантъ Business Guide. 2015. № 86. 20 мая.

5. Евтухов В.Л. Первоочередные меры государственной поддержки промышленности в контексте политики импортозамещения // Национальная безопасность России, 2016 год : фед. справочник. 2016. Т. 2. 556 с.

6. Панов Р.С., Костюченко С.Л. Импортозамещение и рыночная экономика: проблемы сосуществования // Научный журнал Российского газового общества. 2016. № 1.

7. Никитин Г.С. Импортозамещение – залог национальной технологической безопасности // Национальная безопасность России, 2016 год : фед. справочник. 2016. Т. 3. 477 с.

8. Гутенёв В.В. Импортозамещение в промышленности: что, где, когда // Национальная безопасность России, 2016 год : фед. справочник. 2016. Т. 3. 477 с.

9. Рашева Н.Ю. Организационные и правовые проблемы импортозамещения в топливно-энергетическом комплексе России // Нефтяное хозяйство. 2015. № 5.

10. Кулагин В.А., Грушевенко Д.А., Козина Е.О. Эффективное импортозамещение // Энергетическая политика. 2015. Вып. 1.

11. Ленчук Е.Б. Современные инструменты инвестиционной поддержки проектов в области импортозамещения // Экономическая теория, анализ, практика. 2015. № 3.

References

1. *Dolya neftegazovykh dokhodov v byudzhetе Rossii nachala uvelichivat'sya* [The Share of Oil and Gas Revenues in the Budget of Russia Began to Increase]. Available at: www.investbrothers.ru/2017/03/28/dolja_neftegazovyh_dohodov_rastet (accessed 12.10.2017).

2. Krotova M.V. Institutsional'nye problemy importozameshcheniya v neftyanoi i gazovoi promyshlennosti Rossii [Institutional Problems of Import Substitution in the Oil and Gas Industry of Russia].

Nauchnyi zhurnal Rossiiskogo gazovogo obshchestva, 2015, No. 1.

3. Andreeva N.N., Belokhvostov M.S., Valiullin I.M. Upravlenie zameshcheniem importnoi produktsii otechestvennymi tekhnikai i tekhnologiyami [Managing the Substitution of Imported Products with Domestic Technical Methods and Technology]. *Neftyanoe khozyaistvo*. 2015, No. 5.

4. Interv'y u s D.V. Manturovym. V neftegazovom sektore est' pole dlya konsolidatsii [Interview with D.V. Manturov. In the Oil and Gas Sector There is a Field for Consolidation]. *Kommersant' Business Guide*. 2015, No. 86, May 20.

5. Evtukhov V.L. Pervoocherednye меры gosподдержки promyshlennosti v kontekste politiki importozameshcheniya [Priority Measures of State Support of Industry in the Context of the Policy of Import Substitution]. *Natsional'naya bezopasnost' Rossii*, 2016. Fed. guidebook. 2016, vol. 2, 556 p.

6. Panov R.S., Kostyuchenko S.L. Importozameshchenie i rynochnaya ekonomika: problemy sosushchestvovaniya [Import Substitution and Market Economy: Problems of Coexistence]. *Nauchnyi zhurnal Rossiiskogo gazovogo obshchestva*. 2016, No. 1.

7. Nikitin G.S. Importozameshchenie – zalog natsional'noi tekhnologicheskoi bezopasnosti [Import Substitution is a Guarantee of National Technological Safety]. *Natsional'naya bezopasnost' Rossii*, 2016. Fed. guidebook. 2016, vol. 3, 477 p.

8. Gutenёv V.V. Importozameshchenie v promyshlennosti: chto, gde, kogda [Substitution in Industry. What, Where, When]. *Natsional'naya bezopasnost' Rossii*, 2016. Fed. guidebook. 2016, vol. 3, 477 p.

9. Rasheva N.Yu. Organizatsionnye i pravovye problemy importozameshcheniya v toplivno-energeticheskom komplekse Rossii [Organizational and Legal Problems of Import Substitution in the Fuel and Energy Complex of Russia]. *Neftyanoe khozyaistvo*. 2015, No. 5.

10. Kulagin V.A., Grushevenko D.A., Kozina E.O. Effektivnoe importozameshchenie [Effective Substitution]. *Energeticheskaya politika*. 2015, Iss. 1.

11. Lenchuk E.B. Sovremennye instrumenty investitsionnoi podderzhki proektov v oblasti importozameshcheniya [Modern Instruments of Investment Support for Projects in the Field of Import Substitution]. *Ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika*. 2015, No. 3.

УДК 331.1

DOI 10.23683/0321-3056-2017-4-109-114

РАЗВИТИЕ БЛАГОУСТРОЙСТВА ТЕРРИТОРИЙ В СИСТЕМЕ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2017 г. В.Ю. Сергиенко ^а

^а Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия

DEVELOPMENT OF LANDSCAPING IN THE SYSTEM OF MEASURES OF STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT OF THE ROSTOV REGION

V.Yu. Sergienko ^а

^а Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Сергиенко Виталий Юрьевич –
аспирант,
Ростовский государственный экономический
университет (РИНХ),
ул. Большая Садовая, 69, г. Ростов-на-Дону,
344006, Россия.
E-mail: lev000007@mail.ru

Vitaliy Yu. Sergienko -
Postgraduate,
Rostov State University
of Economics,
Bolshaya Sadovaya St., 69, Rostov-on-Don,
344006, Russia.
E-mail: lev000007@mail.ru

Рассматривается взаимодействие государственных, муниципальных органов управления, частного бизнеса и населения в вопросах благоустройства территорий и озеленения конкретного субъекта Федерации. В рамках стратегии социально-экономического развития Ростовской области на основе нормативных документов даны рекомендации для развития комплексного благоустройства и системы озеленения. Проведен анализ состояния общественных территорий и возможностей их развития, таких как создание внутригородского линейного парка на реке Темерник в Ростове-на-Дону. В качестве рекомендаций предлагается внедрение в практику идей экологического воспитания и стимулирования экологического поведения граждан и организаций.

Ключевые слова: комплексное благоустройство территорий, градостроительство, озеленение, взаимодействие государственных, муниципальных органов управления, частного бизнеса и населения.

The interaction of state, municipal government, private business and the public in matters of landscaping and planting of a specific subject of the Federation is considered. Within the framework of the strategy of social and economic development of the Rostov region, the recommendations on the development of complex landscaping and planting are given on the basis of normative documents. The analysis of the public territories state and the opportunities for their development, such as the creation of an intra-city linear park on the Temernik River in Rostov-on-Don was conducted. As recommendations, it is proposed to introduce in practice the ideas of ecological education and stimulating the ecological behavior of citizens and organizations.

Keywords: complex landscaping, town planning, landscaping, interaction of state, municipal government, private business and the public.

В настоящее время развитие градостроительства должно осуществляться в режиме конструктивного комплексного благоустройства, под которым понимается достижение состояния общественных пространств, позволяющего обеспечить комфортную среду для жизни населения как в местах его непосредственного проживания, так и в различных формах жизнедеятельности [1].

Благоустройство территорий и озеленение являются важным компонентом деятельности хозяйствующих муниципалитетов [2], что обеспечивает достойный и качественный уровень проживания населения [3]. При условии комплексной реализации системных действий и мероприятий существует большая вероятность значительного улучшения экологического состояния

региона, его внешнего облика, создания комфортной социально-экономической ситуации и инвестиционной привлекательности.

С другой стороны, производственная деятельность населения непосредственно влияет на исторические объекты культуры, берега водоемов, зеленые насаждения. Промышленные комплексы являются местами концентрации загрязнений воздуха, воды, почвы, что способствует увеличению диспропорции экологического равновесия.

Поэтому наличие в регионе достаточного количества зеленых насаждений служит благоприятным фактором улучшения экологической ситуации, поскольку они не только активно очищают воздушную сферу, снижают уровень различных городских шумов, но и эффективно действуют на эмоциональное состояние человека.

Как известно, проблемы и противоречия, выявленные в процессе управления сферой благоустройства и озеленения, негативно отражаются на всех сторонах деятельности муниципального образования [4]. Поскольку благоустройство жилой территории является комплексной многоплановой задачей, направленной на создание благоприятных, здоровых и культурных условий жизни, трудовой деятельности и досуга населения в границах муниципального образования и осуществляемых органами государственной власти, органами местного самоуправления, физическими и юридическими лицами, и требует особого внимания на современном этапе развития [5].

В настоящее время отрасли зеленой экономики динамично развиваются, поэтому благоустройство и озеленение муниципальных образований входят в число приоритетных задач регионального развития, поскольку напрямую влияют на инвестиционную привлекательность региона [6]. Стали актуальны и востребованы понятия «эко-город», «экология большого города», «экологическая маркировка», «комфортный город», поэтому городское благоустройство, как одна из подсистем городского хозяйства находится в мировом тренде [7].

Важным механизмом решения вопросов комплексного благоустройства является социально-экономическая политика региона, заключающаяся в совершенствовании его инфраструктуры, усилении экономических структур региона, объединенных рамками развития взаимодействия государственных, муниципальных органов управления, частного бизнеса и населения в целях достижения эффективного, устойчивого социально-экономического развития [8].

В этой связи необходимо рассмотреть вопросы благоустройства территорий в рамках стратегии социально-экономического развития конкретного субъекта Федерации.

В «Стратегии социально-экономического развития города Ростова-на-Дону на период до 2025 года», одобренной решением Ростовской городской Думы от 18.12.2012 г. № 372, одним из качественных факторов, влияющих на увеличение инвестиционной привлекательности региона, рассматривается создание государственно-частных инвестиционных фондов развития региона как механизма, с помощью которого можно размещать средства в наиболее привлекательные проекты. Такие фонды целесообразно создавать в различных сферах производства и жизнедеятельности населения.

Приоритетным проектом территориального благоустройства Ростовской области является государственная программа «Формирование комфортной городской среды в Ростовской области», утвержденная постановлением Правительства Ростовской области от 31.08.2017 г. № 597, в рамках которой предусмотрено, что в 2018 г. будет направлено 1,4 млрд р. для реализации программ благоустройства. В частности, из федерального бюджета запланировано выделить 1 млрд 38,7 млн р. Обязательная доля софинансирования из областного бюджета составит 155,2 млн р. Кроме того, по решению губернатора Ростовской области В.Ю. Голубева на мероприятия по благоустройству будет дополнительно выделено более 180 млн р. Проект направлен на формирование единых современных требований к проектированию и благоустройству городов и рассчитан на 2017–2022 гг.

Как известно, Ростовская область признана инвестиционно-привлекательным регионом для благоустройства территорий и их озеленения (например, в Ростове-на-Дону ведутся работы по компенсационному озеленению территории). Активно используется механизм государственно-частного партнерства и реализуются крупные инвестиционные проекты. Так, в Ростове-на-Дону осуществлено благоустройство набережной (общей стоимостью более 330 млн р.).

Следует отметить, что с помощью концессионных соглашений между частным бизнесом и государственными и муниципальными органами управления могут быть решены многие градостроительные, экологические и имиджвые проблемы региональных агломераций в части обеспечения комфортной среды

проживания населения и поддержания состояния территорий на уровне их устойчивого развития.

При этом для заключения новых соглашений по развитию конструктивного и качественного благоустройства территорий предложено рассмотреть возможность создания внутригородского линейного парка на реке Темерник в г. Ростове-на-Дону в ближайшей перспективе для улучшения внешнего облика города в преддверии чемпионата мира по футболу 2018 г. за счет компенсационного озеленения хвойными растениями.

Данные изменения выполнены в соответствии с Градостроительным кодексом РФ от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 30.12.2015) и внесены в Генеральный план города на 2007–2025 гг. решением Ростовской городской Думы от 19.04.2016 г. № 123, которые коснулись всей территории муниципального образования (Областной закон Ростовской области от 27.11.2004 № 238-ЗС (ред. от 28.11.2008) «Об установлении границы и наделении статусом городского округа муниципального образования “Город Ростов-на-Дону”»).

Поправки предусматривают комплексное благоустройство и развитие системы озеленения и природно-экологического каркаса города как части единого зеленого фонда совокупности муниципальных образований («Большой Ростов»), формирующих центральную часть единого территориально-пространственного образования «Ростовская агломерация», в том числе формирование линейных парковых зон вдоль русла реки Темерник, с полным инженерным оборудованием и благоустройством прибрежных территорий, пешеходной и велосипедной инфраструктур, протяженность которых станет одной из самых значительных в России и Европе.

За последние годы Ростов-на-Дону преобразился, появились новые элементы озеленения и благоустройства, особенно в условиях подготовки к чемпионату мира по футболу в 2018 г. Необходимо и целесообразно производить благоустройство не только центра города, но и создавать новый зеленый пояс Ростова-на-Дону. Проведение в крупных городах области подобных масштабных мероприятий позволит снизить как экологические риски, так и улучшить в целом их экологическое состояние.

Одной из главных сложностей является отсутствие нормативно-правовой базы по данному вопросу, которая необходима для того, чтобы

иметь возможность организовать все озеленение города более грамотно.

Сегодня в области повышенного внимания находятся и стадионы, левый берег Дона и центр города – общественные территории. Производятся работы по озеленению главной улицы Ростова-на-Дону – Большой Садовой в рамках проекта озеленения, и в текущем году запланирована посадка крупномерных саженцев. Впервые будут применены приствольные решетки, так как уплотненная почва не пропускает влагу, и решетки защитят ее от вытаптывания. Также при озеленении планируется использовать малые архитектурные формы [9].

На наш взгляд, необходим перспективный план озеленения города Ростова-на-Дону, который позволит провести комплексную оценку состояния зеленого фонда, включит в себя как долгосрочные, так и краткосрочные мероприятия. В озеленении следует использовать многолетние и вечнозеленые насаждения, обратить внимание на приемы вертикального озеленения и озеленения крыш жилых и нежилых объектов недвижимости, что скажется на формировании комфортного микроклимата города [10].

В черте Ростова-на-Дону находятся три охраняемых природных территории как федерального, так и областного значения: Ботанический сад, Ростовский зоопарк и заказник Донской, и это следует учитывать при формировании плана озеленения. Необходимо усовершенствовать план и механизм постановки на баланс деревьев, сформировать сбалансированную схему компенсационных посадок.

Происходит активизация населения в решении проблем озеленения и благоустройства территорий. Так, проект по реабилитации реки Темерник с обустройством береговых полос в общегородской экологической парк неоднократно обсуждался городским сообществом, благодаря его реализации удастся качественно улучшить условия жизни ростовчан, превратив очаг экологического загрязнения, которым, к сожалению, сейчас является Темерник, в парковое рекреационное пространство общегородского значения.

Активизация взаимодействия, действующего в рамках реализации проектов государственно-частного партнерства, частного бизнеса с Министерством природных ресурсов Ростовской области и Администрацией города Ростова-на-Дону позволит аккумулировать бюджетные и внебюджетные источники и будет способствовать повы-

шению уровня общественного доверия, подобные проекты необходимо реализовывать на принципах максимальной информационной открытости и прозрачности.

Участие населения в проектировании и реализации программ благоустройства дворов и общественных пространств позволит согласовывать эти проекты с потребностями жителей, будет стимулировать сопричастность населения к изменениям, происходящим в направлении озеленения территорий.

К комплексному благоустройству относятся и вопросы обращения с отходами. Поправки касательно раздельного сбора отходов были внесены в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» только в этом году. Раздельный сбор отходов – это одна из возможностей улучшить экологическую обстановку в городе.

Как показал опыт зарубежных стран, раздельный сбор отходов является для населения вполне реальным [11]. Уже дали результаты процессы разделения пластиковой и стеклянной тары в отдельные контейнеры.

В Ростове-на-Дону в настоящее время места временного складирования отходов дополнительно укомплектованы специализированными контейнерами. Установлено более 500 контейнеров для раздельного сбора различных видов вторичного сырья (пластика, макулатуры, стекла, металлических банок). Регулярно проводятся акции по раздельному сбору отходов во всех районах города. Наряду с этим коммунальщики располагают специализированной техникой в необходимом количестве, ее парк за последние годы обновился более чем на 40 %. Это позволяет проводить работу по благоустройству и поддержанию надлежащего санитарного состояния проспектов, улиц, переулков и внутриквартальных проездов.

Однако регулярность проведения работ по уходу за объектами улично-дорожной сети еще далека от оптимальной: почти половина городских улиц убирается лишь раз в месяц из-за отсутствия необходимого объема средств для решения этой проблемы.

Следует отметить, что повышение качества жизни населения – активная позиция Правительства Российской Федерации по привлечению инвестиций в целях интенсификации экономического развития. В этом контексте целесообразно реализовывать проекты благоустройства территорий не только с учетом их экономической эффективности, но и с учетом их влияния на окружающую среду и здоровье населения [12].

В этой связи в рамках осуществления мероприятий «дорожной карты» по реабилитации реки Темерник Министерством природных ресурсов и экологии Ростовской области ведутся работы по благоустройству территорий, в том числе по обследованию водоохранной зоны для выявления нарушений природоохранного и водного законодательства. В границах Ростова-на-Дону насчитывается 64 выпуска, в том числе 25 выпусков хозяйственно-бытовых вод, 11 – грунтовых (дренажных) вод, сбрасываемых с превышением концентрации загрязняющих веществ, 28 выпусков ливневых вод. В течение 2017 г. также наблюдалось размещение размываемых грунтов в прибрежной защитной полосе р. Темерник. Кроме того, в ходе рейдовых обследований прибрежной полосы с целью выявления источников сбросов, а также при поступлении обращений от жителей города зарегистрировано 33 места несанкционированного размещения отходов производства и потребления общей площадью 10 тыс. м². В период с августа по сентябрь текущего года с прибрежной полосы р. Темерник в городе было вывезено 187 т отходов. Расчищено 8 км берега реки, уничтожено 150 свалочных очагов. В ходе обслуживания гидротехнических сооружений в этот период было вывезено 327 т плавающего мусора с акватории р. Темерник и 1,5 тыс т отходов с прилегающей территории прибрежной полосы. В водоохранной зоне регулярно проводятся мероприятия по сбору и вывозу отходов и свалочных очагов, в том числе и как мера по предотвращению засорения акватории реки плавающими отходами.

В 2018 г. в Аксайском районе Ростовской области планируется начать работы по реконструкции очистных сооружений, что позволит на порядок уменьшить загрязнение за счет модернизации системы ливневой канализации.

Наряду с этим среди нововведений при реализации программ благоустройства следует отметить, что муниципалитеты Ростовской области будут выдавать разрешения на вырубку зеленых насаждений по итогам обязательного участия граждан и общественных объединений в процедуре оценки их состояния, которые должны содержать план-схему территории, а также фото или видеоматериалы. Такой подход позволит избежать нарушений при выдаче разрешений на ликвидацию зеленых насаждений и уменьшить ущерб окружающей природной среде Ростовской области.

На наш взгляд, необходим комплекс воспитательных мероприятий, стимулирующий граждан и организации к процессу утилизации отходов, такие как введение пониженного тарифа для граждан и управляющих компаний, осуществляющих раздельный сбор отходов производства и потребления.

В подобных условиях должны применяться не только экономические стимулы, но и социальные. Органы местных администраций должны содействовать формированию и функционированию инициативных групп, которые эффективно бы участвовали в процессе развития благоустройства и озеленения городских территорий.

Как нам представляется, экологическая культура граждан является залогом экологического благополучия крупного города. В этих условиях воспитанию сознательности граждан следует уделять особое внимание – необходимо экологическое просвещение, формирование экологического мышления, повышение экологической культуры, а самое главное – формирование навыков экологического администрирования и раздельного сбора отходов, причем не только в «Год экологии и охраняемых природных территорий» [13].

Для решения поставленных задач и достижения стратегических целей необходимо конструктивное понимание стратегии и реализация модернизации инфраструктурного обеспечения, направленного на благоустройство территорий, развитие сотрудничества населения, реального сектора региона, контролирующих институтов и органов управления.

Таким образом, современный инновационный этап развития благоустройства территорий и озеленения крупного города (например, Ростова-на-Дону) предполагает тесное взаимодействие населения, частного бизнеса, государственных и муниципальных органов управления, внедрение в практику идей экологического воспитания и стимулирование экологического поведения граждан.

Литература

1. Ан А.Л. Роль общественного пространства в муниципальных образованиях // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 1. С. 174–184.
2. Тяглов С.Г., Сергиенко В.Ю. Оптимизация параметров ландшафтного благоустройства как фактора инвестиционной привлекательности региона // Вестн. Рост. гос. экон. ун-та (РИНХ). 2014. № 3 (47). С. 103–107.

3. Бунькина И.А. Озеленение как действенное оздоровительное мероприятие, направленное на улучшение уровня благоустройства и комфорта среды обитания // Естество- и технические науки. 2014. № 11-12 (78). С. 445–447.

4. Семкина О.С., Скопинский А.И., Свиридова Е.С. Роль управления благоустройством в развитии территории муниципального образования // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2014. № 3–4. С. 159–161.

5. Сергиенко В.Ю. Взаимодействие общественных предприятий с внешними институтами в вопросах благоустройства территорий // Journal of Economic Regulation. 2015. Т. 6, № 2. С. 42–49.

6. Сергиенко В.Ю. Благоустройство региона как фактор отражения устойчивого его развития // Terra Economicus. 2014. Т. 12, № 2-2. С. 128–132.

7. Сергиенко С.В. Механизмы модернизации инфраструктурного обеспечения в сфере благоустройства крупных городов // Институты и механизмы регулирования в условиях глобальной нестабильности : материалы XII Междунар. науч.-практ. интернет-конф. 22–30 ноября 2014, г. Ростов-на-Дону. Ростов н/Д. : Изд-во ЮФУ, 2014. С. 71–79.

8. Сергеев П.В., Сергеев В.П., Машикина Н.А. Теоретические аспекты развития производственной и социальной инфраструктуры региона // Изв. Юго-Западного гос. ун-та. 2016. № 5 (68). С. 111–123.

9. Ромашева М.Н., Римшин В.И. Малые архитектурные формы как элемент комплексного благоустройства территорий // Современные информационные технологии в управлении качеством : сб. ст. V Междунар. науч.-прикл. конф. Пенза : Пензенский гос. технол. ун-т, 2016. С. 118–123.

10. Госсей Д.Д., Васнев В.И., Афонина А.К. Развитие технологий выращивания растений в вертикальной плоскости // Агроэкология. 2015. Т. 4, № 4 (6). С. 40–44.

11. Великие реки 2015 // Труды конгресса 17-го Междунар. науч.-промышл. форума : в 3 т. Н. Новгород : Нижегородский гос. архит.-строит. ун-т, 2015. Т. 1. 582 с.

12. Шеховцов Р.В., Тамбовцев С.Н., Абдуллаев Р.А. Государственная политика развития инвестиционной сферы региона: на материалах Ростовской области // Бизнес-информ. 2014. № 5. С. 86–93.

13. Баилакова О.И. Проблемы экологической безопасности России // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 3 (42). С. 112–121.

References

1. An A.L. Rol' obshchestvennogo prostranstva v munitsipal'nykh obrazovaniyakh [The Role of Public Space in Municipalities]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. 2012, No. 1, pp. 174-184.
2. Tyaglov S.G., Sergienko V.Yu. Optimizatsiya parametrov landshaftnogo blagoustroistva kak faktora investitsionnoi privlekatel'nosti regiona [Optimization of the Parameters of Landscape Improvement as a Factor of Investment Attractiveness of the Region]. *Vestn. Rost. gos. ekon. un-ta (RINKh)*. 2014, No. 3 (47), pp. 103-107.
3. Bun'kina I.A. Ozelenenie kak deistvennoe ozdorovitel'noe meropriyatie, napravlennoe na uluchshenie urovnya blagoustroistva i komforta sredi obitaniya [Landscaping as an Effective Wellness Measure Aimed at Improving the Level of Comfort of Habitat]. *Estestv. i tekhnicheskie nauki*. 2014, No 11-12 (78), pp. 445-447.
4. Semkina O.S., Skopinskii A.I., Sviridova E.S. Rol' upravleniya blagoustroistvom v razvitii territorii munitsipal'nogo obrazovaniya [The Role of Improvement Management in the Development of the Territory of the Municipality]. *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2014, No. 3-4, pp. 159-161.
5. Sergienko V.Yu. Vzaimodeistvie obshchestvennykh predpriyatii s vneshnimi institutami v voprosakh blagoustroistva territorii [Interaction of Public Enterprises with External Institutions in Matters of Territory Improvement]. *Journal of Economic Regulation*. 2015, vol. 6, No. 2, pp. 42-49.
6. Sergienko V.Yu. Blagoustroistvo regiona kak faktor otrazheniya ustoichivogo ego razvitiya [Improvement of the Region as a Factor of its Sustainable Development]. *Terra Economicus*. 2014, vol. 12, No. 2-2, pp. 128-132.
7. Sergienko S.V. [Mechanisms of modernization of infrastructure in the sphere of improvement of large cities]. *Instituty i mekhanizmy regulirovaniya v usloviyakh global'noi nestabil'nosti* [Institutes and mechanisms of regulation in conditions of global instability]. Proceedings of XII International scient.-pract. internet-conf. November 22-30, 2014, Rostov-on-Don. Rostov-on-Don: Izd-vo YuFU, 2014, pp. 71-79.
8. Sergeev P.V., Sergeev V.P., Mashkina N.A. Teoreticheskie aspekty razvitiya proizvodstvennoi i sotsial'noi infrastruktury regiona [Theoretical Aspects of Industrial and Social Infrastructure Development of the Region]. *Izv. Yugo-Zapadnogo gos. un-ta*. 2016, No. 5 (68), pp. 111-123.
9. Romasheva M.N., Rimshin V.I. [Small Architectural Forms as an Element of Complex Landscaping]. *Sovremennye informatsionnye tekhnologii v upravlenii kachestvom* [Modern Information Technologies in Quality Management]. Col. art. V Mezhdunar. nauch.-prikl. konf. Penza: Penzenskii gos. tekhnol. un-t, 2016, pp. 118-123.
10. Gosse D.D., Vasenev V.I., Afonina A.K. Razvitie tekhnologii vyrashchivaniya rastenii v vertikal'noi ploskosti [Development of Technologies for Growing Plants in the Vertical Plane] *Agroekologiya*. 2015, vol. 4, No. 4 (6), pp. 40-44.
11. [Great Rivers 2015]. *Materials of the Congress of 17th International scien.-manuf. forum*: in 3 vol. N. Novgorod: Nizhegorodskii gos. arkhiv.-stroit. un-t, 2015, vol. 1, 582 p.
12. Shekhovtsov R.V., Tambovtsev S.N., Abdulaev R.A. Gosudarstvennaya politika razvitiya investitsionnoi sfery regiona: na materialakh Rostovskoi oblasti [State Policy of Regional Investment Sphere Development: on Materials of the Rostov Region]. *Biznes-inform*. 2014, No. 5, pp. 86-93.
13. Bashlakova O.I. Problemy ekologicheskoi bezopasnosti Rossii [Problems of Environmental Safety in Russia]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2015, No. 3 (42), pp. 112-121.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ TOUCHES TO THE PORTRAIT

DOI 10.23683/0321-3056-2017-4-115

Ученый, организатор науки, писатель (к 80-летию Владимира Семеновича Золотарева)

Золотарев Владимир Семенович, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации родился 25 декабря 1937 г. в Ростове-на-Дону. В 1959 г. он окончил Ростовский финансово-экономический институт, ныне этот вуз называется Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). Почти через 30 лет Владимир Семенович вернулся в него ректором, в течение 20 лет успешно руководил им, сделав его одним из лидеров среди экономических вузов России. По сути он создал новый государственный университет гуманитарного профиля, обладающий уникальными возможностями общественного влияния на развитие интеллектуального потенциала и научно-исследовательского обеспечения роста экономики в Ростовской области и Юга России.

Педагогическую и научную деятельность Владимир Семенович начал в Ростовском государственном университете (сегодня – Южный федеральный университет), которым долгие годы руководил Юрий Андреевич Жданов. В РГУ прошел путь от аспиранта до декана экономического факультета, защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Стаж его научно-педагогической деятельности около 50 лет, имеет более 300 научных публикаций.

Сфера научных интересов: проблемы региональной экономики, организация и управление научно-техническим процессом, проблемы перехода к рыночной экономике, финансовый менеджмент, региональный бюджет и бюджетная политика. Под руководством В.С. Золотарева сформировалась научная школа «Современные концепции и методы финансового менеджмента».

Удостоен звания «Заслуженный деятель науки РФ», награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования РФ», грамотами Министерства образования РФ.

Многие годы Владимир Семенович уделяет большое внимание работе в журнале «Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион», будучи заместителем главного редактора и бессменным председателем редакционной коллегии серии «Общественные науки».

Основная научная, общественно-политическая деятельность дополняется талантливым литературным творчеством. Лауреат различных литературных премий, Владимир Семенович является членом Ростовского отделения Союза журналистов России. В своих произведениях он отражает различные вехи жизни с присущим ему легким юмором, добротой и философским отношением к «человеческим слабостям».

Острый ум, коммуникабельность Владимира Семеновича, широта знаний, щедрость души, мудрость, терпимость, способность к сопереживанию, стремление помочь нуждающимся, писательский и административные таланты снискали уважение и любовь всех соприкасающихся с ним людей.

Редколлегия и редакция журнала сердечно поздравляют Владимира Семеновича с юбилеем, желают ему крепкого здоровья, оптимизма, покорения новых творческих вершин и долгих, долгих лет жизни!.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

BOOKS REVIEW

DOI 10.23683/0321-3056-2017-4-116-117

Экскурсовод. Как им стать : сборник статей и законодательных актов, позволяющих освоить специальность «экскурсовод» в городе Ростове-на-Дону / ред. и сост. Ю.С. Пономарев. Ростов н/Д. : Медиapolis, 2017. 76 с.

Guide. How to Become It. A Collection of Articles and Legislative Acts, Allowing You to Master the Specialty of "Guide" in the Rostov-on-Don. Ed. and comp. Yu.S. Ponomarev. Rostov-on-Don: Mediapolis, 2017, 76 p.

В 1995 г. в Ростове-на-Дону было учреждено Ростовское региональное отделение Российской межрегиональной общественной научно-просветительской организации «Национальная академия туризма» (РОНАТ). За время своей практической деятельности оно накопило довольно большое число документов учебного и учебно-методического характера, позволяющих познать, как шло развитие экскурсионного дела в Ростовской области в последние 20 лет.

Руководство РОНАТ признало целесообразным опубликовать ряд документов, связанных с ростовским экскурсоведением и краеведением, которые вызовут интерес у людей, желающих освоить профессию экскурсовода, особенно в преддверии Чемпионата мира по футболу 2018 г. Книга по культуре и истории донского края, несомненно, вызовет интерес среди участников и туристов.

Открывается сборник разделом «Методика подготовки и проведения экскурсий» (авторы – Г.П. Долженко, О.И. Костюкова).

Подготовка экскурсии – это всегда разработка новой темы экскурсии, согласно предполагаемым запросам потенциальных клиентов туристского предприятия и определяемым экскурсионными возможностями города, региона.

Процесс подготовки новой экскурсии включает в себя постановку цели и задач экскурсии, изучение и отбор экскурсионных объектов, составление маршрута экскурсии, изучение литературных источников по теме экскурсии, экспозиций и фондов музеев, консультации у специалистов, написание контрольного текста экскурсии, комплектование «портфеля экскурсовода», составление технологической карты экскурсии и др.

При подготовке экскурсоводов большое значение придается их индивидуальной работе по совершенствованию речи.

Важнейшим профессиональным требованием является правильное словоупотребление, без чего нельзя рассчитывать на успешное проведение экскурсии.

Для сборника подготовлены рекомендации «Об индивидуальной работе экскурсоводов по совершенствованию техники речи» (авторы – Г.П. Долженко, Л.Б. Савенкова, О.И. Костюкова), которые уже неоднократно использовались на занятиях со студентами специальности «туризм» Южного федерального университета и всегда давали положительный результат. Через месяц (20 индивидуальных занятий) значительно повышались общие речевые способности и качество дикции у студентов, серьезно относившихся к работе. Особенно заметно это было при сравнении записей звучания речи обучающихся, сделанных на первом и на последнем, двадцатом занятии.

Новый этап в развитии экскурсионного дела в Ростове-на-Дону наступил в июне 2013 г., когда была образована Ассоциация экскурсоводов и гидов-переводчиков Ростовской области. Ее создание обусловлено необходимостью объединить экскурсоводов и гидов-переводчиков в сообщество для об-

мена информацией, получения помощи в работе, использования новых приемов и методов при проведении экскурсий. Одна из главных задач Ассоциации – повышение профессионального уровня работающих экскурсоводов.

Ассоциация приглашает своих членов на городские творческие встречи, проводимые регулярно, что дает возможность послушать профессионалов в области истории России, истории Донского края, архитектуры, литературы, военной тематики и др. Охотно откликаются на такие приглашения в качестве лекторов сотрудники музеев, различных учебных заведений города – Южного федерального университета, Ростовской государственной консерватории, Областного музея краеведения, музея имени Г.Я. Седова, Таганрогского музея А.П. Чехова, музея академического театра имени М. Горького и др.

Очень важен и интересен раздел сборника, в котором представлены краткие содержания экскурсий, проводимых членами Ассоциации в Ростовской области: от экскурсий для дошкольников, например «Мамы всякие важны, мамы всякие нужны», до производственных экскурсий, таких как «Информационный центр по атомной энергетике» или ОАО «Пивоваренная компания “Балтика”».

Можно быть уверенным, что новая книга по экскурсоведению, обобщившая двадцатилетний опыт развития экскурсий в Ростовской области, станет авторитетным пособием как для опытных, так и молодых, начинающих творческий путь специалистов.

О.В. Ивлиева,
доктор географических наук, профессор,
заведующая кафедрой туризма Южного федерального университета

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

SCIENTIFIC LIFE

DOI 10.23683/0321-3056-2017-4-118-120

Об итогах III Международной научно-практической конференции «Конкурентоспособность национальных экономик и регионов в контексте глобальных вызовов мировой экономики» (Ростов-на-Дону, ЮФУ, 20–22 апреля 2017 г.)

On the Results of the III International Scientific and Practical Conference "Competitiveness of National Economies and Regions in the Context of Global Challenges of the World Economy" (Rostov-on-Don, SFU, April 20-22, 2017)

Организатором конференции выступила кафедра мировой экономики и международных отношений (МЭ и МО) экономического факультета ЮФУ. Форум собрал более 147 ученых и представителей бизнеса из России и 7 стран дальнего зарубежья и Евразийского экономического союза. Соорганизаторами конференции выступили зарубежные и российские организации-партнеры кафедры: Исследовательский институт экономики и бизнеса Харбинского университета коммерции (КНР); кафедра международных экономических отношений Хозяйственной академии им. Д.А. Ценова (Республика Болгария), Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Республика Казахстан), Белорусский государственный экономический университет (Республика Беларусь), Таганрогская межрайонная торгово-промышленная палата (г.Таганрог, РФ), Торгово-промышленная палата Ростовской области (г.Ростов-на-Дону, РФ), Центр поддержки экспортоориентированных предприятий (г.Ростов-на-Дону, РФ), журнал «Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки».

Работа конференции осуществлялась в рамках Пленарного и трех секционных заседаний. Исследования участников конференции были посвящены политике и практике управления национальной конкурентоспособностью в условиях глобализации; управлению конкурентоспособностью отраслей и предприятий; месту, роли и перспективам расширения экономического сотрудничества в рамках международных интеграционных объединений и национальных государств.

Пленарное заседание открыла декан экономического факультета ЮФУ д.э.н., проф. *Е.В. Михалкина*, которая остановилась на стратегии и задачах факультета в международном сотрудничестве, выделив перспективные образовательные программы с участием зарубежных партнерских организаций.

Президент Таганрогской межрайонной торгово-промышленной палаты *А.Н. Амерханов* отметил преимущество проводимой международной конференции, подчеркнул необходимость исследований, направленных на активизацию внешнеэкономической деятельности субъектов предпринимательства регионов России, отметил важность повышения региональной конкурентоспособности в условиях геополитической напряженности.

Пленарный доклад *Д.М. Мадияровой*, д.э.н., проф. Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева был посвящен детальному анализу опыта индустриализации Казахстана в постсоветский период развития. Особое внимание в выступлении было уделено факторам, условиям и особенностям обеспечения конкурентоспособности промышленного сектора государства при выходе на международные рынки. Важнейшим институтом преобразования экономики Казахстана, по мнению докладчика, выступает Государственная программа формирования индустриального развития.

Анализируя историю экономического сотрудничества Республики Армения и Российской Федерации в целях исследования конкурентоспособности экономик стран в рамках взаимодействия в ЕАЭС д.э.н., проф., г.н.с. Южного научного центра РАН РФ *А.Д. Гомцян* выделил позитивную роль ЕАЭС во внешнеторговых и инвестиционных трендах развития Армении, предложил меры поддержки роста взаимного товарооборота.

В докладе д.э.н., проф. кафедры «Управление развитием пространственно-экономических систем» *В.Н. Овчинникова* освещены различия исторических парадигмальных оснований национальных моделей реиндустриализации России и США, оказавших существенное влияние на национальную конкурентоспособность, сделан вывод о значимости парадигм национальных моделей в развитии крупных экономических систем.

Проблемы оценки регионально-отраслевой конкурентоспособности Юга России в условиях геополитической напряженности рассмотрены в докладе *Н.Н. Евченко*, д.э.н., проф. кафедры МЭ и МО экономического факультета ЮФУ. Докладчиком предложена методика количественной оценки влияния геополитических решений на объемы внешнеторгового сектора региональной экономики, а также проведены расчеты изменения внешнеэкономической активности субъектов Ростовской области в условиях внешних ограничений.

Е.В. Мартьякова, д.э.н., проф. Московского государственного университета путей сообщения на примерах взаимодействия образовательной структуры с бизнесом, выполнения проектов с использованием технологии ГЧП обосновала, что качество и партнерство в образовании выступают приоритетами обеспечения национальной конкурентоспособности, отметила важность распространения позитивных моделей взаимодействия бизнеса и образования.

А.Ю. Архипов, д.э.н., проф., зав. кафедрой «Международный бизнес», экономического факультета ЮФУ посвятил выступление проблемам повышения конкурентоспособности экономики России в условиях современных глобальных вызовов, сделал вывод о том, что для повышения конкурентоспособности отечественной экономики важно решить давно накапливавшиеся проблемы: преодолеть сырьевую направленность, значительную зависимость от экспорта углеводородов, создать условия для эффективного ведения бизнеса и механизмы для внедрения инноваций.

В выступлении д.э.н., проф. кафедры МЭ и МО экономического факультета ЮФУ *Т.В. Ворониной* внимание было сфокусировано на анализе макроэкономической конвергенции стран-участниц ЕАЭС. По мнению докладчика, экономическая гармонизация имеет важное значение для полноценного развития и долговременного успеха интеграции. Опираясь на опыт ЕС, был сделан вывод о том, что целенаправленная работа по обеспечению однородности экономик и согласованности экономической жизни стран ЕАЭС необходима как *до*, так и *в ходе* интеграции.

К проблемам развития высшего образования как сферы международной конкуренции привлечено внимание в докладе *Т.В. Игнатовой*, д.э.н., проф., зав. кафедрой экономической теории и предпринимательства Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ и *Д.Ф. Ямбушева*, к.э.н., зам. начальника департамента ООО «Дмитрогорский продукт – Москва». По мнению авторов, модель организации вузов будет вынуждена существенно измениться под давлением международных обстоятельств с учетом обеспечения их конкурентоспособности, при этом изменения определяются в первую очередь сдвигом технологической парадигмы и освоением новых возможностей интернационализации образования.

В выступлении к.э.н., доц. кафедры МЭ и МО ЮФУ *А.Б. Яценко* основное внимание было уделено конкурентным позициям интеграционных объединений в мировом хозяйстве. Докладчик отметил, что синергия интеграции усиливает конкурентоспособность интеграционных объединений в мировой экономике, но при этом, ограничивает их самостоятельность при принятии стратегических решений.

По итогам проведенной конференции ее участники – ученые, эксперты, зарубежные гости и предприниматели отметили, что глобальные вызовы экономики расширяют сферу влияния, выступая все более важным внешним фактором национального развития. Синергический эффект экспортеров и организаций, содействующих экспорту, позволит укрепить позиции РФ на мировых товарных и услуговых рынках. Следовательно, в условиях геополитических вызовов, организационных

и финансово-экономических усилий по сохранению присутствия отечественных товаров на традиционных рынках и готовности к завоеванию новых экспортных рынков исключительно важным представляется профессиональное обсуждение направлений обеспечения конкурентоспособности национальных экономик, формулирование предложений эффективных форм и методов взаимодействия заинтересованных сторон в процессе использования преимуществ международного разделения труда.

Т.В. Воронина,
д.э.н., заведующая кафедрой МЭ и МО ЮФУ

Н.Н. Евченко,
д.э.н., профессор кафедры МЭ и МО ЮФУ

Научные конференции в Мордовии, посвященные 200-летию со дня кончины святого праведного воина Феодора Ушакова (Саранск, 12 октября 2017 г.; Темников, 17 октября 2017 г.)

Scientific Conferences in Mordovia Dedicated to the 200th Anniversary of the Death of the Holy Righteous Warrior Feodor Ushakov (Saransk, October 12, 2017; Temnikov, October 17, 2017)

Одна из конференций на тему «Святой образ адмирала Ф.Ф. Ушакова в системе патриотического и духовно-нравственного воспитания детей и молодежи: особенности, опыт, проблемы» проходила в столице Мордовии, г. Саранске 12 октября 2017 г. в Национальной библиотеке им. А. С. Пушкина. В числе ее организаторов – Министерство культуры, национальной политики, туризма и архивного дела, Министерство образования, Государственный комитет по делам молодежи, Научно-исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева, НИИ гуманитарных наук при правительстве (все ведомства Республики Мордовия), Мордовская митрополия, администрация города Саранска.

В адрес собравшихся были произнесены приветствия от главы Государственного Собрания, Правительства Республики Мордовия, Мордовской митрополии и от Государственного морского университета им. адм. Ф.Ф. Ушакова (г. Новороссийск, Краснодарский край).

Выступления на пленарном заседании открыл *А. М. Чушкин* – министр культуры, национальной политики, туризма и архивного дела Мордовии с докладом «Святой образ адмирала Ф.Ф. Ушакова как символ гражданственности и патриотизма». Анализируя личность Ф.Ф. Ушакова, современные ему социальные реалии, он «построил» мост от ушаковского времени к нынешним воспитательным проблемам, показав и возможность и необходимость прямого заимствования моральных принципов и практики святого адмирала для разрешения современных социально-нравственных задач.

Наместник Санаксарского Рождество-Богородичного мужского монастыря (в котором хранятся мощи святого праведного воина Феодора Ушакова) архимандрит *Иннокентий (Руденко)* раскрыл тему «Духовно-нравственное наследие адмирала Ф.Ф. Ушакова». Он проанализировал литературу об Ушакове еще «досвятого» периода (Ушаков как местночтимый святой был прославлен только в 2001 г. по инициативе совершенно светского лица – председателя Союза писателей России, д-ра ист. наук В.Н. Ганичева) и духовные и светские издания XXI в. о личности адмирала и подчеркнул, что нет в высказываниях современников плохих мнений об адмирале Федоре Ушакове.

Особое внимание привлек доклад бывшего моряка-подводника, ведущего научного сотрудника НИИ военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил РФ, канд. ист. наук, капитана 1-го ранга *В.Д. Овчинникова* «Адмирал Ф.Ф. Ушаков в Российской истории. К 200-летию преставления святого праведного воина». В.Д. Овчинников – лидер «ушакововедения»; автор примерно 50 публикаций об Ушакове (кстати, он близкий земляк Ф.Ф. Ушакова: родился на ярославской земле), в том числе монографии «Адмирал Федор Ушаков – святой праведный воин» (Ярославль: ООО «Академия 76», 2014. 656 с.).

В.Д. Овчинников выступил с критикой в адрес художников, нарушающих реалии, придумывающих несуществовавшие детали в изображении морских батальей конца XVIII в. Он заострил внимание на неразрешенности вопроса о действительном внешнем виде Ф.Ф. Ушакова, хотя с 1940-х гг. после эксгумации М.М. Герасимовым останков адмирала из могилы в Санаксарском монастыре и их изучения сделан в уточнении внешности Ф.Ф. Ушакова значительный прорыв; кроме того российские исследователи получили из рук греческих монахов в 2015 г. копии портрета адмирала, сделанного в конце XVIII в. в греческом монастыре. Воссозданный М.М. Герасимовым облик и копия портрета флотоводца, подаренная греками, – пожалуй, самые достоверные источники для воссоздания реального изображения святого адмирала.

И.А. Зеткина, д-р культурологии, проф. (Мордовский гос. пед. ин-т им. М.Е. Евсевьева) и *О.В. Шуляпова* (Управление образования администрации г. Саранск) представили доклад «Подвиг жизни Феодора Феодоровича Ушакова в опыте патриотического и духовно-нравственного воспитания школьников Республики Мордовия».

И.К. Дугушкин, заместитель министра образования Республики Мордовия, опираясь на опыт своего ведомства, осветил тему «Роль образовательных организаций в патриотическом и духовно-нравственном воспитании детей и молодежи».

Доклад «Судьба и духовный подвиг Феодора Санаксарского (Ушакова), дяди великого флотоводца» представил *И.В. Капитонов*, канд. ист. наук, директор Саранского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Сравнительный анализ в докладе «Нельсон и Ушаков: действия двух адмиралов в военно-морской парадигме Англии и России конца XVIII – начала XIX вв.» провел канд. ист. наук, доц. Научно-исследовательского Мордовского госуниверситета им. Н.П. Огарева *В.А. Григорькин*.

Обзорным и в то же время источниковедческим было выступление ВРИО начальника Республиканской архивной службы Мордовии *Н.В. Бычкова* «Документы Центрального государственного архива Республики Мордовия об Ушаковых».

Е.А. Осмуха, преподаватель (ГМУ им. адм. Ф.Ф. Ушакова, г. Новороссийск) ознакомил участников конференции в выступлении «Влияние образа святого Федора Ушакова на процесс учебной подготовки морских курсантов» с опытом своей работы.

В морском университете им. адм. Ф.Ф. Ушакова есть традиция контактирования преподавателей военно-исторических дисциплин факультета военного обучения и историков кафедры гуманитарных дисциплин, что взаимно обогащает педагогические коллективы.

Директор Православного культурно-просветительного Центра им. адм. Ф.Ф. Ушакова *О.Н. Змерзлая* обратилась к теме «История создания ушаковского движения в России»; большая часть ее доклада была посвящена опыту детских и юношеских ушаковских организаций в Темниковском районе Мордовии и в Мордовской Республике.

Неожиданную тему предложил д-р мед. наук, проф., акад. РАН, заслуженный врач РФ, ген.- майор мед. службы *И.Б. Ушаков*: «Святой Федор Ушаков о здоровье человека». Забота о здоровье подчиненных, в том числе матросов, была неотъемлемой частью его служебной деятельности. В 1883 г. он наиболее эффективно по сравнению с другими спасал от чумы своих матросов.

После пленарного заседания работало четыре секции. На секциях было сделано 71 сообщение. Из них наиболее значимые касающиеся биографии Ушакова: «Личность Ф.Ф. Ушакова в школьном курсе истории России» (*А.В. Карташов*, археограф ЦГА Республики Мордовия); «Документы Государственного архива Ярославской области о Ф.Ф. Ушакове» (*А.А. Володичева*, консультант Управления по делам архивов); «Адмирал Федор Федорович Ушаков в документах Государственного архива Тамбовской области» (*Н.Б. Рубан*, ведущий архивист); «Честное служение Родине праведного воина Ф. Ушакова» (*И.А. Кандрина*, канд. ист. наук).

Воспитанию учащейся молодежи на примере жизни и деятельности Ф.Ф. Ушакова посвящено 19 выступлений. Среди них сообщения иерея *Максима Адамова*, духовника Саранской духовной семинарии «Святой праведный Федор Ушаков как образец жизни христианина»; иерея *Николая Новотрясова* (руководитель отдела религиозного образования и катехизации Саранской епархии) «Святой образ адмирала Феодора Ушакова в системе современной катехизации молодежи».

Сообщение *А.Н. Берняевой* и *Д.М. Переплетчиковой* (учащиеся 9-го класса из г. Саранска) «Воссоздание образа Святого праведного воина Феодора Ушакова в искусстве» раскрывает малоисследованную на этой конференции тематику.

Значительная часть сообщений на секциях ставит целью показать формы и методы воспитания патриотизма без упоминания имени Ф.Ф. Ушакова в названии. Таких сообщений около 36.

17 октября 2017 г. в районном Доме культуры г. Темников состоялась научно- практическая конференция, посвященная 200-летию со дня преставления святого праведного воина Феодора Ушакова. Конференция проходила в рамках епархиального этапа XXVI Международных Рождественских образовательных чтений: «Нравственные ценности и будущее человечества». Модератором был иеромонах Тихон (Федяшкин) – секретарь Краснослободской епархии, магистр теологии.

С приветствиями выступили Преосвященный Климент – епископ Краснослободский и Темниковский и глава Темниковского муниципального района С.Н. Кизим.

На пленарном заседании с докладом «Морской университет имени адмирала Ушакова – южный форпост российской науки» выступил *В.В. Денисов*, доцент, и.о. начальника кафедры гуманитарных дисциплин ГМУ им. адм. Ф.Ф. Ушакова, г. Новороссийск.

Докладчик остановился не только на достижениях университета им. Ф.Ф. Ушакова в сфере морской транспортной науки (нередко морской университет небольшого Новороссийска опережает родственные морские университеты Минтранса им. адм. С.О. Макарова в Санкт-Петербурге и им. адм. Г.И. Невельского во Владивостоке), но и кратко описал значение Новороссийского морского университета в подготовке плавательских кадров для торгового флота и (единственного среди морских вузов Минтранса) в обучении будущих офицеров запаса ВМФ России.

Е.А. Осьмуха раскрыл комплекс форм военного воспитания курсантов, в частности через военно-морские ритуалы.

Близки по тематике были выступления директора СОШ № 2 г. Строитель Белгородской области *А.В. Кононовой* «Организация работы кадетского Центра морской направленности «Гайфун» им. Ф.Ф. Ушакова на базе образовательного учреждения: опыт реализации, эффекты» и заместителя директора той же школы *И.Е. Богомаз* «Духовно-нравственное воспитание кадетов на примере жития и деяния святого православного воина адмирала Феодора Ушакова».

В докладе *А.В. Кононовой* больше виделись менеджерские сюжеты, а в выступлении *И.Е. Богомаз* на первое место выходили педагогические приемы. Особое внимание концентрировалось на понятиях «Прохоровка», «Третье ратное поле России», «Город первого салюта» – одних из опорных в воспитательно-патриотической работе.

«Опыт работы с подростками при Церкви в дружине им. Феодора Ушакова» проанализировал *П.Г. Козловцев* (старший инструктор православной военно-патриотической дружины Нижнего Новгорода).

Искания и традиции духовно-нравственного и патриотического воспитания в современном образовании раскрыла на базе опыта Ельниковского района Мордовии зам. директора *Н.И. Лукишина* (МОУ «Лицей»).

Сочетанием глубокой компетентности и искренней эмоциональности отличалось выступление председателя Общественной организации ветеранов ВМФ России г. Сарова Нижегородской области им. адм. Ф.Ф. Ушакова, советника директора завода РФЯЦ ВНИИЭФ, капитана 2-го ранга запаса *С.М. Яковлева* на тему «Участие музея военно-морской славы г. Саров в патриотическом воспитании подрастающего поколения».

Заключительным выступлением стал доклад игумена *Венедикта (Кулешова)* – архивариуса Рождество-Богородичного Санакарского мужского монастыря г. Темников «Нравственные качества личности святого праведного воина Феодора Ушакова». Венедикт – один из главных составителей жития святого праведного воина Феодора Ушакова. С опорой на библейские и другие священные тексты о. Венедикт подвел итог двум конференциям, подчеркнув высочайшие христианские качества единственного в мире святого адмирала, призвал присутствующих взять Ф. Ушакова образцом нравственного поведения.

На обеих научных конференциях выступали разного уровня участники – старшеклассники, доктора и кандидаты наук, профессора и доценты, деятели общественных патриотических организаций (светских и религиозных), работники муниципальных и государственных организаций, духовные лица. Естественно, разным был научный уровень выступавших, различными были их опыт и представления. Но взаимообогатились все участники конференций и авторы, присутствовавшие в роли слушателей.

В.В. Денисов,

кандидат исторических наук, доцент,

и.о. начальника кафедры гуманитарных дисциплин,

Государственный морской университет им. адм. Ф.Ф. Ушакова

Третья Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии», посвященная памяти академика РАН Николая Николаевича Покровского (Новосибирск, 13–14 октября 2017 г.)

The Third All-Russian Scientific Conference "Actual Problems of Russian History, Source Studies and Archeography", dedicated to the memory of Academician Nikolai Nikolayevich Pokrovsky (Novosibirsk, October 13-14, 2017)

Сектор археографии и источниковедения Института истории Сибирского отделения РАН под руководством акад. Н.Н. Покровского проделал огромную работу по выявлению рукописей и старопечатных книг в Сибири. По оценке акад. Д.С. Лихачева, деятельность Н.Н. Покровского и его школы привела к археографическому открытию Сибири. Благодаря этому титаническому труду, который проделали новосибирские археографические экспедиции, историческая наука получила немало ценных источников, относящихся к истории русского средневековья и старообрядчества.

В память о Н.Н.Покровском (1930, Ростов-на-Дону – 2013, Новосибирск) сектор археографии и источниковедения проводит уже третью научную конференцию, посвященную вопросам археографии и источниковедения, а также вопросам отечественной истории и истории Сибири.

В ходе конференции состоялось два пленарных заседания, при открытии и в заключение конференции, и работало шесть секций.

Доклады первого пленарного заседания охватывали вопросы, относящиеся к отдельным сторонам жизни и деятельности Н.Н. Покровского, к проблемам источниковедения и исторической памяти. Комплексный анализ переписки ученого с родными и близкими за время его шестилетнего заключения был сделан *Н.Д. Зольниковой* (ИИ СО РАН, Новосибирск). Воспоминания Н.Н. Покровского о научной работе в Новосибирске стали темой доклада *Н.П. Матхановой* (ИИ СО РАН, Новосибирск). Роль записок алтайских миссионеров как источника по истории распространения православия в Горном Алтае и в прилегающих регионах была представлена *Б.И. Пивоваровым* (Новосибирская митрополия). *А.В. Сиренов* (СПбГУ, Санкт-Петербург), работавший с Н.Н. Покровским над подготовкой к изданию Латухинской Степенной книги, рассказал о ее хронографической редакции. Доклад *Н.А. Мининкова* (ЮФУ, Ростов-на-Дону) касался исторической памяти донских казаков о Ермаке и о событиях XVI в.

На первой секции «Актуальные вопросы изучения истории православия» рассматривалась проблематика, которая постоянно находилась в центре внимания Н.Н. Покровского. Проявлениям исторической памяти старообрядцев в их эсхатологии было посвящено выступление *Н.С. Гурьяновой* (ИИ СО РАН, Новосибирск). Источниковедческий анализ роли компиляций в полемико-догматическом творчестве писателей-старообрядцев стал темой анализа *Н.С. Демковой* (СПбГУ, Санкт-Петербург) и *Л.В. Титовой* (ИИ СО РАН, Новосибирск). Доклад о сочинении «На галилеян» неизвестного белокриницкого писателя представил *Н.А. Старухин* (ИИ СО РАН, Новосибирск). *С.Г. Петров* (ИИ СО РАН, Новосибирск), работавший вместе с Н.Н. Покровским над двухтомником «Политбюро и церковь. 1922–1925» (серия «Архивы Кремля»), сделал акцент на отношениях между обновленческим расколом и русским зарубежьем в 20-е гг.

Доклады второй секции «История памятников древнерусской литературы: вопросы текстологии, жанров, образов» носили в значительной мере междисциплинарный характер. Два из них относились к 500-летию прибытия в Россию Максима Грека, деятельность которого была в центре внимания Н.Н. Покровского. Находка им в Сибири «Судного списка Максима Грека и Исаака Собаки» позволила глубже и полнее уяснить особенности внутрицерковной и политической ситуации в России к середине XVI в. Доклад о связи русской публицистики этого века и Судного списка Максима

Грека сделала *Л.И. Журова* (ИИ СО РАН, Новосибирск). Анализ образа Афона в сказаниях Максима Грека и Сергия Шелонина был проведен *Т.А. Исаченко* (РГБ, Москва). Антропологическое направление в историко-литературном исследовании представлено в докладе *О.Д. Журавель* (ИИ СО РАН, Новосибирск). Он касается случаев одержимости в сибирском обществе XVIII в. по литературным и документальным источникам. *В.И. Байдин* (УрФУ, Екатеринбург) выявил причины сибирской ссылки Кириши Данилова.

Две секции были посвящены источникам по истории России. На третьей секции рассматривались источники XIX – начала XX в., на четвертой – XVII – XVIII вв. В докладе *Д.В. Долгушина* (НГУ, Новосибирск) проанализирован дневник О.И. и М.В. Орловых-Давыдовых. *Е.Н. Туманик* (ИИ СО РАН, Новосибирск) рассказала об источниках описания Сибири офицером польского происхождения Ю. Кобылецким. Анализ крестьянских эго-документов по истории миграций крестьян пореформенного периода представил *М.К. Чуркин* (Омский госпединститут). Характеристика метрических книг, относящихся к религиозным общинам Екатеринбурга, дана *Е.М. Главацкой* (УрФУ, Екатеринбург). Источники по истории кооперации в позднимперский период в связи с формированием элементов гражданского общества рассматривались *Г.М. Запорожченко* (ИИ СО РАН, Новосибирск). Ряд докладов был посвящен истории печати. Так, *Н.Н. Бессонова* (НГТУ, Новосибирск) сделала анализ исследования истории цензуры в работах М.К. Лемке, а *И.Г. Адоньева* (НГТУ, Новосибирск) проследила эволюцию правового дискурса русских журналов пореформенного периода и начала прошлого века.

Четвертая секция открылась выступлением *А.Е. Аникина* (ИФил СО РАН) с анализом сибирской топономастики и ее тунгусо-маньчжурских и самодийских корней. О землепроходце Курбате Иванове говорилось в докладе *И.П. Каменецкого* (ИИ СО РАН, Новосибирск). Сборник XVII в. «Великое зеркало» как источник по истории медицины был проанализирован *С.К. Севастьяновой* (Алтайский ГТУ им. И.И. Ползунова, Рубцовск). *А.А. Бродников* (НГУ, Новосибирск) посвятил доклад памяти о прошлом семьи землепроходца Перфильева в двух документах XVIII в. *А.Х. Элерт* (ИИ СО РАН, Новосибирск) раскрыл смысл понятия «промышленник» в документах XVII – XVIII вв. Купеческие эго-документы стали темой доклада *Е.В. Комлевой* (ИИ СО РАН, Новосибирск).

На пятой секции рассматривались вопросы по теме «Современные аспекты изучения рукописных и старопечатных книг». Подготовительные материалы к сводному каталогу рукописей, старопечатных и редких книг в собраниях Сибири и Дальнего Востока были представлены *Е.И. Дергачевой-Скоп* (НГУ, Новосибирск) и *А.Ю. Бородихиным* (ГПНТБ СО РАН, Новосибирск). Доклады на секции также посвящены описанию отдельных книг и сборников, в том числе из собрания М.Н. Тихомирова в ГПНТБ СО РАН.

Проблемам отечественной истории XX в. уделено внимание в докладах шестой секции. Темой *Д.А. Ананьева* (ИИ СО РАН, Новосибирск) стала продажа Аляски в оценках историков США и Канады. Организация земских учреждений в годы революции в Акмолинской губернии стала темой доклада историка из Казахстана *Г.Т. Каженовой* (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан). О беженцах и голоде в Акмолинской губернии в 1921–1923 гг. сообщалось в выступлении *Г.Б. Карсаковой* (Кокшетауский ГУ им. Ш. Уалиханова, Кокшетау, Казахстан). Верования аборигенов Саяно-Алтая в первой трети XX в. стали темой доклада *А.П. Шекшеева* (Абакан). Археографические и источниковедческие проблемы делопроизводства ЦК РКП(б) в 1919–1924 гг. исследовались *М.В. Зеленовым* (РГАСПИ, Москва) и *Н.Ю. Пивоваровым* (РГАНИ, Москва).

Заключительное пленарное заседание открыл *В.М. Лурье* (Госуниверситет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург), рассказав о происхождении древнейшего славянского перевода книги Есфирь. Темой доклада *Е.М. Юхименко* (ГИМ, Москва) был анализ Выговских Четий Миней и богослужебного устава Выговского общежития. *П.И. Мангилев* (Екатеринбургская духовная семинария) поведал о старообрядческих гектографированных изданиях в книжно-рукописных собраниях Екатеринбурга. Исследование о старообрядческом рукописном сборнике второй половины XIX в. из Народной библиотеки Болгарии имени святых Кирилла и Мефодия содержалось в докладе *И.В. Починской* (УрФУ, Екатеринбург).

Материалы конференции свидетельствуют, что источниковедческая и археографическая проблематика, которая постоянно была в центре внимания Н.Н. Покровского, по-прежнему вызывает очень большой интерес историков Сибири и Урала, других регионов страны. В целом ряде выступлений нашло свое развитие научное наследие крупнейшего российского историка, источниковеда и археографа. Вместе с тем организаторы конференции не ограничились исключительно указанной проблематикой, включив в свою программу доклады по общеисторическим вопросам, это сделало конференцию еще более интересной. Хотелось, чтобы историки нашего региона активнее присоединялись к исследованиям, в которых коллеги из Новосибирска достигли столь впечатляющих результатов.

Н.А. Мининков,
доктор исторических наук, профессор,
Южный федеральный университет

**Указатель материалов, опубликованных в журнале
 «Известия высших учебных заведений.
 Северо-Кавказский регион. Общественные науки» в 2017 г.**

**Index of Materials, published in the Journal “Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedenii.
 Severo-Kavkazskii Region. Social Sciences” in 2017**

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Алексеев И.Н. Динамика становления профессиональной субъектности будущего педагога в культурно-образовательном пространстве.....	2
Алексеев И.Н. Содержание теоретической модели становления и развития профессионально-педагогической субъектности личности	1
Бичеев Б.А. Сотериология буддизма в текстах неканонического содержания («История Царя Унекер Торликут»).....	1
Веремчук А.С., Сорокин Г.В. Утопизм в сознании русской интеллигенции XIX – начала XX века	2
Воробьев Г.А. Семантика утраты социальной реальностью равновесно-устойчивого состояния в нелинейной динамике социокультурных изменений.....	3
Гнатюк М.А. Воплощение инерционной составляющей в российском обществе в парадигме зависимости от предшествующего пути развития.....	3
Гнатюк М.А. Социокультурные параметры российской модернизации в контексте оппозиции «инерционность – креативность».....	4
Дымченко М.Е. Архитектура в контексте культуры: специфика готической архитектуры в концепции Э. Панофского	1
Икиликян С.Г. Роль русского языка в формировании общероссийской идентичности.....	3
Икиликян С.Г. Роль языка в формировании этнической идентичности как предмет изучения научно-исследовательских практик.....	2
Лубский А.В., Бедрик А.В., Сериков А.В. Социальный статус этнического лидера (на примере диаспор Ростовской области).....	4
Лустин Ю.М. Социально-философские основания концептуализации типологии личности	1
Сарикек Г.Р. Индивидуальность и самоидентификация в обществе комфорта	1
Сухоруков М.М. «Почва» и судьба России в диалоге Ф.М. Достоевского и Н.Н. Страхова	1
Фетисова О.В. Массовое сознание и его трансформация в современном российском обществе.....	4
Хоконов М.А., Соблирова З.Х., Журтова А.А. Агональность как универсалий социокультурных систем (культурфилософский анализ).....	3
Цифанова И.В. Поиски идентичности в ситуации постмодерна: социальная игра и историческая экзистенция	4

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Агафонов А.И. От Великой Тартарии к Земле Донского войска (XVI – первая треть XIX века).....	2
Агафонов А.И. От Земли Донского войска к Области войска Донского (середина XIX – начало XX века).....	3
Айриян Р.С. Реорганизационный акт 1946 года и изменение роли Конгресса США в принятии политических решений.....	3
Амплеев Р.А. Изъятие церковных ценностей на Юге России в 1922 году в отечественной историографии.....	3
Амплеев Р.А. Отражение в материалах ростовской печати кампании по изъятию церковных ценностей в 1922 году.....	4
Бородин С.В. Некоторые черты современного россиеведения в Китае.....	4
Бураева К.Т. Северный Кавказ в контексте укрепления федерализма в России: исторический аспект.....	3
Венков А.В. Казаки Юга России и завершение Первой мировой войны.....	2
Виденкина К.А. Князь М.М. Щербатов о порядке занятия русского престола в Смутное время	1
Виденкина К.А. Консерватизм как общественно-политическая традиция России до середины XVIII века.....	4
Глушко А.Н. Из истории развития Национальной компании французских железных дорог SNCF во второй половине XX века	1
Го Ян. Поездка Чан Кайши в СССР во главе делегации д-ра Сунь Ятсена (1923) и ее влияние на события в Китае и взаимоотношения между странами	1
Гусейнов М.Ш. Выравнивание уровня экономического развития автономных республик и областей юго-востока России в составе Северо-Кавказского края (1920–1930 гг.).....	2
Егоров А.А. Амьенский мир 1802 года и его английские критики.....	4
Заварухина О.А. Италия глазами Б.И. Куракина.....	2
Казаров С.С. Первый нахичеванец на военной службе России	1
Кислицын С.А., Терентьева М.С. Современная Украина: политическая система, режимы и элиты.....	2
Ковалева О.А. История и поэзия: «Генриада» Вольтера как памятник своей эпохи.....	4
Комарницкий О.Л. О возникновении и развитии в Российском государстве уголовно-правовых норм: исторический аспект.....	4
Кротов О.С. Повседневный мир донских старообрядцев во второй половине XVIII века.....	4
Култышев П.Г. Служба офицеров в Русской императорской гвардии начала XX века: статус, быт, досуг.....	3

Курапов А.А. Деятельность буддийских проповедников в Калмыцкой степи Астраханской губернии и ее регулирование Российским государством в конце XIX – начале XX века.....	3
Медведев М.В. Поисковое движение на Дону как форма сохранения исторической памяти общества.....	4
Мигаль А.С. Образ мусульманского правителя в философских трудах Вольтера и Монтескье.....	3
Мининкова Л.В. О достоверности большевистских воспоминаний о революционном движении 1907–1914 годов.....	4
Моисеенко М.А. Индустриальная революция в Шотландии: зарубежная историография второй половины XX века	3
Мухаметшина К.Р. Адыгская этническая идентичность в 90-е годы XX столетия: социокультурные и политические факторы внутренней трансформации.....	4
Новолодский А.С. Походы 50-х годов XVI века на Крым в московском летописании.....	4
Паламарчук Е.А., Подольников В.П. Статус замужней женщины в нацистской Германии (1933–1939).....	2
Подольников В.П. Вильгельм II и внешняя политика Германии в конце XIX века.....	3
Сароглиди А.В. Агитационно-пропагандистская деятельность Рабоче-Крестьянской Красной Армии в Донской области в 1920-е годы и изменение уклада жизни молодежи.....	2
Степкин В.В. Пещерничество в середине XIX века у станицы Кочетовской Ростовской области.....	3
Филатова Н.В. Ведовские практики в Шотландии раннего Нового времени.....	2
Шандулин Е.В. Роль А.В. Луначарского в реформировании Донского университета в начале 1920-х годов.....	1
Юдин К.А. Из истории «вечного противостояния»: атеизм и клерикализм в советско-российском социуме.....	4

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Васьков М.А., Тлисов А.Б., Змияк С.С., Тяглов С.Г. Трансформация российской институциональной системы местного самоуправления в условиях кризиса: экономико-социальные последствия и актуальные тенденции развития.....	1
Добаев А.И. О факторах, повлиявших на формирование и развитие системы «хавала».....	4
Евченко Н.Н., Микаелян М.В. Динамика международной экономической и инвестиционной активности субъектов ВЭД в условиях нестабильности.....	4
Иваночкина Т.А. Моделирование эволюции региональных кластеров на основе их синергетической природы.....	1
Макаренко Т.В. Перспективы стандартизации управленческого учета активов в коммерческой организации... ..	1
Марюнина И.Н. Анализ эффективности государственных мер в реализации политики импортозамещения в нефтегазовой отрасли России.....	4
Никитин Д.А. Эффективность использования заемного капитала.....	2
Сергиенко В.Ю. Развитие благоустройства территорий в системе мер государственного и муниципального управления Ростовской области.....	4
Хохлов А.А. Модель импортозамещения в промышленности региона на основе идей глокализации.....	2
Шевелева А.В. Год экологии в России – основа решения экологических проблем.....	3

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ

Асеков З.И., Велиев О.В. О формировании эстетической потребности у студентов средствами литературы.....	2
--	---

ЛЮДИ ЭПОХИ

Кислицын С.А. Ю.А. Жданов как историк (навстречу 100-летию со дня рождения).....	1
---	---

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Дзидзов В.Д., Чибиров Л.А., Басаев Б.Б. Весомый вклад в отечественную и мировую науку (к 90-летию доктора исторических наук, профессора В.А. Кузнецова).....	3
Паламарчук Е.А., Януш С.В. Алексей Алексеевич Аникеев – ученый, педагог, организатор (к 75-летию со дня рождения).....	1
Ученый, организатор науки, писатель (к 80-летию Владимира Семеновича Золотарева).....	4

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Денисов В.В., Крючков А.Б. Черкасов А.В. История мореплавания : учебно-методическое пособие для самостоятельной работы курсантов высших морских учебных заведений. Ялта; Севастополь, 2015. 170 с.	1
Дзидзов В.Д. Вклад в национальный региональный компонент исторического образования (Трехбратов Б.А. Кто есть кто в кубановедении : библиографический словарь-справочник; 2-е изд. Краснодар : Традиция, 2014. 528 с.).....	2
Драч Г.В. Генетика культуры (Культурогенез и культурное наследие : материалы III и IV Российского культурологического конгресса / сост. А.В. Бондарев. М.; СПб., 2014. 639 с.).....	1
Ивлиева О.В. – Экскурсовод. Как им стать : сборник статей и законодательных актов, позволяющих освоить специальность «экскурсовод» в городе Ростове-на-Дону / ред. и сост. Ю.С. Пономарев. Ростов н/Д. : Медиаполис, 2017. 76 с.	4
Корзун В.П. Вотчинная теория: траектория движения в историографическом пространстве (Мининкова Л.В. Теория вотчинного государства в отечественной историографии XIX – XXI вв. Ростов н/Д. : Изд-во ЮФУ, 2015. 138 с.).....	2
Сень Д.В., Шалак М.Е. Непомнящий А.А. История и этнография Крыма: библиография и архивы (1921–1945). Симферополь, 2015. 936 с.	1

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Белопольская Е.В. Дни памяти Ф.М. Достоевского в Ростове-на-Дону (9–11 февраля 2017 г.).....	1
---	---

Воронина Т.В., Евченко Н.Н. Об итогах III Международной научно-практической конференции «Конкурентоспособность национальных экономик и регионов в контексте глобальных вызовов мировой экономики» (Ростов-на-Дону, ЮФУ, 20–22 апреля 2017 г.).....	4
Денисов В.В. Научные конференции в Мордовии, посвященные 200-летию со дня кончины святого праведного воина Феодора Ушакова (Саранск, 12 октября 2017 г.; Темников, 17 октября 2017 г.).....	4
Долженко Г.П. 20 лет кафедре международного туризма и менеджмента Кубанского государственного университета.....	3
Мининков Н.А. Третья Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии», посвященная памяти академика РАН Николая Николаевича Покровского (Новосибирск, 13–14 октября 2017 г.).....	4
Савченко Л. А., Вялых Н. А. Четырнадцатые Международные гендерные чтения «Гендерные отношения в России за 100 лет» (Ростов-на-Дону, 31 марта 2017 г.).....	2
Сухов Р.И., Саяпина Н.Н., Воронина Е.А. I Всероссийская научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием «Современные проблемы и технологии в сфере сервиса, туризма, гостиничного дела, государственного и муниципального управления» (Ростов-на-Дону, 6–7 апреля 2017 г.).....	3
Тажидинова И.Г. Всероссийская научно-просветительская конференция «Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия» (XXX Адлерские чтения) (г. Адлер, 7–11 октября 2016 г.).....	1
Тажидинова И.Г. Международная научно-просветительская конференция «Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. К 100-летию Великой русской революции» (31-е Адлерские чтения, 26–30 мая 2017 г.).....	3

Рекомендации по оформлению транслитерации (References)

Непосредственно транслитерацию можно сделать на сайте <http://translit.net/>, выбрав вкладку Варианты – BSI. Примеры для ее оформления даны ниже.

Монографии, книги целиком

Tsygankov A.P. *Sovremennye politicheskie rezhimy: struktura, tipologiya, dinamika* [Modern Political Regimes: Structure, Typology, Dynamics]. Moscow, Interpraks, 1995, 296 p.

Istoriya Rossii s drevneishikh vremen do nashikh dnei [History of Russia from Ancient Times to Our Days]. Ed. A.N. Sakharov. Moscow, AST, 2017, 1744 p.

Статьи в журналах

Gubanov S. Neoindustrializatsiya plus vertikal'naya integratsiya (o formule razvitiya Rossii) [Neoin-dustrialization Plus Vertical Integration (on a formula for the development of Russia)]. *Ekonomist*. 2008, No. 9, pp. 3-27.

Диссертации, авторефераты

Pas'ko E.A. *Kolonizatsionnaya politika Rossii (vtoraya polovina XVIII – pervaya chetvert' XIX vv.)* : dis. ... kand. ist. nauk [Colonization Policy of Russia (the Second Half of the XVIII - First Quarter of the XIX Century)]. Rostov-on-Don, 2003, 240 p.

Электронные источники, интернет-сайты

Available at: www.ecoternopil.gov.ua (accessed 11.10.2014).

Mangeim K. *Ideologiya i utopiya* [Ideology and Utopia]. Available at: http://royallib.com/read/mangeym_karl/ideologiya_i_utopiya.html#20480 (accessed 19.02.2017).

Нормативные и архивные документы

O sredstvakh massovoi informatsii [About the mass media] : zakon RF ot 27.12.1991 No. 2124-1. Moscow, 1991.

Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Rostovskoi oblasti [Center for Documentation of the Newest History of the Rostov Region]. Fund 5. In. 1. File 35. L. 40.

GOST R 7.0.5-2008. Bibliograficheskaya sсылка. Obshchie trebovaniya i pravila sostavleniya [GOST R 7.0.5-2008. Bibliographic reference. General requirements and rules of compilation]. Moscow, 2008, 30 p.

Материалы конференций, семинаров, сборники

Akoeva N.B. [Transformation of Traditional Values in the Service Cossacks during the First World War]. *Kazaki i gortsy v gody Pervoi mirovoi voyny* [Cossacks and Highlanders during the First World War]. Proceedings of Russian scient. conf. with intern. partic. Rostov-on-Don, 2014, pp. 123-136.

Научно-образовательный и прикладной журнал
**ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Журнал «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», имеющий статус центрального издания, включенного в перечень ВАК, продолжает прием работ по следующим отраслям:

1. Философские науки.	Кроме того, публикуются материалы в разделах:
– «Заметки о книгах»;
– «Научная жизнь»;
– «Штрихи к портрету».
2. Исторические науки и археология.	
3. Экономические науки.	

Журнал издается с периодичностью 4 номера в год. Помимо основных номеров выходят специальные тематические выпуски, посвященные разным научным направлениям, работам отдельных организаций, а также научные труды вузов, приуроченные к юбилейным датам. С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=7571.

Авторы, сохраняя за собой авторские права на работу и передавая журналу «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» право первой публикации, автоматически принимают на себя обязательство не печатать ее ни полностью, ни частично в каком-либо издании без указания ссылки на оригинальную публикацию в этом журнале.

Публикация материалов, на которые получена положительная рецензия, оплачивается лично автором или организацией. Стоимость работ – договорная.

Оформление работ осуществляется согласно правилам:

1. Печатный и электронный вариант статьи. В начале статьи указать индекс УДК.
2. Текст должен быть набран в редакторе MicroSoft Office 98 Word 2000, 2003, 2007 через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman размером 14 пт, страницы пронумерованы. Для записи формул применять только редактор формул Equation 3.0.
3. Сопроводительное или рекомендательное письмо, если статья представляется от организации.
4. Полное название организации и ее адрес **на русском и английском языках**.
5. Сведения об авторах с указанием адреса, по которому будет вестись переписка **на русском и английском языках**.
6. Название статьи и фамилии авторов **на русском и английском языках**.
7. Аннотация **на русском и английском языках** (1000–1500 знаков / 150–200 слов; четко указать предмет, цели, задачи и выводы исследования).
8. Ключевые слова **на русском и английском языках (8–10 слов)**.
9. Транслитерированный список литературы.

Журнал распространяется по подписке – через ОАО «Роспечать» в подписной период. Подписной индекс – 70414 (подписка на полугодие).

В неподписной период отдельные номера журнала за нынешний и прошлые годы можно приобрести в редакции.

Адрес для переписки: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42, ЮФУ.

Редакция журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки».

Тел.: (863) 218-40-00 доб. 11-093; (863) 218-40-00 доб. 11-094.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru.

Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru.

ISSN 0321-3056. DOI 10.23683/0321-3056-2017-4.

Известия высших учебных заведений.
Северо-Кавказский регион. Общественные науки.
2017. № 4